АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Развитие функциональных стилей современного русского языка

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

63312

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РАЗВИТИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1968

4
Р-17

Сборник представляет собой описание изменений, которые произошли в стилистической системе русского языка в условиях советского общества. Исследован обширный фактический материал современной устной речи, художественной, научной, деловой и публицистической литературы.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
63312

РЕДАКТОРЫ:

Т. Г. ВИНОКУР и Д. Н. ШМЕЛЕВ

7-1-2
198-68 (I)

Т. Г. Винокур

ОБ ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

(к постановке вопроса)

Задача, объединившая статьи настоящего сборника, заключается в попытке охарактеризовать некоторые социально-обусловленные тенденции стилистического развития современного русского языка после октябрьской эпохи.

Трудность этого предприятия очевидна. И прежде всего она состоит в том, что традиции социологически направленных изысканий в области стилистики до сих пор остаются весьма неопределенными и разрозненными, а конкретный опыт подобных работ минимальным.

Это в свою очередь объясняется особым положением самой стилистики как науки, которая и у нас, и за рубежом дискутирует сейчас все еще не установившиеся понятия: предмет лингвостилистики, ее объем и содержание, единство или множественность ее проблематики, взаимоотношение с другими областями языкознания, единицы и принципы выделения стилистически значимых языковых категорий[1].

[1] См. некоторые труды последнего времени, затрагивающие самые существенные, как кажется, вопросы стилистического «самоопределения»: В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; М. Н. Кожина. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966; В. Д. Левин. Очерки стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX века. М., 1964; М. В. Панов. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики). «Развитие современного русского языка». М., 1963; М. В. Панов. Развитие русского языка в советском обществе.— ВЯ, 1962, № 3, стр. 9; Л. Долежел, К. Гаузенблас. Соотношение поэтики и стилистики. «Poetyka». Warszawa, 1961; K. Hausenblas. K zakladnim pojmům jazykové stylistiky. «Slovo a slovesnost», 16, 1955; R. Jakobson. Linguistics and Poetics. «Style in Language». New York— London, 1960; M. Riffaterre. Criteria for style Analysis. «Word», 1959, № 1, v. 15; Он же. Vers la définition linguistique du style. «Word», 1961, № 3, v. 17; Он же. Stylistic Context. «Word», 1959, № 3, v. 16; J. Middleton Marry. The Problem of Style. London, 1961.— См также библиографию, составленную Х. А. Хатцфельдом («A Critical Bibliography of the New Stylistics».— «The University of North Carolina Studies in Comparative Literature», v, 5, Chapel Hill, 1953, стр. 247), где дана оценка наиболее ин-

Таким образом, исчерпывающий и всесторонний охват названной темы, возможный лишь при глубокой разработке теории и методологии стилистического анализа, должен явиться следующей ступенью начатого здесь исследования.

Неполнота представленных в этом сборнике наблюдений, их предварительный, иногда слишком частный или, наоборот, слишком общий, периферийный характер, отчетливо осознаваемые авторами и неизбежно сопутствующие начальному этапу работы, не оказались, однако, препятствием для уяснения ряда вопросов, связанных пока еще только с постановкой проблемы о сущности стилистических изменений, претерпеваемых системой языка в определенный исторический период. В частности, с достаточной ясностью обозначился круг «рабочих» понятий, которыми при этом следует оперировать.

Во-первых, бесспорно то, что, говоря о стилистической системе современного языка и о ее изменениях, обусловленных общественными изменениями, нужно иметь в виду функционально-стилистическую дифференциацию, т. е. определяемое внешними факторами различие: приемов использования, частоты употребления, сочетаемости тех или иных языковых средств в разных коммуникативных сферах. Следовательно, в качестве основной единицы стилистической системы выступает функциональный стиль.

Во-вторых, как будто не вызывает сомнений и то обстоятельство, что главным источником для изучения закономерностей формирования и развития функционального стиля, а также исторических изменений, которые он претерпевает, являются речевые контексты, имеющие наиболее четкую жанровую и функциональную прикрепленность.

Но значит ли это, что, имея дело с функциональными разновидностями, составляющими стилистическую систему, мы ограничиваем себя рамками явлений, связанных только со стилистикой речи, но не стилистикой языка? Значит ли это, что, говоря о стилистической системе, мы затрагиваем систему только речевых стилей?

Поскольку сами понятия стилистической системы языка и стилистического состава речи определяются в науке по-разному, далеко не всегда можно разграничить факты стилистических перемещений, происходящих в функциональных стилях, с точки зрения того, оказывают ли они влияние на системные соотношения стилистических ресурсов языка или остаются в контекстных пределах данного речевого жанра.

Безусловно, для исторических сдвигов наиболее показательны «приемы сочетания стилистически контрастных единиц в речевых отрезках»[2], а реализация этих приемов находится в прямой зависимости от функциональной специфики текста. Но, возникая в речевых контекстах, характерные признаки функциональных разновидностей оформляются затем как определенный набор, определенная совокупность стилистически окрашенных средств, закрепляющихся в системе языка. И в этом смысле возможен и правомерен взгляд на функциональные стили как на стили языка, образующие, по выражению В. В. Виноградова, «систему систем»[3], так как речевые явления, характеризующие стилистические сдвиги внутри каждого из стилей, осуществляются в разных жанрах и видах устной и письменной речи, т. е. в первоначальных, простейших единицах этой «системы систем».

Значит, рассмотрение стилистических изменений, которые определяют развитие речевых единиц даже в период, ограниченный сравнительно узкими хронологическими рамками, целесообразно строить в двух направлениях: констатировать факты варьирования и смещения стилистических контрастов, ведущих к формированию новых свойств данного речевого стиля, и отмечать сопутствующие этому изменения в общем составе устойчивых языковых компонентов, образующих стилистическую специфику той или иной функциональной разновидности языка[4]. Следовательно, историко-социологический подход к развитию стилистической системы русского языка современной эпохи может опираться на существующее в лингвистике мнение о том, что функциональные стили всех высокоразвитых языков в наше время «не являются целиком ни речевыми и ни языковыми, а представляют собой явление более сложного, языково-речевого порядка»[5]. Сложность внутренней иерархии их состава, по всей вероятности, заключается в двояком характере самого принципа, по которому устанавливаются объем и признаки подобных языковых сфер.

тересных концепций в этой области и отмечена важность разграничения проблем языковых и собственно стилистических, идущего от Соссюра, Балли, Фосслера, Шпитцера и Лерха.

Ср. замечание Б. Илека о том, что «наше время отличается стремлением освободить стилистику от нормативности и обосновать ее как строго теоретическую дисциплину», в связи с чем «на первый план выдвигается проблема методологии стилистических исследований» (B. Jilek. Úkoly a perspektivy stylistického bádaní. «Československá rusistika», X, 2, 1965, стр. 71).

[2] М. В. Панов. Развитие русского языка в советском обществе, стр. 9.

[3] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 5.

[4] Речь идет именно о тех языковых компонентах, которые стилистически маркированы, так как само по себе наличие или отсутствие каких-то фактов языка в речевых контекстах данной функциональной разновидности еще не есть ее стилистический признак. Выделяя «ведущие» и «подчиненные» признаки стиля, И. Р. Гальперин считает, например, ведущим признаком научного стиля терминологию (М., 1965, стр. 68—73). Но вряд ли терминология является в этом смысле стилистически значимой. Она представляет собой просто одну из лексических групп (пусть главных) языкового состава данного стиля, и ее присутствие в научных текстах обусловлено внешними, тематическими причинами. Стилистический аспект ее рассмотрения складывается лишь при учете частотности, приемов ввода терминологии в нейтральную лексическую среду, взаимосвязи с ее употреблением употребления определенных синтаксических структур и т. д.

[5] Г. А. Вейхман. О стилистической классификации современного английского языка, «НДВШ. Филол. науки», 1958, № 4, стр. 98.

Как стилистические категории — они безусловно принадлежат в первую очередь речи; как функциональные — имеют «выход» в язык. Если поставить вопрос о том, обязательно ли функция (в понимании ее как целенаправленности, социального употребления) предполагает стилистические различия и, наоборот, обязательно ли стилистические различия связаны с функцией, то скорее всего возникнет представление о разных масштабах этих критериев.

Набор языковых средств любого функционального стиля вовсе не состоит из ему одному принадлежащих и обязательно стилистически маркированных единиц[6]. Языковедческое содержание понятия «функциональный стиль» составляется из традиционного объединения только тех языковых средств, которые определяют лицо стиля т. е. средств с одинаковой (или сходной) стилистической окраской, с едиными функционально-речевыми нормами отбора и употребления, закрепленными за определенной социальной сферой общения.

Учитывая это, следует придерживаться традиционной классификации функциональных разновидностей литературного языка: разговорная, официально-деловая, газетно-публицистическая и научная речь. Выделение и оформление их — процесс, сам по себе обусловленный внеязыковыми факторами, достаточно хорошо известными и описанными в научной литературе[7]. Любые изменения социальных факторов, организующих стиль, стимулируют изменения в его языковом составе. Однако надо иметь в виду то обстоятельство (и на него указывают исследователи)[8], что причинами только экстралингвистического характера можно объяснить лишь возникновение любых стилистических явлений. Когда же речь идет о причинах существования тех или иных признаков стиля, в свои права вступает и внутриязыковый фактор — стилистическая традиция, т. е. отстоявшаяся система средств выражения и нормативных представлений. Но стилистическая традиция может быть нарушена вторжением инноваций, вызванных тем, что мы называем «языковой политикой».

[6] Не случайно Пражская школа разграничивает понятия «функционального» (или специального) языка и функционального стиля, относя первое к «langue», а второе — к «parole». См. Б. Гавранек. О функциональном расслоении литературного языка. «Пражский лингвистический кружок. Сборник статей». М., 1967.

[7] Разный подход и разная терминология при характеристике главных из них (т. е. целей и задач высказывания) не меняет, очевидно, существа проблемы, т. е. отношения к функциональным разграничениям как к специализации основного — коммуникативного — назначения языка. Ср. схемы В. В. Виноградова: общение — сообщение — воздействие (указ. соч.), Л. Долежела: рекогносцитивная, директивная, эстетическая и контактная сферы в общей коммуникативной сети («Вероятностный подход к теории художественного стиля»—ВЯ, 1964, № 4), а также схему Р. О. Якобсона и его определение тех изначальных факторов, которые вызывают функциональную дифференциацию языка (указ. соч., стр. 353 и сл.).

[8] Г. А. Вейхман. Указ. соч.

Языковая политика очень значима для изменений в области стиля, и значимость этого явления особенно возрастает в революционные периоды истории общества. Поэтому и здесь приходится признавать косвенное влияние экстралингвистических факторов, что позволяет сделать заключение о специфике стилистических сдвигов (по сравнению с историческими изменениями других уровней системы языка), состоящей в непременной их внеязыковой обусловленности — непосредственной или опосредствованной.

Но специфика стилистических сдвигов проявляется не только в этом. Не менее важно осознать внутреннюю обособленность путей изменения и развития языковых фактов, «отмеченных» с точки зрения стиля. Поэтому необходимо строго соблюдать своеобразие именно стилистического критерия в оценке тех перемещений и перераспределений, которые происходят внутри каждой функциональной разновидности.

Поскольку наука о стилях не имеет своих языковых единиц, а использует единицы других ярусов системы языка, она должна вычленять их собственно стилевые свойства[9], с особой отчетливостью проявляющиеся в синтагматических связях, т. е. в употреблении, сочетаемости, зависимости. Форма слова, слово, словосочетание и т. д. становятся реальными объектами стилистики, если их объединяет стилистически маркированный контекст. Последний, как показывает практика, есть величина переменная. Его границы могут колебаться в пределах одного слова и целого высказывания[10] в зависимости от того, на каком речевом отрезке проявляется стилистическая оппозиция. Таким образом, анализ чисто стилевых изменений, наблюдаемых в функциональных разновидностях современного языка, отнюдь не предполагает прослеживания стилистических потенций отдельных языковых элементов разных ярусов. Стилистика выстраивает в единый функциональный ряд любые из них, если для этого есть контекстные предпосылки. Так, например, если мы анализируем стилистический состав современной разговорной речи, то в таком высказывании, как: *Он уж теперь, милый мой, руководящего опыту набрался. Покрикивать стал. Знаешь, такие элементы небрежности появились, что только ахнешь...*, — стилистически значи-

[9] «Stylistic facts can be apprehended only in language, since that is their vehicle: on the other hand, they must have a specific character, since otherwise they could not be distinguished from linguistic facts» (M. Riffaterre. Указ. соч., стр. 154).— В связи с этим утверждением автор проводит далее мысль об объективном существовании двоякой роли элементов языка — как элементов языковой системы и как элементов стилевой системы, что обязывает исследователя прежде всего уметь разграничивать стилистически релевантные и стилистические нерелевантные языковые факты.

[10] Ср. замечание И. Носека (см.: И. Носек. Некоторые семантические черты современного английского разговорного языка. «Philologica pragencia», 2, 1963) о том, что в стилистических дефинициях нет таких четких границ, как в фонологии и грамматике. О стилистическом контексте см. также статью М. Риффатерра «Stylistic context», где автор выделяет «микро»- и «макро»- контекстные стилистические единицы.

мыми оказываются: грамматическая форма слова *опыту*, так как ее разговорный вариант контрастирует с книжной принадлежностью самой лексической единицы; сама эта лексическая единица как книжная; словосочетание *элементы небрежности* — по той же причине; конструкция *набраться опыта* (*-у*) — но уже по другой причине, с точки зрения заключающегося в ней стилистического стыка; наконец, синтаксически связанное контекстное соседство книжного и разговорного *элементы небрежности — только ахнешь* и т. д.

Сдвиги количественной соотносительности разностильных единиц, смена типов их соединений и приемов ввода чуждой стилевой стихии в исконную, различие языковой и тематико-ситуационной «избирательности» в соответствии стилистического отбора конкретным экспрессивным задачам — создают картину стилистического развития названных выше функциональных стилей современного русского литературного языка.

Историческая судьба каждого из них складывалась по-разному и с точки зрения объема происходящих в них изменений, и с точки зрения объективных причин, вызывающих эти изменения, и с точки зрения темпа, в котором они проходили. Однако общим для всех функционально-стилистических разновидностей в настоящее время является отсутствие коренной ломки системы выразительных средств в целом по сравнению с дореволюционным периодом языкового развития. Это положение естественным образом связывается с отсутствием коренной ломки всей структуры литературного языка, которому в значительно большей степени свойственными оказались частные изменения, обусловленные как внутриязыковыми, так и внеязыковыми причинами.

В развитии системы функциональных стилей преимущественно можно наблюдать или активизацию некоторых стилистических процессов, уже имевших место ранее, или закономерное обновление языкового репертуара функционально прикрепленных стилистических средств в однородных внеязыковых условиях, часто вызываемое, как уже было отмечено, не столько изменениями в самом языке, сколько изменениями в языковой политике, которую проводит новый общественный строй.

Указанные явления объединяются двумя основными тенденциями, характеризующими изменения стилистической системы языка нашего времени по возможности полно: 1) тенденцией ко все расширяющемуся и углубляющемуся взаимопроникновению стилей, откуда вытекает бо́льшая интенсивность нейтрализации межстилевых средств выражения, и 2) тенденцией к усилению дифференциации внутристилевой специфики языковых фактов, обслуживающих численно возросшие и обособленные друг от друга речевые жанры.

Взаимопроникновение стилей — постоянное свойство любого стилистически отмеченного речевого акта. Последний никогда

не может быть осуществлен «дистиллированными» средствами только одного стилистического ряда. Но общественные условия, сопутствующие реализации речевого акта, способны менять пропорции и типы соотношения стилистически разнородных элементов, сводя их к минимуму или к максимуму разнообразия — в зависимости от целенаправленности высказывания.

Процессы, в которых реализуется тенденция к взаимопроникновению стилей, под воздействием новых общественных условий сгруппировались сейчас главным образом вокруг разговорной речи[11]. Она оказалась, с одной стороны, центром притяжения разностильных языковых средств и, с другой стороны, самой мобильной и влиятельной средой для формирования новых стилистических признаков у других функциональных разновидностей. Ассимилируя книжные элементы, она сама одновременно глубоко проникает в книжные стили и становится как бы универсальным ключом к определению общей стилистической тональности современного речевого общения, которым пользуются широкие демократические слои населения.

Именно поэтому в настоящем сборнике основное внимание уделено сложной проблематике своеобразия разговорной функционально-речевой разновидности как типа речи и как стиля речи и особого, ввиду этого, ее положения в системе функциональных стилей.

Именно поэтому для дополнительной характеристики роли и места разговорной речи в стилистическом составе современного русского языка привлекается такое специфическое свидетельство, как использование и оценка стилистических возможностей разговорной речи художественной литературы, хотя весь многообразный круг вопросов, связанных с художественной речью вообще, в данный момент остается в стороне.

Взаимопроникновение стилей и сопутствующая ему нейтрализация стилистических средств не исключают, как это могло бы показаться на первый взгляд, активного действия второй тенденции — усиления внутристилевой функциональной дифференциации отдельных явлений языка. Больше того, они в известной мере подготовлены ею. Нейтрализованное употребление разговорных элементов в книжных стилях и, наоборот, книжных элементов в разговорном стиле есть безусловное следствие их первоначально мотивированного, специального использования.

Это подтверждают наблюдения над качественным изменением тех элементов языка, которые постепенно переходили из сферы «инкрустаций», «инородных вкраплений» в сферу привычных для данного стиля выразительных средств. Так, например, можно

[11] Что, вероятно, наблюдается и в других современных европейских языках. «Фронтальное продвижение разговорного стиля, которое не может не влиять на систему литературного языка», отмечает, например, для чешского языка Ф. Данеш («Vývoj češtiny v obdobi socialismu».— «Problemy marxistické jazykovědy». Praha, 1962).

оценивать экспансию разговорного синтаксиса в современную газетно-публицистическую речь или же организацию эмоционально-образной экспрессии в разговорной речи за счет метафорического переосмысления книжной лексики и фразеологии[12].

Следовательно, обе эти тенденции находят конкретное выражение в закономерностях развития разговорного и книжных (научного, публицистического, делового) стилей.

Описание стилистического движения последних, построенное в статьях данного сборника по-разному, показывает, как преломляются общие принципы изменения стилей в советскую эпоху на почве частных особенностей той или другой функциональной разновидности.

Взаимное сравнение двух хронологических срезов в развитии научной прозы, проведенное по группе показателей, представляющих собой (в применении к микроистории) своеобразный комплекс, дает возможность определить наиболее характерную для научного стиля нашего времени тенденцию к ограничению и стабилизации внутристилевых средств его языкового выражения.

Хронологически выдержанный по десятилетиям послеоктябрьского периода обзор основных стилистических свойств деловой речи констатирует обусловленное внешними факторами проникновение разговорных и публицистических элементов даже в такую замкнутую и консервативную среду, какой является официально-бюрократическая стилистика.

Сопоставление двух контрастных жанров, отобранных из всего жанрового многообразия публицистического стиля (по признаку максимальной сохранности и максимального отхода от дореволюционной традиции), осуществлено при помощи статистических данных, наглядно демонстрирующих сближение публицистической и разговорной речи.

Эти процессы способствуют осуществлению демократизации литературного языка, к чему осознанно стремилось советское общество и что прежде всего должно было выразиться в определенном «упрощении» и «снижении» языкового состава книжных стилей[13].

[12] Ср. характерный пример: *Я подслушал такой разговор. Девушка говорила по телефону с кем-то, очевидно, из энергоцентра комбината. Она говорила так: — Ох, Ваня! Ну что ты! Разве так можно... Ослабь напряжение. Я уж больше не могу... Я исстрадалась... Ну, Ванечка,... Пожалуйста, будь милым...* («Лит. газета», 27 авг. 1966 г.).

[13] К. Паустовский вспоминает: «Я написал листовку и вложил в нее весь пафос, на какой был способен. Тень Виктора Гюго, выражаясь фигурально, реяла надо мной, когда я писал эту листовку. Но Бугаенко начисто ее забраковал.— Не по той задаче написано,— сказал он.— Слов нет, сделано красиво, отполировано... Все хорошо, что к месту. В таких вещах нужна доходчивость. Чтобы все было просто и понятно даже самому неграмотному из неграмотных... Я понимаю, это, может быть, потрудней, чем писать красиво. Попробуйте еще раз.— После этого я бился над листовкой несколько вечеров, пока мне не удалось написать ее просто и понятно» («Повесть о жизни»).

Ср. также старое восприятие газетной речи, отождествляющейся с архаическим словоупотреблением, и современный обиходный характер последнего:... *Три четверти каждой из этих сонат — пошлость, гам, кавардак! Ах, тут феи на лугу кружатся, а тут грохот водопада! Эти феи одно из самых ненавистных мне слов! Хуже газетного «чреватый»* (*И. Бунин, Лика*); *Я обомлела, когда услышала пойманные и записанные слова командира космического корабля «Восход-2» Павла Ивановича Беляева, спокойно, по-деловому произнесенные им в межпланетном пространстве...* (Очерк Е. Кононенко, 1965) или: *Иные молодые люди, поступающие в высшие учебные заведения, часто завалива́ются на простейшем, казалось бы, вопросе: когда началась вторая мировая война?...* («Лит. газета», 25 авг. 1964 г.)

Но путь к простоте — это лишь общее и внешнее направление в развитии стилистики книжных функциональных разновидностей, за которым стоит неоднородное лингвистическое содержание и неравномерное хронологическое распределение явлений.

Первоочередной «языковой необходимостью» послереволюционных лет была необходимость приблизить к широким народным массам книжную речь. В этом нуждалась и наука, и публицистика, и делопроизводство, и художественная литература. Естественным средством для достижения подобной цели в 20-е годы представлялось внедрение в книжную речь просторечия и социально-профессиональных жаргонов. В соединении с появившейся в литературном языке новой лексикой, называющей новые общественные понятия, а также в соединении с высоким, архаизированным стилем, характерным для некоторых речевых жанров революционной поры, просторечие и жаргонная стихия давали картину причудливых и намеренно обостренных противопоставлений, как бы долженствующих создать новый стиль эпохи, но на самом деле неспособных образовать стилистический фундамент для построения сколько-нибудь оформленных закономерностей простой и точной демократической речи.

Постепенная и становившаяся в 30-е годы все более жесткой сталибизация литературных норм привела к тому, что основным выразительным средством книжной речи всех функциональных разновидностей оказался расширивший свои границы нейтральный стиль. Свойственные ему нивелированность и строгая регламентация слово- и формоупотребления обеднили и сковали язык, но в то же время помогли упорядочению, а следовательно, и известному упрощению стилистического состава литературного языка.

Нетрудно, таким образом, увидеть, что установка на «снижение» стилистической окраски книжной речи не всегда ведет к простоте, а простота может обернуться «упрощением» в негативном смысле этого слова, если она связана с канонизацией каких-либо ограничений.

Современный стилистический статус основных функциональных разновидностей книжной речи отмечен, по сравнению с 30-ми и 40-ми годами, большей свободой языкового репертуара и одновременно бо́льшим стремлением к отбору тех окрашенных элементов стиля, которые, действительно, способствуют, как этого требует время, простоте, лаконичности и экономности выражения.

Т. Г. Винокур

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Часть первая

I

Для стилистической характеристики современной разговорной речи, отдельных особенностей ее социально-обусловленного изменения и развития необходимо определить объем и содержание изучаемого явления: понятие «разговорная речь» часто интерпретируется в лингвистике по-разному, в зависимости от того, под углом зрения каких конкретных задач рассматривает ее тот или иной исследователь.

1. При стилистическом изучении разговорной речи целесообразно отвлечься от термина «разговорный стиль», нередко употребляемого синонимично термину «сниженный стиль» в парадигматическом ряду: высокий (книжный) — средний (нейтральный) — сниженный (разговорный) стили, распределяющем стилистические ресурсы системы языка.

Это совпадение названий, конечно, не случайно: р е ч е в а я р а з г о в о р н о с т ь как правило большей частью выражается в я з ы к о в о й с н и ж е н н о с т и стилевых средств. Но тем не менее оно не должно и не может означать знака равенства между «разговорным стилем» и «разговорной речью» — категориями, принадлежащими разным структурам и потому имеющими разную организацию.

В данном случае к исследованию привлекается разговорная речь, и тем самым на первый план выходят синтагматические связи, благодаря которым речевые разновидности получают свою стилистическую специфику.

В современных работах по стилистике высказывается идея существования наряду с языкознанием, занимающимся только системой языка, еще одной отдельной науки — о речи (по термину В. Скаличка — «parolové lingvistiky»). Именно она, как наука «линейная», отождествляется со стилистикой, поскольку в последней основное — «линейный способ организации текста»[1].

С точки зрения социологического анализа надо признать большую перспективность «линейной» стилистики[2] (так как она непосредственно соприкасается с речевой деятельностью общества, функционально обусловленной), даже если учитывать то обстоятельство, что «линейно», т. е. синтагматически, может выстраиваться и грамматическое и лексикологическое наблюдение.

Таким образом, в центре нашего внимания окажутся отбор, сочетание и соотношение языковых средств в одной из речевых разновидностей.

2. Но для того чтобы обратиться к изучению этих явлений, необходимо коснуться и другого терминологического разграничения, более существенного.

Вопрос заключается в том, определять ли характерные особенности разговорной речи 1) как одного из двух возможных (наряду с письменной) т и п о в (форм) реального языкового проявления[3], разница между которыми связана с условиями их осуществления[4], или 2) как единицы стилистической, соотносящейся с другим рядом таких же единиц: речью научной, деловой, публицистической. Ведь дифференциация речи по т и п а м «основана не на целеустремленном отборе форм, слов и конструкций, а на различии в общественных условиях и в материальных средствах социального общения»[5].

Для ответа на данный вопрос важно установить, есть ли в этих двух классификационных аспектах необходимая причинная связь, т. е. обусловлены ли характерные особенности разговорной речи как «стиля» — ее особенностями как «типа» (или «формы»); иными словами, являются ли эти аспекты двумя сторонами

---

[1] K. H a u s e n b l a s. Základní okruhy stylistické problematiky. «Československé přednášky pro V Mezinarodni sjezd slavistů v Sofii». Praha, 1963, стр. 288; об этом же см.: M. J e l i n e k. Mišeni funkčních stylů v soudobé umělecke próze slovianskych národů (Там же), где проводится разграничение структурных (грамматика и лексикология) и процессуальных (стилистика) дисциплин в современном языкознании.

[2] См. о стилистике языка и стилистике речи в первой статье сборника.

[3] См.: Н. Ю. Ш в е д о в а. Очерки по синтаксису разговорной речи. М., 1961.— В книге характеристика разговорной речи основывается именно на этом противопоставлении. Здесь же см. ссылки на многие работы (главным образом западных ученых), исследующие разговорную речь с этой точки зрения.

[4] В основном — наличие или отсутствие момента предварительного обдумывания высказывания; последнее же зависит от непосредственной или опосредствованной формы общения. При первой из них, свойственной (в разных вариантах) тем внеязыковым условиям, в которых обычно протекает разговорная речь, и сопровождающейся мимикой, жестикуляцией и т. д., возникает одно из ее наиболее характерных качеств как речи «непостроенной», «летучей», не закрепляющейся затем в виде «произведения»— автоматичность в воспроизведении набора готовых речевых шаблонов.

[5] В. В. В и н о г р а д о в. Итоги обсуждения вопросов стилистики.— ВЯ, 1955, № 1, стр. 78.

одного и того же содержания или, наоборот, это принципиально разные вещи.

Связь между особенностями разговорной речи, вызванными внеязыковыми (тип речи) и языковыми (стиль речи) причинами, бесспорно, существует и характеризуется тем, что первые вызывают вторые: строевые (формальные) признаки разговорной речи создают ее стилистические свойства. Точки соприкосновения названных двух планов определяются тем, что в основе каждого из них лежит функциональная природа явления, вне которой нет речевой деятельности общества.

Признаки первого типа (интонационные, лексико-синтаксические) — основная материальная предпосылка для взгляда на разговорную речь и как на некое стилистическое единство, с ему лишь свойственными закономерностями в выборе языковых средств. Следовательно, при рассмотрении особенностей разговорной речи нужно учитывать «двухъярусное» происхождение их истоков, что усиливает специфику этой речевой категории по сравнению с другими, ей подобными, и заставляет опять-таки отдавать предпочтение термину «разговорная речь», а не термину «разговорный стиль», тогда как в аналогичных случаях термины «деловой стиль», «научный стиль» и т. д., наверное, могут быть употреблены наравне с терминами «деловая речь», «научная речь» и пр.

3. Еще одно из обязательных уточнений понятия «разговорная речь» относится к его связи с понятием «устная речь». Здесь дело заключается не только в том, чтобы не смешивать сопоставительную пару «устная — письменная» речь с парой «разговорная — книжная речь». Эта задача достаточно элементарна и очевидна, и окончательного успеха в ее решении можно легко достигнуть категорическим отказом от терминологического противопоставления «разговорная — письменная речь»[6] всегда заменяя его логически безупречным противопоставлением «разговорная — книжная речь».

Значительно важнее так же, как и в предыдущем пункте, выяснить взаимозависимость этих сопоставительных пар, если она существует. А в последнем трудно сомневаться, несмотря на несколько иной характер этой зависимости по сравнению с взаимозависимостью между «типом» и «стилем» речи.

Связь устной и письменной форм речи с разговорным и книжным типами речи[7] выражается в том, что как для указанных типов речи, так и для ее функционально-стилистических разновидностей одна из форм (устная или письменная) всегда является наиболее характерной, органичной, естественной. И в этом смысле, например, для разговорной речи, безусловно, устная форма реализации — первичная, а письменная — вторичная, отраженная, воспроизведенная; так же как (обратный случай) речи деловой — устная форма как бы противопоказана по самому ее существу.

Поэтому, даже принимая во внимание справедливое положение: стиль или тип речи «не оказываются закрепленными за формой»[8], приходится считаться с тем, что для «стилевых» и «типовых» особенностей не безразлично, осуществляются ли они устно или письменно, так как в зависимости от этого возникают различные модификации одних и тех же функционально-стилистических категорий[9].

Одни из них связаны с реальным существованием определенного жанра. Пример: в научном стиле — лекция (один из устных жанров) и учебник (соответствующий письменный жанр). Другие — с попыткой воспроизвести и закрепить в письменной форме то, что могло первоначально стать фактом речи только в устной форме. Таким воспроизведением является хотя бы речь персонажей в художественном произведении.

Конечно, различия между этими жанровыми изменениями неоднородны. Известную роль здесь играет прежде всего направление сдвига. Если оно идет от письменной формы — к устной, то в последней наметятся те отличия, которые вызваны п р о и з н е с е н и е м и его условиями. Конкретно это может выразиться, например, в усилении повторов (лексических и синтаксических), модальности высказывания, в увеличении количества вводных слов и оборотов, в специфике актуального членения предложения, связанной с выносом синтагм, рассчитанным на слуховое восприятие и т. д.

В обратном случае соответственно можно будет наблюдать противоположный процесс. И если это, предположим, такое явление, как точная (по мере возможности) передача в частном письме какого-либо разговора (без использования косвенной речи) — то, несомненно, скажется желание пишущего быть лаконичнее и точнее, т. е. сократится избыточная тавтология, может быть исчезнет какая-то часть модальных оттенков, смягчится интонационно-синтагматическое дробление и др.[10]

---

[6] Такое противопоставление дается, например, Н. Ю Шведовой (указ. соч.), из-за чего приходится подробно комментировать различие: «письменный» и «книжный». Многие же исследователи пользуются терминами «устный» — «разговорный» как синонимами. Это усугубляет терминологический хаос, хотя в ряде работ такая синонимия справдывается постановкой проблемы.

[7] В дальнейшем изложении принимаем именно такое обозначение с тем, чтобы была возможность более четко разграничивать каждую из упоминаемых категорий.

[8] В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики, стр. 78.

[9] «... elle (письменная речь.— *Т. В.*) n'est pas et ne sera jamais identique à la langue parlée; elle peut s'en rapprocher, elle peut la copier, mais cette copie est toujours une transposition ou une déformation» (Ch. B a l l y. Le language et la vie. Langue ecrite et langue parlée. Genève, 1952, стр. 69).

[10] Ср., например, бытовой диалог, приведенный в статье О. Б. Сиротининой «Порядок слов живой разговорной речи» («Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка». Куйбышев, 1963, стр. 117): — *А у вас простое отопление? — А? У нас газ к печке подведен.— Ну и хорошо?— Хорошо. Топим, сколько хотим.— С одной стороны, лучше,*

Принципиально иные явления на пути от устного к письменному высказыванию мы, естественно, увидим в тексте художественного произведения, задача которого, при использовании прямой речи, обобщить и типизировать наиболее характерные особенности живой разговорной речи [11]. Поэтому диалоги и монологи персонажей содержат квинтэссенцию типических черт разговорной речи. Сгущение их не только не противоречит истинной природе последней, но, наоборот, концентрирует ее функционально-стилистическую специфику. Именно поэтому художественная литература оказывается надежным источником при изучении разговорной речи, наряду с записями живой речи, что подтверждается методикой многих исследователей, работающих в этой области[12]. Однако литературный материал больше годен для собственно стилистического изучения разговорной речи, чем для установления ее типовой (структурной) специфики, так как, скажем, реальный синтаксис разговорной фразы еще не имеет традиции отражения его художественной литературой.

4. Итак, мы как будто должны рассматривать разговорную речь как функционально-стилистическую разновидность, осложненную особенностями ее проявления в специфических условиях, свойственных определенному типу речи (и с учетом сложности в фиксации этого проявления).

Но возникает еще одно противоречие, без уяснения которого говорить о месте разговорной речи в многослойной системе речевых разновидностей было бы затруднительно.

Известно, что понятия «стиль речи» (так же как и «стиль языка») — категории исторические, в то время как понятия «тип» и «форма» речи таковыми не являются [13].

Тем не менее, как уже было замечено, стилистические свойства любой речевой разновидности в значительной степени определяются структурой и сущностью типов речи, дифференцированных согласно областям общественной деятельности человека, конкретным целям общения и т. д.

Стиль (языка, речи) — понятие историческое, потому что исторически изменчивы и употребление и соотношение языковых средств внутри стиля, и границы самих стилистических классов. Понятие же типа речи с этими явлениями не соотносится. Важнейший фактор для выделения типа речи — общественно-психологический характер условий ее коллективного применения.

Таким образом, те особенности разговорной речи, которые обусловлены типом ее реализации (в противовес речи книжной), непосредственно связаны с категориями социального порядка и исторически изменчивы только в той своей части, в какой изменчивы сами эти социальные категории, а не категории языковые. Последние же исторически изменяются, например, в разговорной речи, лишь с точки зрения стилистической соотнесенности языковых средств, которая есть уже результат всей совокупности социально-исторических сдвигов, отражающихся на состоянии языка в данном обществе.

Следовательно, необходимо признать, что некоторые очень существенные, иногда в наибольшей степени определяющие ее специфику, особенности разговорной речи, имеющие прямую зависимость от типа ее реализации (т. е. условий «непосредственного» общения, апперцепционного момента[14] и т. д.) — на протяжении сравнительно небольшого исторического периода, как бы насыщен и ответствен он ни был, остаются стабильными.

Сейчас же речь идет только о той части явлений [15], которая, будучи непосредственно обусловлена сдвигами в объеме, составе языка, в условиях реального осуществления разговорной речи отражает соответственные сдвиги в составе, качестве и соотношении стилистических средств внутри данной функциональной разновидности и на ее границах.

5. Возникает еще один существенный вопрос: каковы сами границы разговорной речи и признаки каких категорий могут играть здесь «ограничивающую» роль?

с другой стороны, у нас от окон не дует, а у вас дует.— Почему? Да у нас вообще такая квартира, что ... отовсюду дует. — Вот. А потом... у нас ведь все время, у нас печка-то не сломана, и все время труба открыта. (Вступает третий участник разговора.) — *Мы даже можем и печку топить, да, мам? —так что вентиляция у нас... Мам?—Хорошая. — Мы и печку можем топить.— Ну куда еще печку топить, когда и так вон...— Нет, если когда вот...— двадцать градусов с лишним.— Конечно... и т. д.* По всей вероятности, тот же разговор, реализованный, скажем, в виде обмена записочками на скучном заседании, примет иной вид, так как произойдет неминуемое стяжение его неэкономности и «нелогичности» хотя бы потому, что с к а з а т ь — легче и быстрее, чем н а п и с а т ь.

[11] В зависимости от вида и жанра художественного произведения свойства и характер прямой речи в нем будут видоизменяться. Так, «обрамленный» диалог повествовательного произведения с какой-то стороны может явиться более достоверным отражением диалога живой речи, так как авторский текст играет при нем роль внеязыковой «конституции». С другой стороны, драматический диалог содержит в себе наивысшую меру типизации и характерологической глубины, так как в пьесе — он почти единственное средство художественного выражения.

[12] См., например: Зд. Я. О л и в е р и у с. Речевые структуры русской разговорной речи и преподавание русского языка в чешской школе («Československá rusistika», IX, 1964, 2, стр. 83).— Автор признает «языковый материал современных фильмов и пьес», при всей сложности отбора источников, годным к изучению наряду с «оригинальной магнитофонной записью». Ср. также замечание О. Б. Сиротининой о том, что «стилизованная разговорная речь в художественных произведениях хороших писателей» почти точно отражает исследуемые ею особенности живой речи по наблюдениям над пятью километрами магнитофонных записей (указ. соч., стр. 132).

[13] В. В. В и н о г р а д о в. Итоги обсуждения вопросов стилистики, стр. 83.

[14] См.: Л. П. Я к у б и н с к и й. О диалогической речи. «Русская речь», I. Пг., 1923.

[15] Основу их составляют особенности разговорной речи, строящиеся на синтезе формального и стилистического своеобразия, что дает им возможность закрепиться за системой языка в качестве относительно константных единиц определенной стилистической принадлежности. Этот «выход» в систему языка создается именно за счет перекрещивания в каждом из речевых стилей функциональной, т. е. принадлежащей только речи, и стилистической (потенциально заложенной в языковой системе) природы.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

Если учитывать специфическую языковую ситуацию, вызванную соединением свойств, идущих от типа речи и от стиля речи, то разговорная речь должна иметь и функциональные и тематические рамки, которые осложняются всем комплексом трудно дифференцируемой пестроты внеязыковых условий ее реализации.

Традиционный взгляд на разговорную речь с этой стороны заключается в ее отождествлении с бытовой речью [16]. Надо предполагать, что такое отождествление было до известной степени справедливым и соответствовало роли разговорной речи в предшествующие эпохи общественного развития, с естественным для них резким разграничением сфер бытового (семейного) и делового (официально-служебного, профессионального) общения, с четко обозначенными линиями принятых (ограниченных социально) условностей в отборе темы и средств ее выражения при каждом из возможных вариантов обстановки «говорения».

В настоящее время в связи с коренными изменениями общественного уклада: соотношения быта и труда, которые стали практически неотделимы друг от друга в жизни любого человека нашего общества; роли труда в сознании человека; с демократизацией целого ряда важных квалифицированных профессий и все большей дифференцированностью производства; с проникновением женского труда во все основные отрасли общественного производства и пр., — сферы действия разговорной речи сдвинулись. Чисто бытовое (семейное, домашнее, дружеское) общение, производственное и профессиональное взаимопроникают [17]. Закономерностью, а не исключением становится сочетание профессионально-деловой тематики и домашних, интимных условий говорения; также наоборот: бытовая тематика говорения обычна в кругу людей, связанных общим делом: именно в этом кругу теперь обычно устанавливаются дружеские отношения, располагающие к общению на темы, выходящие за пределы производственных.

Таким образом, тематические рамки (если вообще можно о них говорить в применении к разговорной речи) значительно расширяются, становятся гораздо более зыбкими и неопределенными, чем рамки «бытовой речи».

По тем же «внеязыковым» причинам раздвигаются и рамки самих условий, в каких реализуется разговорная речь. И здесь возникает целый ряд, во-первых, чисто практических, «конситуационных», частностей, каждая из которых так или иначе влияет на состав и стилистические свойства разговорной речи (где, когда, с кем говорят, т. е. как соотносятся между собой говорящие в социальном, возрастном и др. планах, сколько человек участвует в разговоре и т. д.), а во-вторых, и более общих социально-психологических факторов, о которых выше шла речь (соотношение личного и общественного и деформация объема самих этих категорий в жизни любого члена нашего общества).

Значит, определяя такое своеобразное явление, как разговорная речь, нельзя не учитывать объективно существующей и исключительно для нее характерной в настоящее время широты и многообразности тематико-ситуационных границ.

6. Эта черта — лишь одно небольшое звено в цепи внешних речевых изменений, которые порождены изменениями социального порядка, оказывающими значительное воздействие на общее состояние языковой системы. Широта и нечеткость тематических и ситуационных границ разговорной речи имеет связь с одним из основных процессов, характеризующих развитие национального языка после Октябрьской революции,— сдвигом в соотношении литературной и нелитературной речи.

Исследователи отмечают как одну из важнейших тенденций в развитии русского языка послеоктябрьского периода — расширение сфер литературной речи, распространяющейся на те круги, которые раньше владели городским просторечием или местными диалектами. Это явление не могло не отразиться на качестве и составе самой литературной речи, и в первую очередь на речи разговорной.

Связанные с данной проблемой вопросы (о том, что входит в литературную разговорную речь и что остается за ее пределами; можно ли вообще применительно к современному состоянию литературной речи придерживаться такого противопоставления в свете очевидной ее демократизации; каковы пути формирования вытекающих из этого новых нормативных для разговорной речи установок) — не могут находиться в стороне от определения языковой специфики разговорной речи и ее места в системе других стилей и типов речи.

Прежде всего меняется соотношение просторечия [18] и литературной разговорной речи: они сближаются. Благодаря этому

[16] См.: Л. П. Якубинский. Указ соч.; А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка». М., 1952 и др.— В настоящее время, наоборот, для исследователей разговорной речи характерно стремление резко разграничить эти понятия. См., например: К. Кожевникова и О. Кафкова. Лингвистическая и педагогическая проблематика разговорного стиля. «Русский язык в национальной школе», 1966, № 2.— Здесь для чешского языка выделяется специальная категория — «высказывания повседневной устной речи» — (běžné mluvené projevy).

[17] Т. е. «обиходно-бытовой» и «обиходно-деловой» стили (см.: В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 3) оказываются слабо противопоставленными.

[18] В данном случае взгляд на просторечие 1) как на слой, противопоставленный литературному языку, или 2) как на сниженный стилистический пласт внутри литературного языка (см.: С. Д. Кац. К вопросу о так называемом «просторечии» в составе современной диалектной лексики. «Тезисы докладов на IX Диалектологическом совещании 15—18 мая 1963 г.». М., 1963) в сущности не меняет дела, так как для нас играет роль не степень интенсивности «схождения» разобщенных ранее категорий, а его «стилистический результат» в пределах разговорной речи. Гораздо важнее опираться на как бы уже установившееся понимание просторечия как сферы, которая «теперь находится близко к центру стилистической системы литературного языка» и поэтому не является в целом «нарушением или отклонением от норм литературного употребления». См.: Ю. С. Сорокин.

много просторечных элементов усваивается литературной речью, и притом нередко не только в качестве стилистически сниженного языкового средства, а на правах нейтральных, стилистически немаркированных членов.

Тот же процесс характеризует взаимоотношение литературной разговорной речи с диалектными образованиями (естественную дорогу которым открыло просторечие в его новой, указанной выше роли) и с многоликой средой жаргонизмов и профессионализмов, которая в силу названных причин становится неотъемлемой частью повседневного коллективного общения [19].

Следовательно, если под разговорной речью понимать не некую языковую абстракцию, а реально существующий речевой организм, то необходимо признать и учитывать в исследовательской практике диффузный характер ее состава, отличающийся на современном этапе тем, что генетически разнородные элементы, адаптируясь на новой функционально-стилистической почве, более широкой и их объединяющей, образуют в результате единый стилистический ряд, внутри которого можно устанавливать лишь незначительные отклонения в смысле большей или меньшей маркированности их употребления.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что литературная разговорная речь в том «чистом» виде, в каком она может заполнить строго предназначенную ей «клетку» идеальной схемы разновидностей литературного языка, практически не реализуется не только сейчас, но не реализовалась и в предшествующие эпохи. Однако в настоящее время ее функциональные границы более широки, неопределенны и стерты, а языковый состав более неоднороден и «всеяден», чем, скажем, даже в конце прошлого века, когда литературная и нелитературная речь были ощутимо противопоставлены друг другу, а сословные рубежи замыкали собственно литературную разговорную речь в тесный круг речевой деятельности небольшой группы образованных высших слоев и интеллигенции.

7. Широта границ и диффузный характер литературной разговорной речи — свойства в какой-то степени закономерные для современного состояния высокоразвитых языков цивилизованного общества — конкретно проявляются по-разному. Такое, например, явление, как чешская «обиходно-разговорная» речь (obecná čeština), которая, находясь за гранью литературной разговорной речи, в то же время проникает в речевое употребление всех слоев общества, — это, очевидно, своеобразное «восполнение» узости рамок литературного говорения. Исследователи объясняют его архаичностью и консервативностью современного чешского литературного языка [20].

Поэтому нет оснований, как бы заманчиво это ни было, приравнивать единицу, называемую в чешском языке «обиходно-разговорной» речью, к единице в русском языке, которая также в последнее время получает название «обиходной» речи и определяется как «ненормированная форма национального общения» [21].

Безусловно, тенденция к формированию некоего общего и в стилистическом отношении «низкого» разговорного языка, о котором писал Б. А. Ларин [22], может существовать, но и этот язык и то, что мы сейчас называем «обиходной» речью, нельзя рассматривать как изолированную и самодостаточную систему, бытующую параллельно с литературной разговорной речью. Обиходная речь — это скорее особая форма или особый уровень владения литературной речью, при котором регулярны и часты ее пополнения просторечно-диалектными и жаргонно-профессиональными языковыми элементами, объективно употребляемыми с разной степенью стилистической заданности, но по преимуществу нейтрализованно.

То, что стилистическая нейтрализация становится наиболее характерным условием соединения обиходных речевых средств с литературными, может привести к исчезновению ряда синонимических соответствий и установлению, таким образом, новых норм, так как «ненормированная и нормированная (литературная) формы, при отсутствии социально нерушимых классовых перегородок взаимно проницаемы», а «включение в норму ненормирован-

Просторечие как термин стилистики. «Доклады и сообщения филологического ин-та». Л., 1949, стр. 136.

[19] Мы, например, не можем не учитывать сформировавшегося в последние десятилетия так называемого молодежного «жаргона», который является средством общения широких слоев современной молодежи разных социальных групп: рабочих, студенчества и т. д., а не кучки бездельников, как это принято считать среди пуристически настроенной части людей старшего поколения. Конечно, в целом эта молодежная речь выходит за пределы литературной разговорной речи. Но, сталкиваясь в повседневном «говорении» с нейтральным составом последней, отдельные ее элементы получают все более широкое распространение и, что самое показательное, приобретают уже внутри литературной разговорной речи нейтральную окраску. Ср., например, выражение *по идее* (*по идее завтра должно быть холодно*), *в смысле* и др. См. об этом: Л. И. Скворцов. Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов (канд. дисс.). М., 1966.

[20] См. об этом: А. Г. Широкова. К вопросу о различии между чешским литературным языком и народно-разговорной речью. «Славянская философия», вып. II. М., 1954.— Отношение к существующему в чешском языке разрыву между народно-разговорной речью и литературной разговорной речью как к явлению ненормальному (см.: А. Г. Широкова. К вопросу о двух разновидностях разговорной речи в чешском языке. «НДВШ. Филол. науки», 1960, № 3) подчеркивает закономерность слияния генетически разных просторечных элементов с литературной основой разговорной речи, благодаря чему опять возникает целостное единство, но на новом уровне.

[21] С. И. Ожегов. Лексика. «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1961, стр. 17.— Обиходная речь последних десятилетий развития нашего общества — это объединенные и нейтрализованные в функционально-стилистическом отношении элементы диалектного, жаргонного и профессионального говорения, которые, пережив в первые послереволюционные годы период пышного расцвета, к 30-м годам сошли почти на нет, а затем в 40—50 годы отчасти возродились в новом «отстоявшемся» качестве.

[22] Б. А. Ларин. О лингвистическом изучении города. «Русская речь. Новая серия», III. Л., 1928, стр. 73.

ных явлений — дело времени, необходимого на преобразование стилистических традиций литературной речи» [23].

Из всего сказанного следует, что наиболее соответствующее действительности (применительно к нашему времени) осмысление понятия «разговорная речь», которое даст возможность охарактеризовать стилистические тенденции ее современного развития, может заключаться в признании:

а) сложности состава данного понятия с точки зрения соотносенности нормированных и ненормированных форм;

б) изменения во взгляде на саму нормативность, при учете регулярного нарушения действовавших в предшествующую эпоху литературных норм разговорной речи за счет экспансии элементов обиходной речи;

в) возможности практической реализации разговорной речи для широких слоев нашего населения, представляющих основные социальные группы людей, получивших образование (среднее и высшее) [24], только в виде органичного соединения собственно литературной и обиходной речи;

г) широты и неопределенности тематико-ситуационных рамок разговорной речи, являющейся результатом ее формальной специфики — с одной стороны, и следствием некоторого перемещения (в составе носителей и конкретных условиях проявления) границ ее действия — с другой.

Принимая во внимание все эти факторы, можно в дальнейшем говорить о литературной разговорной речи нашей эпохи как о функционально-стилистической сфере коллективной речевой деятельности; общей, т. е. слабо дифференцированной в употреблении языковых средств (ввиду исчезновения резких сословных границ и демократизации литературной речи),— для основных социальных групп советского общества, а также широкой и многосоставной, с точки зрения особенностей ее конкретной реализации, обусловленных социально-историческими изменениями форм общественной жизни.

8. Таким образом, в качестве единицы стилистической разговорная речь, как и другие функциональные стили, подвергается целому ряду исторических изменений, одни из которых непосредственно связаны с новыми социальными условиями, а другие — с внутриязыковыми тенденциями в отборе и соотношении стилистических средств, характеризующими состояние литературного языка в настоящее время.

Сами исторические изменения, в пределах функционально-стилистической разновидности, также могут быть двоякого рода: а) обновление и пополнение языковых ресурсов данного стиля, результаты которых закрепляются в системе языка как специфические средства определенной стилистической принадлежности, и б) сдвиги в принципах стилистического сочетания языкового (лексического и грамматического) материала, свойственных отдельному высказыванию, типичному для данного жанра или стиля.

Поскольку в судьбе самой функционально-стилистической разновидности как целостного речевого единства, изменяющегося во времени, большую роль играет вторая категория фактов — движение синтагматических связей, первая из них нуждается лишь в упоминании о ее основных процессах, служащих как бы фундаментом для второй.

Речь идет о тех исторических изменениях, которые, возникая в отдельных языковых ярусах [25], реализуются, естественно, на почве определенной стилистической речевой сферы, в данном случае — разговорной. Здесь происходит или первичная реализация, или отраженная (явление рождается в другой стилистической среде, а затем проникает в разговорную речь).

Так, например, именно в разговорной речи возникают такие явления, как отдельные факты «включений» (или «стяжений»): *Ленинка*, *читалка*; *переживать*, *осознать* и др.; образуются новые переносные значения (*загорать*, *голосовать*) [26] или новые употребления жаргонного характера (*клеить* — в смысле 'врать' в 20-е годы [27] и в смысле 'заводить знакомство' — в современной молодежной речи); активизируются определенные словообразовательные модели (например, типа *стиляга*, *доходяга*, *шоферяга*, *пленяга*, *финяга* (финка 'нож') *пилотяга*) [28], формируются новые синтаксические конструкции (*обговорить проблемы*, *обзвонить телефоны*) и др.

Или же наоборот: особенность произношения, слово, выражение, словообразовательная или синтаксическая модель и т. д., возникающие или активизирующиеся в других функциональных стилях, приходят в разговорную речь и прочно в ней закрепля-

---

[23] С. И. Ожегов. Указ. соч.

[24] Условно человек, получивший среднее (общее или специальное) образование,— носитель литературного языка. По данным IV сессии Верховного Совета СССР (13 июля 1964 г.) из 107 млн. человек работающего населения половина имеет среднее и высшее образование. Если к этому прибавить 52 млн. учащихся в высших учебных заведениях, а также оканчивающих среднюю школу (сообщение Центрального статистического управления при Совете Министров СССР, «Известия», 22 июля 1964 г.) и учесть, что большинство остального населения — носители местных диалектов, то распространенность литературной речи окажется достаточно наглядной.

[25] Эти изменения получают подробную характеристику в соответствующих разделах монографии «Русский язык и советское общество». М., 1968.

[26] См.: Д. Н. Шмелев. О семантических изменениях в современном русском языке. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964; Н. А. Янко-Триницкая. Процессы включения в лексике и словообразовании.— Там же.

[27] См.: А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928, стр. 76.

[28] При сравнительно малой продуктивности этих образований новые слова, однако, появляются и в более ранний период. Ср. у Л. Соболева: ... *Он немедленно сообщил соседу слева: — Вы знаете, кто это? — Как же! Князь Вадбольский, знаменитый т о н н я в a!.. В прошлом году просадил в карты пятьдесят тысяч...* («Капитальный ремонт»).

ются. Например, в разговорную речь глагол *подковаться* [29] с переносным значением попадает из газеты; из книжной речи образования типа *ерундистика, глупистика* [30]; из канцелярской речи синонимическая подмена глаголами *проживать, пошить* глаголов *жить, шить* и т. д.

Совокупность подобных фактов есть материальная основа для оформления исторической характерности речевых примет данной функциональной сферы. Но не она определяет стилистическое лицо этой функциональной сферы, а типы синтагматических соотношений ее элементов с парадигматическими рядами элементов других функциональных разновидностей.

С этой точки зрения исторически изменчивые стилевые явления в рамках отдельного жанра, указанные М. В. Пановым [31], можно наблюдать и в разговорной речи, несмотря на то, что жанровой классификации она в силу всех тех ее особенностей, о которых подробно шла речь выше, поддается значительно труднее, чем любая другая стилистическая разновидность.

9. Для характеристики стилистического развития современной разговорной речи принципиально важны поиски общности переживаемых ею изменений. Именно общность, «одинаковость» происходящих в ней процессов, наблюдаемая на примерах говорения очень пестрого состава социальных, возрастных и профессиональных групп носителей, является лучшим доказательством качественного сдвига в самом понятии «разговорная речь» как действительно единого, демократизированного средства общения, в котором наглядно отразилось расширение границ «нормативности» литературной речи, изменение в ее составе и в ее функциях. Общность эта находит конкретное выражение в двух основных стилистических процессах, свойственных современной разговорной речи.

Один из них — это процесс сближения собственно литературной (нормированной) речи с более «низкими» стилистическими пластами «просторечного» общения, который приводит к формированию так называемой обиходной речи как наиболее общеупотребительной формы, поглощающей собой разговорное общение.

Вторым процессом является процесс сближения литературной разговорной речи с литературной книжной речью (в разных функциональных вариантах последней, главным образом — в газетно-публицистическом и официально-деловом).

Оба эти процесса и составляют «единством своих противоположностей» общую тенденцию стилистического развития современной разговорной речи — расширение ее функционально-стилевых границ.

Как видим, расширение функционально-стилевых границ разговорной речи идет, с одной стороны, за счет характерного для нашей эпохи перемещения языковых пластов через «условную границу» между литературной и нелитературной речью, а с другой стороны, за счет не менее характерного обострения «тенденции к композиционным сочетаниям разных стилистических пластов в одном пласте [32], явившегося следствием значительного увеличения области, в какой теперь применяется литературный язык.

Последняя особенность, порождающая усложнение в дифференциации внутрилитературных стилистических контрастов и стыков, дает возможность установить тесную причинную связь между процессами (сближение разговорной речи и с просторечием, и с книжной речью), которые на первый взгляд могли бы показаться взаимоисключающими.

Известно, что большинство изменений, происшедших за послеоктябрьский период в русском языке, так или иначе связано с общей демократизацией литературной речи. Самое непосредственное отношение к этому явлению имеют и названные стилистические процессы в развитии разговорной речи.

Если демократизация литературной речи (как результат демократизации самого общества) прямо обусловливает перемещение стилистических функций просторечия, то она же, вследствие распространения всеобщего образования, приводит и к массовому проникновению книжной речи в разговорную речь. В формировании языковых навыков каждого члена нашего общества семейные речевые традиции соединяются с книжной (школа, книга, радио и т. д.) стихией. Причем роль последней от десятилетия к десятилетию возрастает.

Таким образом, указанные стилистические сдвиги первоначально, в общем своем виде, основываются на социально-исторических факторах. Но при конкретной их языковой реализации в действие вступают и те внутренние тенденции стилистического развития современного литературного языка, которые обеспечивают тонкое разграничение и многообразие столкновений элементов различной окрашенности в пределах высказывания.

II

Процессы, характеризующие стилистическое изменение и развитие современной разговорной речи, получают конкретную реализацию в целом ряде смежных явлений.

Исследованный материал не дает возможности установить цельную и одинаковую для всех наблюдаемых фактов картину их

[29] А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 144.

[30] Там же.— Ср. пример тех же годов: — *А ты пол метешь, Володя? — Брось свою ерундистику. Дуй в печку.— Ты, наверное, и чулки штопаешь?* (А. Неверов, Жепсков занятие, 1923).

[31] «Приемы сочетания стилистически контрастных единиц» в высказывании, «способы сочетания нейтрального фона со стилистическими наслоениями, количественное соотношение единиц разной стилистической окрашенности» и др. (см.: М. В. Панов. Развитие русского языка в советском обществе.— ВЯ, 1962, № 3, стр. 9).

[32] Там же.

последовательной исторической изменяемости в каждом из периодов развития литературного языка нашей эпохи. В одних случаях мы имеем право только на констатацию факта, без указания его точной хронологической прикрепленности. В других случаях, при достаточно отчетливо проступающем хронологическом сдвиге, могут быть прослежены не все его внутренние звенья. Нюансы в социальных перемещениях для речевого употребления той или иной стилистической инновации также уловимы лишь частично.

Однако принципиальный (а не случайный) характер изменений, лежащих в русле названных стилистических процессов, констатируется не столько равномерным распределением слагаемых в указанной сумме языковых и неязыковых факторов, сколько интенсивностью и соответственной направленностью их движения. Рассмотрим подробнее некоторые явления, отражающие существо современной тенденции стилистического развития литературной разговорной речи.

Сближение разговорной речи с книжной речью

Само по себе внедрение отдельных фактов книжной речи в разговорную речь, конечно, не есть явление абсолютно новое, принадлежащее только современной эпохе.

Взаимодействие книжной и разговорной речевых стихий в разные периоды жизни нашего общества по разным причинам получает разное же социально-языковое выражение и разные масштабы.

Если на рубеже XVIII—XIX вв. оно связано с общим процессом становления новых норм литературного языка и сказывается, например, во влиянии на речь образованной части дворянского общества художественно-беллетристической речи, меняющей в то время свое качество, то со второй половины XIX в. это явление, будучи обусловлено оформлением деловой и публицистической речи (как функционально-стилистических речевых разновидностей), спускается ниже и ниже по сословной лестнице, сначала затрагивая речь средних чиновничьих слоев, а затем получая своеобразное «гротескное» преломление в речи необразованного или малообразованного мещанства [33].

Соответственно меняется и самый круг языковых фактов, отражающих названное явление, и характер их взаимоотношения, так как последнее определяется стилистическим составом литературного языка на данный момент.

Таким образом, по отношению к послереволюционной эпохе можно говорить о новом существе, новом социальном охвате, новом месте в стилистическом составе современного языка и новых причинах процесса, который с большей или меньшей степенью интенсивности действует в разные периоды истории общества и истории языка [34].

Говоря о сближении разговорной речи с книжной как о важном стилистическом сдвиге, изменяющем самую разговорную речь в наше время, следует противопоставить этот процесс «общей книжности» повседневного интеллектуально-бытового говорения в замкнутой среде дореволюционной интеллигенции, которое, будучи характерным для начала века, естественно, сохранилось среди старшего поколения современной интеллигенции и сейчас, а в 20—30-е годы было широко распространено. Последнее может служить отправным пунктом для наблюдения над новым сдвигом качества стилистической окрашенности языкового факта, изменившимся вследствие влияния на разговорную речь новых стилистических норм книжной речи.

Так, например, если в следующем контексте (начало века): ...мама повела меня в гимназию. Бабушка... перекрестила меня... отвернулась и прижала платок к глазам.— Ну, иди! — сказала она глухим голосом и слегка оттолкнула меня.— Будь умным. *Трудись*! (К. Паустовский, Повесть о жизни),— глагол *трудиться* воспринимается просто как «высокое» слово, отобранное из парадигмы «работать — трудиться» для соответствующей эмоционально «высокой ситуации», то в контексте 60-х годов, со столь же высокой «количественно», но иной по «качеству» конситуации, стилистическое поле этого слова (согласно качеству ситуации) сужается до рамок газетно-публицистического штампа: *Подсел корреспондент, обвешанный аппаратами, спросил, из какого колхоза, стал брать интервью:— Кто у вас хорошо т р у д и т с я? Галя назвала своих доярок.— По скольку надаиваете с коровы? Галя ответила* [35] (А. Кузнецов, У себя дома, повесть, 1963).

---

[33] Ср. наиболее характерное проявление этого в так называемой лакейской речи, очень точно зафиксированной реалистической литературой конца XIX — начала XX в. *А учитель гимназии... так н а л и м о н и л с я в и д у п о л у ч е н н ы х о т л и ч и й, что все вокруг в кабинете... задрыгали. Вот Кривой-то, жилец-то наш... и у д а р и л в э т о т п у н к т* (И. Шмелев, Человек из ресторана). Ср. также речь первого крестьянина в «Плодах просвещения» Л. Н. Толстого и многие другие образцы традиционного изображения художественной литературой прошлого «неорганичного» усвоения «низкой» средой «высокой» речи.

[34] Показательна в этом отношении современная оценка стилистических особенностей разговорной речи прошлых десятилетий, воспринимающихся как новое для советского времени: *Тут «конспект» 30-х годов, их событий... их быта..., когда все перечитывалось и обтолковывалось в домашнем кругу, когда 15-летняя девочка в сугубо личном дневнике рассуждает о проекте новой конституции... с органической серьезностью пользуется в разговоре о своих школьных делах общественной терминологией дня: «центром класса стала новая у ч е н и ц а, замечательная к о м с о м о л ь с к а я р а б о т н и ц а К а т я», «Антонов и Бутенко р а з л а г а ю т весь класс. Они из ревнок расстреляли стенгазету».* (И. Соловьева, Дневник истории. «Новый мир», 1965, № 1).

[35] Ироническая направленность авторского текста (*обвешанный аппаратами, стал брать интервью*) подчеркивает необязательность штампа даже в специфическом жанре интервью.

Специально об использовании разговорной речи в художественной литературе см. в

Ср. пример 30-х годов, который показывает промежуточное употребление этого словесного ряда по пути от общей высокой книжности к новому жанрово-прикрепленному штампу: «*Вы рабочего класса не знаете, вот что я вам скажу. Для учреждения ваш сервиз мал, а для отдельного трудящегося слишком велик* (М. Кольцов, Иван Вадимович человек на уровне, 1933).

Таким образом, стилистическая квалификация элемента книжной речи, проникшего в разговорную речь, зависит от общественно-исторического характера его восприятия. Ср., например, словоупотребление в письмах А. П. Чехова, которое для того времени не может быть расценено как канцелярско-шаблонное: *А у меня личной жизни опять нечто вроде переворота. Был у профессора Остроумова, и тот, осмотрев меня, сказал...*; или: *теперь проживаю я в Наре... за границу не поеду...* Для современного речевого сознания *в личной жизни и проживать* только канцелярские шаблоны.

В настоящее время окраска разговорной речи образованных людей старшего поколения, по контрасту с новыми признаками книжности, отмечена как бы выдержанным на одном высоком уровне концентрированным употреблением книжной лексики, наслаивающейся на несвойственную современному говорению развернутость и отточенность синтаксических конструкций, и потому имеющая оттенок эмоциональной приподнятости: *Это лето было последней разлукой с Павлом. Весной он сказал мне на нашем «вагеровском» языке: «Мы не должны быть вровь дольше. Нельзя бесконечно испытывать богов. Они посмеются над нами».— Эти слова смешные и выспренные для современного языка, тогда звучали иначе. Мы не шутили...* (О. Морозова, Одна судьба, Мемуары о начале века); *Вот и теперь еще разные старые дамы и хорошие провинциалы, желая похвалить кого-нибудь, говорят: «Светлая личность» — и я понимаю, что они хотят сказать. Это про нашего Острогорского нельзя иначе сказать, как на языке того времени, и старомодная напыщенность этого нелепого выражения уже кажется смешной* (О. Мандельштам, Шум времени). Ср. также: *Инженер стал говорить о семейной жизни... Выражался он торжественно и несколько старомодно: «У меня была девушка до войны, невеста. Она ждала меня дома. Это чудесно и благородно, это стимул к тому же, стремление быть лучше и чище, но с другой стороны, это ужасно мешает, это, как груз, мысли о ней мучительны...»* (К. Ваншенкин, Большие пожары) [36].

На авторское представление о речи инженера как о *старомодной* не влияет даже новое семантическое наполнение слова *девушка* именно потому, что *старомодность* здесь отождествляется с напыщенностью. Так выражается субъективное ощущение объективного движения литературной нормы от меньшего — к большему репертуару языковых средств, могущих быть соединенными в одном высказывании. Следовательно, обостряется восприятие *высокости* лексико-фразеологических единиц и синтаксических конструкций, которые на общем книжном фоне речи интеллигенции старого поколения оказываются более нейтрализованными в любой из ситуаций и форм говорения:

Например, в чисто бытовой ситуации: *Я сейчас пойду гулять, а ты мне ответь, расположена ли ты, чтобы мы с Любой пришли сегодня... и тетю тогда же пригласи!* (А. Блок, Письма к родным); [Елена:] *Ты просто устал в дурном расположении духа. Почему тебе не нравится Мышлаевский? Он очень хороший человек* (М. Булгаков, Дни Турбиных); [Ларисик:] *Елена Васильевна, располагайте мной, как Вам угодно! Хотите, я оденусь и отправлюсь их искать?* (Там же).

В бытовой же ситуации, но с некоторым тематическим сдвигом: *Бабушка хлопотливо передвигала ложки. Папа продолжал разговор:— Пора ввести свободное расписание. Нужно, чтобы студенты работали самостоятельно, чтобы у них был досуг для самостоятельных размышлений...— и вдруг резко повернулся к Павлу:— А вы как думаете?— Паша поперхнулся чаем* (О. Морозова, Одна судьба).

Или в более «возвышенной ситуации»: *Вот вы какой, отчаянный ...наукой хотите заниматься, да еще какой. Историей. А почему не математикой? Займитесь-ка лучше математикой. С них все-таки меньше спрашивают, чем с нас, грешных.— Нет, я твердо решил посвятить себя истории,— надувшись, сказал Трубачевский* (В. Каверин, Исполнение желаний):

И тем более в монологе [37] при широком тематическом диапазоне: *Как?— говорила она ...— И ты, Лида, поощряешь такие игры? Это называется воспитанием? Да твои дети хуже дикарей. Удивительно мне, что ты, художница, терпишь в своих детях извращенный вкус! Кто бы мог подумать, что такая изящная и неглупая девочка...* и т. д. (О. Морозова, Одна судьба); *Ну, так вот,*

следующем разделе. Сейчас отметим только сталкивание уходящей характерности данного словоупотребления (ср. первый пример) со «сниженным» содержанием соседствующих предложений в комических целях: «*Человек должен трудиться*,— поднимая вдохновенный лоб и обращаясь к Коле, наставительно произнес седой джентльмен *Ф. Г. Колокольчиков.*— *У тебя же такое лицо, как будто бы я угощаю тебя касторкой. Подай отвертку и возьми клещи. Труд облагораживает человека. Тебе же душевного благородства как раз не хватает. Например, вчера ты съел четыре порции мороженого, а младшей сестрой не поделился*» (А. Гайдар, Тимур и его команда),

[36] Ср. переоценку многих «возвышенных» слов, связанную с новыми стилистическими устремлениями: *Как бы мне хотелось заменить теперь это название, отдающее тугой мыльной оберткой, каким-нибудь более подходящим* (о «Поэме Экстаза». — Т. В.) (Б. Пастернак, Охранная грамота); *Вы пишете: «Зефир твоей любви», в прошлых веках зефир был воздухом, а в наш век стал кондитерским изделием* («Лит. Россия», 18 ноября 1965 г.).

[37] В монологе можно предположить большую «построенность» (а следовательно, книжность») высказывания, что, однако, не всегда обязательно,

брат. Я пришел на родину и не нашел родины. Я хочу найти ее потому что без нее нельзя жить, понял? Я говорю — ты действ ешь по совести, ты служишь, по-твоему, прекрасному делу. Отец тоже, наверное, уверен, что служит прекрасному делу. Я не хоч вас судить, ни тебя ни отца, потому что, пока я шел по степ на моем пути каждый день попадались трупы. Этого, вероятно требует прекрасное дело, твое или твоих противников, все равн Решайте сами судьбу своего дела. Я служу ему постоянно. Поток что служить ему можно только делом, только тем, что умеешь делать... (К. Федин, Братья).

Приведенные примеры 10—20-х годов, иллюстрирующие явл ние, так сказать, остаточное, представляют собой одну из полю ных социальных дифференциаций разговорной речи, в то врем как новые явления ее сближения с книжной речью касаются во-первых, нового (широкого) социального состава носител литературной речи и, во-вторых, идут от новых же явлений в ст листическом составе книжной речи.

С первой точки зрения отчетливо намечается неравномерно распределения этих явлений по разным социально-возрастны группам. Названный процесс главным образом характериз речь новых носителей литературного языка: 1) новой интелл генции (не потомственной), воспитывавшейся и обучавшейся у в советское время, 2) широких демократических слоев совреме ного городского населения, имеющего начальное, неполное и по ное среднее образование, и 3) новых поколений в рабочей и крест янской среде с таким же уровнем образования. Общая причина восприятие новых речевых навыков через общественные, а не чер семейные «каналы» [38].

Со второй точки зрения наиболее характерным оказывает проникновение в повседневную разговорную речь книжных эл ментов 1) официально-деловой и 2) газетно-публицистической реч

Переживаемые вследствие этого разговорной речью изменен проходят одинаковые стадии с точки зрения большей или меньш ассимиляции инородных элементов в новой среде и вариантов стилистической заданности, независимо от того, какой имен

[38] Ср., например, из записей живой речи: 1) речь шофера такси (о нарушителя правил движения): *Ведь это уже у нее такая т е н д е н ц и я... Это она всюду будет и дома, в быту н е с о з н а т е л ь н о с т ь свою п р о я в л я т ь...*, 2) р молодой продавщицы: *Ой, это я по и н е р ц и и...* (проколола два чека: и в свой, и в жой отдел), 3) письмо молодого солдата: *Здравствуй, бабушка! Как твое здоровье? Я прод жаю н е с т и в о и н с к у ю с л у ж б у. Я в л я ю с ь о т л и ч н и к о м б о е в о й п о л и т и ч е с к о й п о д г о т о в к и. За спасение рыбаков в море награжден грамо* («Комс. правда», 4 окт. 1964 г.).

В художественной литературе очень часто подчеркивается и обыгрывается проник вение наиболее распространенных газетных и деловых формул даже в детскую ре *Да, — повторяет за Тоней Витька Киселев.— Сучкова надо воспитывать. Пусть он по ствует, что такое с п л о ч е н н ы й к о л л е к т и в* (Г. Корнилова, Летний дож с моря).

источник питает разговорную речь — официально-деловая или газетно-публицистическая стихия [39].

Для проверки современного восприятия носителями литературного языка книжных элементов как нейтральных стилистических средств разговорного высказывания был проведен следующий эксперимент. 500 информантам (главным образом студентам-филологам и нефилологам — Москвы, Саратова, Казани) предлагалось в 10 разговорных предложениях, содержащих книжные элементы (слова, обороты, конструкции), указать на какие бы то ни было несоответствия (неуместность, тяжеловесность, неточность) отдельных языковых фактов общему характеру данных высказываний. Лишь в семи случаях оказалась отмеченной «книжность» таких выражений, как, например: *ставить вопрос*, *посетить* (театр, выставку), *культурные мероприятия* и т. д. Особенно характерной оказалась произведенная в двух случаях (из этих семи) замена книжной конструкции на разговорную с одновременной обратной заменой разговорного на книжное, что свидетельствует о полном отсутствии различия в стилистической оценке книжной и разговорной стихии. Данное в эксперименте предложение: *Мы с Еленой долго не знали, как быть-то нам. А потом, наконец, п р и н я л и р е ш е н и е ждать, пока мама вернется.* Замена: *решили ждать в о з в р а щ е н и я мамы.*

Существуют различные внешние условия, при которых книжные элементы подвергаются нейтрализации.

1. Нейтрализация книжных элементов (названного выше происхождения) в бытовой речи, конситуационно никак не провоцирующей их употребления [40].

Это явление начинает приобретать довольно устойчивый характер в 20-е годы [41]. Но здесь оно еще затрагивает сравнительно небольшой круг людей, которым свойственно неосознанное стремление придать своей речи бо́льшую весомость, что связано с их непосредственным участием в работе новых государственных учреждений, с переходом к новым бытовым условиям и т. д.:

Сандаров был дома. Лежал на диване,— дремал. Соня вошла, села за стол и молчала.— Если ты хочешь говорить н а т е м у о м о е й и с п о р ч е н н о с т и, то говори. Я этого разговора

[39] Социально-возрастная принадлежность говорящего, не выявленная в контексте, отмечается далее специально только в необходимых случаях.

[40] Крайнее проявление этого процесса демонстрирует А. М. Селищев (указ. соч., стр. 49): *Посмотри, какие м е т о д ы о б н а р у ж и в а е т Виленочка* [молодая жена своему мужу, указывая на ребенка в колыбели, что-то просящего].

[41] Естественно, что различные случаи его выражения можно найти в предреволюционные годы, причем иногда и в самой нетипичной среде: — *Лиза ее такими словами ругала! — Надо быть, за дело?— Да просто ее башмаки забыла вычистить, вот и весь к р и м и н а л* [речь образованной девушки] (Ф. Соллогуб, Заклинательница змей); *Мне сейчас везет в работе п о в с е й л и н и и. Хеллп* [речь подростка, семья адвоката, 10-е годы] (Э. Триоле, Земляничка); *Пришла Лиска и объявила, что то, что я ее ударила, неприлично и больно. Не знаю, правда ли, ф а к т тот, что мне было неловко и неприятно* (Там же).

начинать не буду.— Меня твоя испорченность мало трогает. Тем более, что сам ты от себя в восторге. Мне хотелось бы только выяснить наши с тобой отношения[42].— *Какие отношения?— Личные. Как-никак мы с тобой уже два года сожительствуем* (О. Брик, Непопутчица);— *Сегодня партийное собрание. Ты будешь? — А что сегодня? — Доклад комиссии об организации яслей.— Может быть, приду.— Твое присутствие очень желательно.* (Там же);... *Вы показали себя на общественной работе с хорошей стороны... Мой совет — выкиньте из головы мечты о шелковых чулочках, пудре и прочее. Из вас может выйти хороший товарищ* (А. Толстой, Гадюка); *Он швырнул портфель на кровать, взъерошил волосы и начал гвоздить кулаком непроветренный воздух в комнате.— Товарищ Зотова, мы всегда подходим к делу прямо... В ударном порядке...* (Там же).

В последующие периоды происходит укрепление некоторой части элементов газетной и деловой речи в разговорной речи боль разнообразных социальных и профессиональных групп нашего общества. Степень активности этого процесса определяется для каждого из названных элементов широтой его употребительности в исходной стилистической среде.

В этой роли выступают широко используемые на протяжении всего послереволюционного периода в разных областях общественной жизни лексико-фразеологические ресурсы книжной речи. При чем для некоторых из них возможность синонимической замены словом сниженного или нейтрального стилистического ряда, т. е. исконного для разговорной речи, казалось бы, лежит на поверхности: *А что, наши рубежи* [границы] *хорошо охраняются сегодня? Ведь все на параде, прямо страшно* (Из устной речи) [по жилая женщина у телевизора, где показывают первомайский парад]; *Она мне подружка. Я у нее всегда имею возможность* (могу) *билеты куда хочешь достать* (Из устной речи); *Я бу поворачивать, а ты меня корректируй* (поправляй) (Из устной речи) [говорит молодой рабочий, шофер-любитель, стараясь удобно поставить свою машину]; *Поступил я опять в*

[42] В настоящее время за фразеологизмом *выяснить отношения* — в пределах разговорной речи закрепился иронический оттенок употребления как за ходульным штампом, передачи недостоверного «психологизма» (*Ну вот, начал выяснять отношения, давайте быстро выясним отношения и пойдем в кино*). Ср. то же самое со сходными сочетаниями: *выясним положение* (обстановку): *А сегодня так было. Пришел я в клуб. Ну, клуб у них никуда!.. изба... без печки и без перегородки. Пришел, вакурил, выяснил положение...* (Ю. Каваков, Ни стука, ни грюка). С этой точки зрения интересно отметить общую судьбу некоторых слов и оборотов канцелярско-делового стиля, которые, попав в разговорную речь, функционируют в ней, наряду с другими, без специальной экспрессии до тех пор, пока не оказываются скомпрометированными каким-нибудь популярным сатирическим произведением (рассказом, фильмом и т. д.). После этого они становятся употребительными только в ироническом контексте. Ср. выражения *типа в таком разрезе*, (такой-то) *на проводе* и др.

очно—на курсы иностранных языков. Учеба (ученье) *шла довольно быстро... В тридцать шестом году я защитил диплом инженера и, знаете, как? На немецком языке* (Дм. Медведев, Сильные духом); *Вам дали ордер на проживание* [на то, чтобы вы жили] *у нас, а не на оскорбления меня и моей жены!* (Об Артеме Веселом, «Новый мир», 1963, № 11).

А иногда синонимическая пара непосредственно выступает в контекстуальном соседстве, что подчеркивает стилистически нейтрализованный характер ранее «чуждого» для разговорной речи элемента этой пары: — *Ты с какого года?— спросил Тележко,— сколько тебе лет?— Сколько дашь?— Порядка двадцати трех* (К. Ваншенкин, Большие пожары);— *В какую цену окорок?.. Я спрашиваю, ветчина — сколько она стоит?* (Из устной речи). Для других случаев потенциальная синонимическая подстановка не столь безусловна, и это связано с семантическими особенностями употребления слова в несвойственной ему стилистической среде.

Примеры различных лет дают здесь более или менее одинаковую картину социальной недифференцированности в употреблении фактов книжной речи:

Ну, там вообще столько объектов, такая скученность, что даже выйти некуда погулять [о дачной местности] (Из устной речи); *Наша врачиха — вечный объект его приставаний* (Из устной речи); *Сейчас мы все эти детали сошьем и посмотрим, что у нас вышло* [о связанных по выкройке частях свитера] (Из устной речи); *И еще одна деталь. Он дома никогда ни о чем, что Маши касалось, не рассказывал* (Из устной речи); *Ты несущественные детали опускай, опускай... говори скорей, как вы уже машину увидели* (Из устной речи); *Так что же мне, бросать все было? Я с комсоргом посоветовалась, он говорит: «У тебя здесь перспектива. А что вы дружили — скоро позабудут»* (Л. Обухова, Доброта); *Вообще у нее в жизни какая перспектива, сиди и вяжи. Куда ей одной!* [речь старой женщины без образования];— *А как вы устраиваетесь с питанием?— Да мы никто, в общем, дома не едим* (Из устной речи); *Лично я совершенно выбит из колеи. Не могу сосредоточиться, не могу думать о диссертации* (Л. Рахманов, Беспокойная старость); *Сосед по койке, интендантский майор... говорил: Меня лично тыл не пугает. В тылу сейчас очень нужны люди с нашей военной хваткой* (Г. Бакланов, Южнее главного удара); *Как же с юбилеем? Лампочки в саду повесили, иллюминация запланирована* (Л. Обухова, Доброта); *А я к ним планирую в отпуск!* (Е. Шереметьева, Весны гонцы) [речь молодой актрисы]; *Ну, проинформируйте меня. Что у вас здесь слышно?* (Из устной речи); *Что ты меня все агитируешь? Если холодно будет — все равно не поеду* (Из устной речи) [пожилой женщины, без образования]; *Давайте сагитируем их в кино,*

а? (Из устной речи); *Скажите мне ваши к о о р д и н а т ы* (Из устной речи) [в ответ на приглашение в гости]; *...В общем к о о р д и н а т ы такие дал, что черт знает, каждый ногу сломит. Искал вас, как иголку в колодце* (Ю. Бондарев, Поздним вечером); *Может, и приедем если к а д р ы наберешь приличные* [о лекторской группе] (Из устной речи); *Он уже слышал разговоры о переводе Гришутки на другой участок, как только сдаст экзамены.— Ничего не попишешь — к а д р ы!* (В. Дудинцев, У семи богатырей); *Кажется, вы собирались побывать в общежитиях?.. Нам Дергунов велел к о н т а к т и р о в а т ь с я о вами...* (Л. Пасенюк, Тысяча девушек); *В случае чего к о н т а к т и р у й т е с ь, пожалуйста, с Лидией Сергеевной, а она уж мне тогда передаст* (Из устной речи); *Они абсолютно не к о н т а к т и р у ю т друг с другом, потому что это человек без сердца* [пожилая женщина, с пафосом] (Из устной речи); *Она же ни черта не понимает! ...А п е л л и р о в а л а к моим родителям, представляешь? Отец ее идеалом жены считает* (Е. Шереметьева, Весны гонцы) [речь молодого актера]; *Я, значит, быстро с о р и е н т и р о в а л с я и ходу!..* (Из устной речи); *Ну, если нехорошо — мы эту складочку а н н у л и р у е м* (Из устной речи) [портниха];

Танечка ф о р с и р у е т. Она вам форсирует пальто (Оттуда же). *Вы повезжайте, а через час мы там будем. Ясна с и т у а ц и я?* (Из устной речи); *достаточно у к а з а т ь, что я уже очень стар... вы понимаете, почему я не так радуюсь* [реплика в ответ на поздравление с семидесятилетием]; *Хороший фильм какой... там и э л е м е н т ы комедии есть, и важные всякие проблемы...* [речь школьника старших классов]; *Но это же б е с п о ч в е н н о так говорить! Что я врать, что ли, вам буду? Никуда я не ходил* (Оттуда же); *— Сколько человек на место? — Тринадцать.— А с у м м а р н о, на оба отделения какой конкурс? — Не знаю* (Из устной речи молодежи); *У т о ч н и, пожалуйста, время* (Из устной речи); *Надо бы у т о ч н и т ь, что им делать сначала, а то зря просидят, прождут* (Из устной речи);— *Да, перестаньте же,— почти заорал он.— Прошу Вас, ... что такое? Клавдия Петровна, ведь сегодня такой день ... Вы это у ч и т ы в а е т е?* (В. Аксенов, Полторы врачебных единицы); *Если у ч е с т ь, что все еще опоздают, в общем в девять уж точно!* (Из устной речи); *Мы ведь, когда институт п е р е б а з и р о в а л с я, все уехали...* (Из устной речи).

Что касается фразеологических сочетаний, то многие из них могут в большей степени, чем слово, явиться хронологическим показателем для определения исторической принадлежности целого высказывания, так как время их распространения в тех сферах книжной речи, откуда они пришли в речь разговорную, по тем или иным причинам широко известно. А в чуждой среде они сходят на нет одновременно с утратой популярности в среде исконной.

Очень женщин много не служат,— говорит Люся,— *и ничего, живут. И мужья не пилят их... У тебя л е в ы й з а г и б. Надо ценить тяжелый труд домохозяйки и не быть таким эгоистом* (Л. Вайсенберг, Хозяйка, рассказ, 1937); *— Вы, товарищ Спиридонова, по какому вопросу будете говорить? — П о т е к у щ е м у м о м е н т у* (П. Дыбенко, Мятежники, 1923); *Мы считаем, столовая — это п р о б л е м а н о м е р о д и н*[43] (Из современной устной речи);— *Итак, тебе сегодня нужно выступать... обязательно! — Что вы, ни за что,*— сказала Галя,— *никогда в жизни не выступала.— Л о ж ь н о м е р о д и н. Выступала, очень удачно...* (А. Кузнецов, У себя дома, 1964).

В других случаях хронологические рамки более расплывчаты: *Знаешь что? Можешь в общем... Мы все обсудили... О п о л и т и ч е с к о м л и ц е Филеновой точных, проверенных фактов нет...* (Б. Лапин, В нескольких шагах от реки, рассказ, 1939); *Ты, Игнатьев, все-таки почти мальчик. Если тебе скажешь, какой у нас н а Л у ш к у м а т е р и а л,— ты всем разболтаешь* (Там же); *Хитрит,— подумал Митькин.— Боится за м о р а л ь н о е с о с т о я н и е. А зачем хитрить? Мы же ему в трудной обстановке первые помощники.— Но Митькин не сказал этого лейтенанту* (Г. Березко, Красная ракета, рассказ, 1946); *— А мне разъяснили: по обещанию, мол, старик пляшет...— По какому обещанию? — А вышел у них весной с сыном, с Дмитрием-то Федоровичем, б о л ь ш о й п р и н ц и п и а л ь н ы й с п о р* (Анна Караваева, Знакомый человек, рассказ, 1947); *Пить... в такое время... Совершенно не понимаю. Нужно а в т о р и т е т п о д д е р ж и в а т ь, а вы р о н я е т е его* (А. Неверов, Смех и горе, пьеса, 1923); *Послушайте... вы инженер или нет? Я начал, теперь п р о я в л я й т е и н и ц и а т и в у. Думайте!* (А. Володин, Приказ об увольнении, 1954); *Жене он сказал: «Мосты, которые выстроит наша дочь и ее приятели, смогут выдержать только о б щ е с т в е н н у ю н а г р у з к у»* (Н. Атаров, Араукария, рассказ, 1939); *Папа! Перестань! Это стыдно!.. Разбираешь события со своей м е щ а н с к о й к о л о к о л ь н и!* (Ю. Бондарев, Двое, 1964); *Я считал его человеком себе на уме, а он вот какой, оказывается. Я просто еще не умею разбираться в людях, у меня нет д о л ж н о г о п о д х о д а...* (Г. Бакланов, Южнее главного удара, 1963); *Нет, ты это кончай, а то это в о й д е т в с и с т е м у, а ты потом замучаешься* (Из устной речи) [разговор двух молодых женщин о семейных неполадках]; *У нас это прямо в с и с т е м у в о ш л о. Как получка — муж дает ему рубля два, и, знаете, он почти всегда книжки покупает, хорошие, дельные* (Из устной речи); *Нет, я поступал в техникум н а б а з е десятилетки. Поэтому только*

[43] Текст современного сценария к кинофильму «Сотрудник ЧЕКА», показывающему годы гражданской войны, где политкомиссар говорит: «*Семин — для нас сейчас в р а г н о м е р о д и н*»,— не заслуживает художественного доверия.

два с половиной года учусь (Из устной речи); *Практику у нас проходят на базе специальных ремонтных мастерских* (Из устной речи); *А мне больше ничего и не нужно в данный отрезок времени. Мне надоела Москва. Я уезжаю послезавтра* (Н. Зарудин, Закон яблока, рассказ, 1929).

Многочисленные фразеологические единицы со словом «данный», значительно активизировавшиеся в разговорной речи в 20—30-е годы (*на данном* этапе, в *данной* обстановке, в *данном* положении, по *данному* вопросу: *Вы застенчивый человек. А в данной ситуации это недостаток* (К. Паустовский, Повесть о жизни) сейчас употребительны в разной мере. Также неодинакова судьба употребления в разговорной речи сочетаний, образующихся вокруг слова «вопрос» (в значении *положение, обстоятельство, проблема*)[44]:

Не слушай ты их, Старосельская,— обратилась она к Антонине,— они тут склочничают да с ребятами романы разводят... Поставлю вопрос на правлении клуба (Ю. Герман, Наши знакомые, 1935); *Непонятная постановка вопроса,— говорит Зыбковский терпеливо.— Я не медик, но я тоже мог бы сказать: «И эти заболеют». Но я так не говорю, потому что мы обязаны бороться с малярией* (Г. Бакланов, Пядь земли, 1961); *Вы поговорите с мамой по этому вопросу* (Из устной речи); *Они там волновались по одному вопросу* (Из устной речи); *Пока я болен, мы, конечно, не приедем но все-таки этот вопрос мы с повестки дня не снимаем* (Из устной речи).

Обращает на себя внимание устойчивое положение в разговорной речи (разных периодов) специфических канцелярских клише типа:

— В какой вы теперь больнице, товарищ Егорий? — Я не в больнице я по другой линии (С. Марвич, Семья, роман, 1935);— *Завтра принесите посуду.—Обязательно принесу.— Я Вам верю. Просто я хочу Вас в курс ввести* (Из устной речи);— *Напрасно вы вздыхаете, бывают и похуже огорчения...— Да нет, я не в связи с этим...* (Из устной речи); *Она так волновалась в связи с этим! Три дня — нет телеграммы и нет!* (Из устной речи); *Ты еще спроси в отношении варежек: послать или нет?* (Из устной речи); *Мы можем потом, что по части билетов, решить, сейчас касса все равно закрыта* (Из устной речи); *Я хочу верхний свет убрать, а еще бра купить. И будет и здесь и здесь бра такого же порядка* (Из устной речи); *Там росла елка. По мере ее роста...* (Из частного письма); *Тут, знаете, хитрость такого порядка: поступаю, куда меньше конкурс, демобилизуюсь, а потом меня берут на третий курс в Энергетический, я уже договорился, переводом* (Из устной речи);

Сюда же относится и употребление в разговорной речи аналитической глагольно-именной конструкции вместо более органичной для нее синонимичной формы глагола.

Ваня... добрался до Кубани и там принял участие в весенней посевной. Здорово, а? (Ю. Либединский, Новое море, рассказ, 1947); *— Ты здесь? — удивленно спросил я.— Проходишь практику?* (И. Дружинин, Одна десятая балла, Заметки учителя, 1964); *Да я все время с ним веду работу, как его увижу* [член месткома о группорге, в частном разговоре]; *Человек совершает работу и, конечно, хочет, чтобы она была оплачена* (Из устной речи); *Прямо на улице торговля производилась, я поэтому и совершил покупку* (Из устной речи); *Я перенесла болезнь, и мне не хочется сейчас поэтому так уж торопиться...* (Из устной речи).

Естественно, что при ассимиляции в разговорной среде книжная фразеология может варьироваться не только в пределах нормированных вариантов, но и окказионально, с отступлениями нарочитыми или нет от литературной нормы, свидетельствующими о самом процессе постепенного внедрения «книжности» в разговорное окружение:

Проша, — шепнула Настя.— Я Павлика сразу поняла. Как она пришла к нам, как села за стол, он сразу заперся в себе. Вроде тебя. Ты тоже все молчал (В. Дудинцев, Станция «Нина», 1963); *— Кто оживится? — Да всякая международная сволочь. Как раз тот момент, когда они могут начать войну* (Ю. Бондарев, Двое); *Гм... другой иначе сказал бы: обещаю, мол, тебе всеми силами помогать, чтобы поднялась ты на новую, более высшую ступень... Эх, Тоня, Тоня!...* (А. Караваева, Знакомый человек); *Она особенно нюансами не страдает, у нее все просто* (Из устной речи); *А он вообще преодолеватель трудностей, в прошлом году на все пятерки сдал* (Из устной речи).

Уже в одном этом перечне примеров легко увидеть некоторые из условий, сопутствующие стилистической нейтрализации лексико-фразеологических элементов книжной речи в полярно противоположной им среде: 1) неизбежная метафоризация основного значения слова (*деталь, координаты, планировать, контактировать*) и иногда преимущественное использование нового, наиболее ходового метафорического употребления книжного слова: *Хватит! Я думаю, что ты перестроишься!* (Г. Троепольский, Прохор 17-й — король жестянщиков, 1954); *— Ира,... позови, пожалуйста, Химу Гайтен. — А-а, прорабатывать, да? Надо, надо ее, чтобы не бесилась* (В. Лихоносов, И хорошо, и грустно, 1964); 2) только что названные окказиональ-

[44] Нейтральное употребление многих из подобных сочетаний (*на данном отрезке времени, на данном этапе, поставить вопрос ребром, снять вопрос с повестки* и др.) в разговорной речи постепенно вытесняется их шутливо-иронической заданностью, так как эти сочетания со временем приобрели характер штампа.

ные и более регулярные (*мещанская колокольня, международная сволочь*) модификации фразеологии; 3) семантическое стяжение (*перспективы*); 4) синтаксическое «упрощение» (*материал на Лушку*); 5) десемантизация (наречие *лично*) и др.; 6) для стилистической нейтрализации в разговорной речи названных выше канцелярских клише очень характерным является также то обстоятельство, что их употребление, задающее в книжной речи единообразное и точное синтаксическое построение, здесь мирно уживается с разбросанностью и «непостроенностью» разговорной фразы: *Она* [*о машино*-кассовом аппарате] *плохо работает в каком отношении... валик заедает* (Из устной речи) [кассирши в магазине]; *Так ведь справки выдаются по какому принципу, по принципу, что если учреждение не запрашивает, их не выдают* (Из устной речи); *Взял собачку свою с расчетом, чтобы поохотиться на белок* [рассказ охотника, рабочего с Трехгорки]; *Я так с ней, знаешь, поговорила, в порядке... узнать, как она реагирует ...* (Из устной речи) [интеллигентная женщина среднего возраста].

Все это свидетельствует о широком использовании книжных элементов в разговорной речи. В отдельных частных случаях оно усугубляется такими явлениями, как свободное использование не одного, а двух (или нескольких) исходных значений слова (*деталь*) или различных словообразовательных вариантов (*агитировать — сагитировать, ориентироваться — сориентироваться*)[45] книжного слова. Иначе говоря, происходит идентификация характера употребления слов, разговорно окрашенных изначально, и слов, приобретающих такую окраску при экспансии книжной речи, что и завершает процесс нейтрализации книжных элементов в новой среде.

Каковы причины, поддерживающие закрепление и нейтрализацию элементов книжной речи в речи бытовой?

Причины эти главным образом внеязыковые. Их сущность в достаточной степени прояснится, если сопоставить перечисленные выше контексты с аналогичными им, но реализующимися в других конситуациях (т. е. с «обиходно-деловой» речью: более официальном говорении — на работе, в учреждении, вообще в обстановке, так или иначе стимулирующей отбор речевых средств «одной ступенью выше», чем при бытовом общении).

Здесь, без сомнения, возникают предпосылки для оформления ряда промежуточных, между чисто бытовым и чисто официальным говорением, жанров разговорной речи, которые сближают первое и второе.

2. Можно выделить и такой ситуационный «поджанр»[46], как разговорная речь в рабочей обстановке, которая более насыщена официально-деловым и отчасти профессиональными элементами (мы пока что опускаем специальный вопрос о профессиональном общении), чем бытовая. В ней находят место не только отдельные слова и устойчивые словесные сочетания, но и целые лексико-синтаксические единства официального стиля. Последние в меньшей степени обладают свойствами, позволяющими им проникать в разговорное окружение. Оставаясь, таким образом, несколько обособленными, они создают соответствующую стилистическую окраску всего высказывания:

Вот как обстоит дело, дорогие друзья. Я в МТС не удельный князь, а всего-навсего директор,— Княжев забрал бумагу.— И, как директор, я обязан подчиняться распоряжениям вышестоящих организаций (В. Тендряков, Ухабы, 1956).

— Но как быть с застройщиком, который... хочет использовать этот дом под музей собственной живописи... имеет художник право на музей или нет? — Да, тут почешешь голову,— сказал Степан Матвеевич и почесал затылок, сдвинув шляпу на смеющиеся глаза.— В том-то и дело, так что вы уж, пожалуйста, подработайте этот вопрос к исполкому,— попросила председательница Зина (Е. Герасимов, Куда речка течет, очерк, 1964); *— Садись, — сказала Анна Васильевна, когда Савушкин вошел в учительскую...— Будь добр, объясни, почему ты систематически опаздываешь?* (Ю. Нагибин, Зимний дуб, 1955); *— Мое приказание, выходит, для него не закон. Я наложил взыскание, вы отменили через мою голову, не посчитались с уставом.— Воронов отстранился от стола, и под ним жалобно, протестующе скрипнул топчан* (И. Стаднюк, Своими руками, рассказ, 1954); *— Что случилось? — подбегает Коготков.— Совершено покушение на шофера,— объясняет Тихтин, с багровым от ветра лицом.— Пострадавший, объясните, при каких обстоятельствах произошло нападение* (И. Лавров, Лейтенант милиции, рассказ, 1955); *— Григорий Павлович,— шумела она,— я считаю, что вы и ваши коллеги непрерывно мешаете мне проводить научную работу, подрываете мой авторитет.— Заведующий кафедрой пытался образумить ассистента.— Вы нарушаете элементарные требования врачебной этики... студенты жалуются, что по три-четыре дня просят вас посмотреть больных...* («Мед. газета», 19 июня 1964.); *Заслу-*

[45] О свободном функционировании книжных (заимствованных или интернациональных) глаголов на *-ировать* (*-ичировать, -изовать, -овать*) в современной разговорной речи лучше всего говорит активизация их приставочного словообразования (см. «Русский язык и советское общество», раздел «О двувидовых глаголах»). Но в то же время многие из этих глаголов, обозначающие те реалии, которые из новых и редких фактов общественной жизни перешли в разряд привычных и повсеместных, уступают в разговорной речи место своим «сниженным» синонимам; например, журнал «Красная панорама» (1923, № 173) дает несколько случаев *телефонировать* и ни одного *звонить*. Ср. разную частотность современного употребления глаголов *фотографировать и снимать* и т. д.

[46] Не покрывающий целиком, как и следующий, содержания термина «обиходно-деловой стиль», так как последний включает в себя, очевидно, разные типы тематико-ситуационной соотнесенности.

шивали их на партбюро, — сказал Волков. — Строители готовы бы сдать, но их плохо снабжают. Нет стройматериалов и тому подобное... (А. Кузнецов, У себя дома); *Я бригадир возчиков из колхоза «Новый путь»... Пускай начальник справку пишет... — По такому поводу я не могу беспокоить начальника строительства,— сказала Валентина Георгиевна, прикрывая глаза, чтобы подчеркнуть значение последних слов.— Обратитесь к прорабу* (С. Антонов, Дожди, 1951); *Так я же вам говорю, и указание Ивана Федоровича по этому поводу было. Надо послать быстро, и все* (Из устной речи); *Поезжайте, не задерживайтесь. А дорогою подумайте о фельетоне или очерке в праздничный номер. Чтобы это было на высоком уровне!* (Г. Рыклин, Сигнал, фельетон, 1965).

Характерно, что и при повышенной эмоциональной насыщенности официально-деловая окраска такого общения может сохраняться: *Удивляюсь вам, Артем Федорович! — вскипел Наварин,— Дело же не в опасности. А как с взаимодействием между медсанбатами и эвакопунктом?.. Нарушить взаимодействие!.. Начнется чехарда. А нам же спасать раненых нужно! Жизни человеческие нам доверяют!* (И. Стаднюк, Своими руками); *— В том то и дело! Нам нужна надежная машина. Мы входим в график. Мы вашу работу в историю комбината запишем... Дело строителей сделано — заботы эксплуатационников скоро перейдут...— Алябьев так весело выкрикнул это, что даже Герасим Минаевич улыбнулся* (В. Дудинцев, У семи богатырей).

Соединение, казалось бы, далеких друг от друга экспрессивных речевых пластов — это мост, который перекинут между разговорной речью в бытовой и разговорной речью в деловой обстановке. Их естественная для современных общественных условий близость выражается в сходном экспрессивно-стилистическом употреблении одних и тех же элементов книжной речи, что, несомненно, связано с потенциально одинаковой функциональной природой того и другого вида общения. Это особенно наглядно подтверждается непосредственным сопоставлением не отличающихся друг от друга по своей контекстной роли (и уже рассмотренных выше по отдельности) книжных «фрагментов» в равной обстановке говорения:

В бытовой обстановке

Да не агитируйте меня, пожалуйста. Я все равно к ней не поеду, ни за что... и вообще не собираюсь с ней разводить эти всякие... дела (Из устной речи);

Ну хорошо, тогда я поставлю вопрос ребром: ты знал или нет, что нам придется эти деньги занимать? Что это ты, в самом деле! (Из устной речи);

Сережа — потрясающий парень! Мы его любим, уважаем и с ним считаемся, как с товарищем, хотя он руководство (Н. Строковский, История одной ночи, повесть);

Я, как оформился, сразу побежал, матери телеграмму дал (Из устной речи).

В деловой обстановке

В том-то и дело, что ни объяснить мне, ни агитировать меня не надо. Я все сделал, что от меня лично зависело. Если бы тракторы были мои собственные... (В. Тендряков, Ухабы);

Ребята, надо ставить вопрос ребром. Либо Черных и Пантелеев должны будут немедленно прекратить издание своей газеты и выпустить очередной номер «Юнкома», в котором публично признают свои ошибки, либо... (Г. Белых, Л. Пантелеев, Республика ШКИД);

Холодильников у нас нет, Сергей Сергеевич, сами знаете. Я неоднократно обращал внимание руководства (А. Кузнецов, У себя дома);

Общежитие предоставляем. Вот так. Согласны? Тогда оформляйтесь (К. Ваншенкин, Большие пожары).

3. Стилистическая разница между бытовым и деловым говорением безусловно ослабевает. Это подтверждается еще и тем фактом, что официально-деловая окрашенность разговорного высказывания, в равной степени связанная и с обстановкой его проявления и с его темой, в речи некоторых людей сохраняется и тогда, когда деловая тема реализуется не в деловой обстановке[47], т. е. когда последняя предоставляет неограниченную возможность синонимических замен.

Персональную пенсию сразу выхлопотали. Я сам делал представление в министерство.— Детишек, если потребуется, устроить в интернат и так далее... (рассказ ответственного работника] (Л. Обухова, Доброта); *Так вы что, ночью работаете? — удивилась Аня. — Ночью? — Наглый постучал ногтем по ручным часам.— Какая ночь! Шесть часов утра! Крепежный лес для приска заготовляем. Ясно?* (Ю. Бондарев, Река, 1962); *Ну, а как мы будем лес-то проводить?* [оформлять документацию.— *Т. В.*]. *Да и Вася*

[47] *Это было в очень своеобразной обстановке — в фойе нашего театра на встрече Нового 1937 года. Уже на исходе ночи, среди шума, начинающего угасать веселья, мы сидели с ним вдвоем за столиком и, как все эти дни, разговаривали о работе над «Борисом Годуновым». С бокалом в руке к нам подошла актриса (она же «общественная деятельница» внутри театра), прислушалась и с кокетливой фамильярностью стала укорять В. Э. в том, что он в «такую ночь» говорит о «делах». В. Э. помрачнел, и я стал бояться, что он ответит ей грубостью, но она, не дожидаясь ответа, исчезла, окликнув еще кого-то.— О делах!— сказал В. Э. очень зло.—А о чем еще нам говорить? О преферансе, что ли?* (*А. Гладков, Воспоминания о Мейерхольде, 1961*)

разрешит ли... (Из устной речи); *Несчастным случаем интересуетесь? — переспрашивает Орлов.— Девчонка... завела знакомство с ребятами. Сорвалось у нее как-то свидание с ними, и она... и скажи им, что мешает Андреев. Выходит, пригласила их на избиение... Утром докладывают мне это дело.* («Известия», 4 июля 1964 г.); *... У меня что ни год — половина овец дохнет. Не живут они в наших условиях, а зоотехник говорит: по плану положено... Как же это с объективными законами согласовать?* (Е. Дорош, Иван Федосеевич, 1954).

4. Во многих из этих случаев (например, в судоговорении — ответы свидетелей, реплики истцов и ответчиков, речь юристов не на самом судебном процессе, а в предварительных беседах, опросах и т. д.) новы, конечно, не сами ситуации, а те особенности владения книжной речью, к которой они располагают. Например, [Адвокат:] *Мои свидетели на сегодняшний день приедут*; [Ответчица]: *Эти показания в корне неверны*; [Свидетельница:] *Да, было наличие крови на полу.*

Тенденция сохранения делового стиля в неделовой обстановке перекрещивается с противоположной по линии движения, но одинаковой по стилистическим результатам тенденцией к использованию книжных речевых средств во всех тех жизненных ситуациях, которые хоть сколько-нибудь это допускают:

Он вообще выпивал... Я ему всегда оказывала помощь; [Свидетельница:] *Я быстро выскочила, потому что это не единичный случай... Меня предупреждать нечего. У меня семья, здоровая семья, и мне надоели эти скандалы*; [Истица:]... *и всегда она распространяет разные сплетни*; [Судья:] *Заявление у вас сумбурное*; [Истица] [рабочая]: *Ну, ладно, значит, надо отработать заявление*; [Свидетельница:]... *а я кричу: Сюда! На помощь! Опять избиение!* и т. д. (Из записей живой речи в народном суде, сделанных сотрудниками Института русского языка АН СССР 1962—1963 г.).

В других же случаях специфическими являются и сами ситуации, способствующие оформлению новых речевых жанров; например — рассказ рабочего (или любого другого трудящегося) о своей жизни, о работе — интервью по радио, по телевидению. Эти жанры находятся на грани книжной и разговорной речи, и именно промежуточное их положение[48] дает материал для лишних доказательств сближения первой и второй, так как по сравнению со стилистическими свойствами той речи, примеры которой мы приводили выше, иной здесь может оказаться разве только степень насыщенности реплики (или монолога) официально-деловыми и газетно-публицистическими речевыми элементами.

[48] Т. е. для самих говорящих это в данном случае необычно «высокий стиль», что противоречит объективному содержанию речи.

Ср., например, рассказ ткачихи [средних лет, низшей квалификации, с неполным средним образованием]: *Сестра моя здесь живет. Она с 22-го года...* [о сыне]: *Он, ну, дошкольного такого периода, его надо свозить в Евпаторию, чтобы он немножечко отдохнул... Он английским занимается... вообще и интересуется. В детском саду занимаются, лепку производят... лепить... писать; Вся жизнь здесь происходит. Производство — это вся жизнь, значит, здесь. Поспал, поел и опять на производство* (Из записей речи рабочих на Трехгорке); *В день пуска приезжали к нам гости: члены правительства* (Из рассказа рабочего Куйбышевской ГЭС); *Ну, туда (в Дом отдыха) ездят и престарелые... пенсионеры... Так что старички не должны обижаться...* (Из рассказа старого гравера Трехгорки); *Мы решили, значит, увеличить кормовую базу... И люди говорят мне, и сам непосредственно, когда приходишь — видишь, что ...* (Из рассказа председателя колхоза «Дружба»).

Широкое функциональное поле действия элементов книжной речи для разнообразных, как видим, ситуаций разговорной речи может привести к той степени их полной нейтрализации, благодаря которой внутри предложения, периода, высказывания образуется одноплановый стилистический ряд немаркированных членов. Это мы отчасти уже наблюдали на примерах пункта 1). Приведем еще несколько наиболее характерных (потому что они не связаны с употреблением ограниченного круга показанных выше слов и выражений) случаев:

— На, говорю жене, тебе все мое хозяйство, живи как знаешь, а я пойду в леса, буду жить один...— А она на него в суд. Судятся. Мы, товарищи, собирались, обсуждали, прав он или нет. Разошлись во мнении (Б. Пильняк, Россия в полете); *Работа над моим разделом, Михаил Иванович, уже почти завершена* (Из устной речи); *— Вы читали статью? — Нет, я только беглo ознакомилась* (Из устной речи); *Машенька сделала шаг вперед, заговорила взволнованно: «Я помню, товарищ полковник, в те дни, когда мы сражались у Мышеловки, вы считали меня ребенком»* (А. Родимцев, Машенька из Мышеловки, повесть); *— ... Что же заставило тебя рисковать?— Что заставило? Ну, как это сказать вам? Все... И город наш, врагом осажденный* (Там же); *— Клуба у нас нет. Но будет!... Я вижу. Раз такой заведующий, значит и клуб будет.— Было бы кому посещать...* (В. Дудинцев, На своем месте); *Нет, выставки я все же посещаю* (Из устной речи); *Я, когда приехала сюда... думала: вот буду жить в тишине, изучу итальянский, словом, поживу для себя. Но никакого «для себя», конечно, не получилось. Ребята тут просто алчут знаний...* («Известия», 31 марта 1964 г.) [рассказ учительницы]; *Мне нравится эта кофточка. У нее такой цвет интенсивный!* (Из устной речи); *— Это*

какой же Шумилин? — *Связист. Лет сорок пять, пожилой такой...— Он что, подвиг какой-нибудь совершил* (Г. Бакланов, Пядь земли); ... *призвание свое нашла в искусстве* [девушка — о себе] (Е. Карпов, Синие ветры); *Ну что это у них за антагонизм такой..*! (Из устной речи) [студентка]; *Везет этим капиталистам, даже с погодой везет. Ведь посмотрите, какие во Франции климатические условия* [разговор у газетного стенда]; *Я больше фасоль люблю, чем горох. Да, у фасоли вкусовые качества гораздо лучше, понимаешь*! [разговор соседей в кухне]; *Куда это Слава делся? Думала, он спит, посмотрела в местах общего пользования, а его нигде нету* (Из устной речи) [женщина средних лет, высшее образование]; *Я в Ленинграде не бывал. Белых ночей не пришлось наблюдать* (Из устной речи) [пожилой рабочий]; *Да, этот шкаф еще не нашел применения. Его в коридор пока надо выставить* (Из устной речи) [рабочий средних лет]; — *А он преимущественно на гитаре играет или на банджо?— На гитаре. У банджо же совсем другой звук* (Из устной речи) [две молодые женщины]; *Правильно,— согласился Пантелеев.— Мы должны говорить. А говорить веско и обдуманно можно только через печатный орган*... (Г. Белых и Л. Пантелеев, Республика ШКИД).

Тем более свободно подобные элементы нейтрализуются в более высоком общем контексте, обусловленном, так сказать, «повышенной» (с точки зрения экспрессивной значительности, ответственности жизненного момента и т. д.) ситуацией: — *Последние дни все твое поведение было просто возмутительным*! — *объявила Анна. — ...Нам лучше расстаться. Хорошо, что мы пришли к этому выводу прежде, чем успели натворить больших глупостей*! (Бедный Б., Комары).

Как видим, является ли элемент книжной речи просто ресурсом высокого стиля или он более точно прикреплен к определенному функционально-речевому стилю в его современном составе, не меняет существа дела. Здесь можно отметить лишь закономерную тенденцию к более широкому использованию языковых фактов последней категории.

В этом смысле особенно характерно усваивание разговорной речью наиболее ходовых литературных штампов, назойливая «всеядность» которых и делает возможным их «лобовое» и, одновременно, «проходное» употребление в непреднамеренной речи: — *Ты знаешь, что такое счастье*? — *Видимо, одержимость. Я, конечно, о деле говорю* (Ю. Бондарев, Двое); — *Что это, деньги вам не нужны?... — Почему не нужны, не в этом дело,— покраснел Володя.— Все же не секрет, раз сдельная работа — волей-неволей спешка. А мне еще расти надо... То есть я хочу расти,— поправился он, видя, что Павел Иванович усмехается* (А. Володин, Приказ об увольнении), То же: *А что нет для нас хороших ролей, пьес... Не на чем расти, особенно актрисам... Это разве не важно*? (Е. Шереметьева, Весны гонцы).

Здесь происходит как бы обратный (по отношению к более свойственной для разговорной речи метафоризации значения) процесс частичного освобождения слова от образной нагрузки, сужение его символической обобщенности и, уже как следствие этого, «заземление» — стилистическая нейтрализация в разговорном контексте.

Любопытен с этой точки зрения и такой случай, как возвращение разговорно-нейтрального слова в свою стилистическую стихию с семантическим осложнением, полученным им в других стилях речи: *Но у него пузик все время болит, и мои соседи подсказали*[49]: *Надо брать такой кефир, специальный для младенцев* (И. Зверев, Трест им. Мопассана).

Нейтрализация некоторых элементов профессиональной речи в разговорной речи указанных выше подтипов

Проблема стилистической роли, места и приемов использования в современной разговорной речи профессионализмов — стоит несколько особняком.

Мы не имеем здесь в виду ни специальную техническую, научную и т. д. терминологию, о которой в этом плане говорить неправомерно, ни тем более так называемые профессиональные диалекты (жаргоны), представляющие собой языковую подсистему с определенными количественными и качественными пропорциями речевого проявления в той или иной стилистической среде.

Речь идет лишь о стилистически нейтральном употреблении некоторых языковых фактов, рождающемся в условиях производственных речевых контактов нового типа. Такое употребление обслуживает скорее «околопрофессиональную» тематику, свойственную не самому узкотерминологическому существу дела, а реальной обстановке, необходимой для его живого функционирования (т. е. не столько само производство, сколько производственные отношения).

Поэтому: во-первых, использование подобных профессионализмов в разговорной речи нередко выходит за пределы данной профессиональной сферы (и в зависимости от характера последней — более или менее далеко); во-вторых, оно находится на стыке двух основных процессов, определяющих общую стилистическую тенденцию развития современной разговорной речи,— сближения 1) с книжной стихией и 2) с просторечием.

---

[49] Ср. указанные выше примеры со словами *прорабатывать* и *перестраиваться*.

Это происходит потому, что одна часть профессионализмов возникает в условиях производственного быта, а другая часть служит языковой базой данной профессии[50].

С этой точки зрения отдельные случаи официально-деловых употреблений, которые выше рассматривались в общем потоке наиболее характерных «книжностей», пришедших в разговорную речь, могут квалифицироваться и как канцелярские профессионализмы (ср. пример. *А как мы будем лес проводить...*, т. е. оформлять документы на вывоз леса; *Ему и на пенсию и по ранению давно можно было уйти, а он все работает* и т. д.).

Таким образом, высокая или сниженная исходная окраска профессионализма зависит от специфики самой профессиональной области. А степень его нейтрализации — от более или менее широкого проникновения этой области в другие области общественного быта.

1. Показательна в этом отношении для разговорной речи судьба военных профессионализмов, которые активизировались во время Отечественной войны и могут сохраняться до сих пор, причем не только в речи воевавшего поколения. Их источником являются, естественно, многообразные формы речевого общения в исходной (военной) обстановке, начиная с самых далеких от разговорной стихии официальных типов (приказ, команда, доклад) и кончая обычным полупрофессиональным-полубытовым диалогом, реализующимся в одной из соответствующих обстановок.

Обилие первых вызывает аналогичную тональность и в смежных ситуациях:

Зыбуновский ногтем выправил завернувшийся уголок бумаги. Сказал тихо, как всегда, когда на него повышают голос: — Этой задачи командование сейчас перед нами не ставит. А с малярией мы должны бороться имеющимися у нас средствами. Есть акрихин, есть, видимо, еще какие-то лекарства... (Г. Бакланов, Пядь земли); — *Ищенко где? — Нашел. Начальник штаба сказал: а б э с п е ч у о т х о д! — яростно сверкая глазами, кричал Баградзе* (Г. Бакланов, Мертвые сраму не имут); *Денисенко? — удивился Сабодах, и глаза его повеселели.— Значит, он п р и б ы л?... Как он добрался? Не ранен?* (А. Родимцев, Машенька из Мышеловки).

Нетрудно заметить, что приведенные официальные формулы чисто военного характера (*обеспечить отход, командование ставит перед нами задачу*) тесно смыкаются с официальной речью любой другой разновидности, подтверждая тем самым только что указанную возможную нерасчлененность сугубо профессиональных и вообще деловых элементов (*прибыть, бороться имеющимися средствами*).

Также легко нейтральной составной частью входят «военно-официальные» шаблоны в менее официальное речевое окружение: *...В общем, даже удачно получилось... Передай б л а г о д а р н о с т ь л и ч н о м у с о с т а в у* (Г. Березко, Красная ракета); *Майор насупленно роется в кисете.— Отдыхайте пока. Пришлем за вами. Когда о б с т а н о в к а п о з в о л и т вам идти.* (Е. Ржевская, Второй эшелон); *Слушай меня. Вспышки видишь? Это наша батарея стреляет. Они там в е д у т б о й, а тут им танки с тыла заходят. Понял?* (Г. Бакланов, Южнее главного удара); *О г о т о в н о с т и д о л о ж и т ь в четыре ноль-ноль,— словно подавая команду и увлекаясь, говорил он...* (Там же).

Одновременно в сходной речевой обстановке нейтрализуются не менее активно некоторые из военных профессионализмов, носящие явно сниженный, обиходный характер: *Я уже все взвесила и все обсудила, товарищ командир,— сухо сказала Зина.— Еще тогда, когда решила п а р т и з а н и т ь* («Моск. правда», 1 марта 1964 г.); *Мы заложили мину, а с р а б о т а л а*[51] *ли она — не знаем* (Там же). В качестве нейтральных же членов военные профессионализмы входят в разговорную речь, никак с военной обстановкой не связанную, главным образом в речь послевоенного периода[52].

Мы спросили, кто работает на водоотливе.— Анатолий Травников,— ответили нам.— А давно он п р и б ы л н а с т р о й к у?.. («Известия», 24 апр. 1964 г.); *...Ну, сама посуди, как же так получается: наполовину не выполнили задание и д е з е р т и р о в а л и... Стыдно* (С. Антонов, Дожди); — *Кто з а м ы к а ю щ и й? — спросил Сергей громко, и Малахов подумал: — Надо будет упомянуть где-нибудь. Как здорово! У нас пишут, как правильно говорить: «последний», а не «крайний». А он применяет совсем другое, военное слово* «замыкающий» (К. Ваншенкин, Большие пожары); — *Скалолазы наши п р о и г р а л и с р а ж е н и е,— сказал Снарский, горько крякнув. — Как ты тут без нас, придумала что-нибудь? — Послала телеграмму. Прошу отсрочки на месяц. Не уеду я отсюда* (В. Дудинцев, Избушка Снарского); — *Не в е д и т е на меня, пожалуйста, а т а к у, я и так все прекрасно понимаю* (Из устной речи); — *Вы слышали о ч е п е на недовском* [по фамилии преподавателя — *Недов.— Т. В.*] *курсе?* (Е. Шереметьева, Весны гонцы).

2. Идентична многослойность и вариантность нейтрального употребления других профессионализмов, самой разной специальной принадлежности, разной исходной стилистической окраски и разного формального выражения.

[50] Этим наглядно демонстрируется отсутствие непроходимых границ между двумя, казалось бы, противоположными стилистическими процессами, наблюдающимися в современной разговорной речи, и конечную общность их результатов: диффузность внутрижанровых границ и нейтрализацию стилистических противопоставлений.

[51] Слово, появившееся в этом значении после Отечественной войны.

[52] Приводится речь военных, бывших военных, женщин (не воевавших) и молодежи.

Здесь также отправным моментом является характер говорения в профессионально-производственной обстановке, которая стимулирует свободное обращение к профессиональным словам и оборотам даже в тех случаях, когда в этом нет «единственно возможной необходимости[53]: *Как я летал, я уже не помню. Хорошо, еще, погода была тихая, не болтало. А как п о ш е л н а п о с а д к у... не рассчитал приземления* (Ю. Крымов, Подвиг); *Если у клиентки голова уплощенная, мастер должен предложить ей такую прическу, чтобы эта у п л о щ е н н о с т ь скрадывалась* (И. Грекова, Дамский мастер); *Я должен р а б о т а т ь в с е х одинаково и давать план* (Там же); — *Скажите, а других шкафов у вас нет?— Д р у г и х н е р а б о т а е м* (Ильф и Петров, фельетон); *Ольга Алексеевна взяла его руку, отобрала ключ и положила к себе в карман.— Спасибо, Семибай,— сказала она.— Пшеница пойдет и без п о л и в а* [речь агронома] (В. Федорович, Неопалимая); *Начальник отделения перекинулся через стол, схватил женщину за кисть и вырвал опасную игрушку. «А и м е е т с я у в а с р а з р е ш е н и е н а н о ш е н и е о р у ж и я?» — для чего-то крикнул он* (А. Толстой, Гадюка, 1928); — *Пихтин, займитесь товарищем,— командует Клотков. — Доложите дежурному: я н а п о и м к е грузовика* (И. Лавров, Лейтенант милиции); *Давно с т р а д а е т е?* [на приеме врача; вопрос к больному о сроке болезни]; *В о л о с*[54] *требует ухода... Какой волос? Длинный, короткий?* (И. Грекова, Дамский мастер) [речь парикмахера]; *Старик-фруктовщик, около тридцати лет торгующий здесь фруктами, грубо, но характерно определяет задачи этого «рая» — миллион двести тысяч животов надо ежедневно набить ф р у к т о м!* («Красная панорама», 1923, № 13); — *А как у в а с с т р у д о д н е м? — Трудодень за урожаем ходит* (Н. Сизов, Трудные годы); — *Пора лететь. Механик еще раз посмотрел, все ли исправно.— А что ж, меня-то возьмешь? — спросил механика ученик Федорчук.— Нет, ты тут п о д л е т ы в а й. В большой рейс тебя не рука брать* (Б. Житков, Над водой);... *иди туда и п о т р у б л и в а й, все п о т р у б л и в а й. Я же буду в лесу ходить и слушать, не викнет ли где-нибудь Анчар на трубу* (М. Пришвин, Анчар) [разговор охотников]; — *Ну, а если бы мы еще быстрей шли, так...— и адъютант, не договорив, кивнул на воронку, бывшую впереди их.— Ничего подобного,— сказал комиссар.— Они же по нас сюда били — это н е д о л е т. А если бы мы уже были там, они бы туда у е х а л и и о п я т ь б ы л б ы н е д о л е т* (К. Симонов, Третий адъютант); — *Видишь, что говорит: немедленно снижаться. Чего он испугался? — С т р а х у е т с я* (Л. Обухова, Доброта); *Интервью-то они потом, к к о н ц у п р е б ы в а н и я, дадут* [разговор журналистов об иностранной делегации] (Из устной речи)[55]; *Ну что нос повесили? Картину не приняли? Печально, конечно, но скажу по секрету: картина-то недописана... Вы п о д ч и н и л и с ь п р о с т р а н с т в е н н о й з а д а ч е и начисто потеряли предмет* [разговор художников] (А. Гладилин, Первый день нового года);— *А что вы делаете на м а с л е?* — *Я там заведую электричеством* (Из устной речи).

Частое употребление профессионализма в названной конситуации способствует его закреплению и вне профессиональной среды:

— *Мне нравится у вас, Маша,— шепнул я.— Я бы приходил к вам в гости каждый день...— Каждый день я не могу принимать гостей. Я часто дежурю по вечерам в поликлинике, в ы е з ж а ю п о в ы з о в а м к больным* (И. Голосовский, Хочу верить...); *Друг мой с т р а д а л р а к о м* (Бурденко, Характер современной хирургии); *Гардемарин достал из бумажника фотографию... и протянул мне. — Возьмите на память. Это мой корабль. Я х о д и л н а н е м в Ливерпуль* (К. Паустовский, Повесть о жизни); — *Ты куда?— спросил отец.— Погулять.— В такую-то грязь? — А ты сам говоришь, что простуды не бывает.— Действительно, простуды, как таковой, не бывает. Но о х л а ж д е н н ы й о р г а н и з м с о з д а е т нам у д о б н у ю с р е д у д л я р а з в и т и я и н ф е к ц и о н н ы х б а к т е р и й. Сиди дома* (Б. Пильняк, Соляной амбар); — *Скажи как врач: инсульт — это очень серьезно? Неизлечимо? — Да. Но это второй инсульт... Первый был в тридцатых годах... Он без сознания. П о р а ж е н ы в а ж н ы е ц е н т р ы* (Ю. Бондарев, Двое).

В этих случаях профессиональное употребление может наталкиваться на общелитературное восприятие, обнажающее его контекстную зависимость:

— *Вы — художник? — спросила Анна... — Нет. — А что же вы делаете? — П и ш у... — Писатель? — Нет, я п и ш у м у з ы к у, — внезапно смутившись, ответил Никита* (К. Федин, Братья); — *Единственное, что в вас есть хорошего,— это голос, и прямое ваше назначение — это оперная карьера.— Кое-какой м а т е р и а л есть. Вы знаете, Елена Васильевна, я однажды... взял «ля» и держал десять тактов* (М. Булгаков, Дни Турбиных).

Речи представителей некоторых профессий свойственна

[53] Ср., например, речь старухи-санитарки, как бы «цитирующей» медицинский фразеологизм, воспринятый ею в профессиональной обстановке: — *Дочка находится в больнице... ф о р м а з а б о л е в а н и я л е г к а я* (Л. Обухова, Доброта).

[54] В данном случае оттенок именно профессионального употребления создается средством морфологическим — единственное число с собирательным значением (см. и следующие примеры); в других случаях: особыми словообразовательными типами (*подлетывать* и др.); семантическим «стяжением»: *А Федька почему сегодня не вышел?* [на работу, после бюллетеня] и др.

[55] Ср. ироническое отношение к профессиональным штампам: — *Он похвалил статью. Знаете, что он сказал? Он сказал: она н а ц е л и в а е т.— Что такое «нацеливает», Сережа? — А это такое специальное слово, для журналистов* (Л. Лиходеев, История одной поездки).

особенно глубокая ассимиляция (в любых условиях) наиболее «ходовых» специальных слов, фразеологизмов и др., при которой их употребление вовсе не связано, как в предыдущей группе примеров, с соответствующей тематикой разговора: они выходят за пределы профессионального общения и становятся образным речевым средством.

— *Валька! — позвал его забинтованный человек.— Валька! П о д о й д и с другого борта. Тут с рукой конфуз* (А. Первенцев, Валька с торпедной девятки, рассказ); — *Мальчик, — спросил он* [гардемарин.— *Т. В.*), — *почему вы тащитесь за мной н а б у к с и р е?* (К. Паустовский, Повесть о жизни).

А выходя за пределы профессионального общения тематически — они попадают и в речь непрофессионалов. Здесь можно наблюдать обратную картину: если разговор касается каких-либо профессиональных областей — эти понятия называются так, как принято у профессионалов. Как раз морские профессионализмы в этом смысле очень «заразительны»: — *От Глеба подарки.— Посылка? Он, значит, не уплыл? — Нет, у ш е л давно. Как писал. Это тут одна знакомая принесла* (Е. Шереметьева, Весны гонцы) [речь старой женщины]. Конечно, это явление характерно для профессиональных областей шире, чем другие, проникающих в общие формы социального быта. Ср., например, ту часть сельского хозяйства, которой занимаются дачники, отпускники и т. д.,— разведение овощей, ягод, фруктов: *Конечно, в такое жаркое лето трудно. Но у нас есть п о л и в, а у вас нет. Если бы у вас был п о л и в, то все бы разрослось* [речь дачной хозяйки]; — *А в у д о б р е н и я в в о д и т е? Я совсем не знаю, как это делается* (Оттуда же).

Или словоупотребление, принятое в торговле:

Там чем лучше, там магазин близко, и все-таки кое-что есть. И ж и р ы всегда, и мясо... (Из устной речи); *Что было — на праздник выпили. А новой не з а в е з л и* (А. Марьямов, Полярный август, очерк); *Пойди т а р у к е ф и р н у ю всю эту сдай, весь шкаф захламили* (Из устной речи); или в медицине: *В прошлый раз я лежала ведь в больнице, п о п о в о д у х о л е ц и с т и т а... мне легкие даже не просвечивали...*; *Его г о с п и т а л и з и р о в а л и в Сестрорецкую больницу* (Из частного письма); или в солдатском быту: *Сергей Владимирович! Сашу-то в Минск п е р е г о н я ю т* [о юноше, который служит в армии]. *Мы должны ж д а т ь его з в о н к а и на вокзал поедем...* (Из устной речи).

Кроме того, некоторые из рассматриваемых элементов не имеют конкретной профессиональной прикрепленности, а употребляются в широком кругу разных производственно-бытовых ситуаций: *Мы и д е м в п л а н е,— сказал он* (Н. Сизов, Трудные годы) — фразеологическое сочетание, употребляемое работниками многих специальных отраслей.

Между прочим, это она мне в Дом актера билет устроила. Она вообще куда хочешь может — в Дом кино, в Дом офицера, у нее муж важная шишка. Хочешь, я тебя с н е й с в я ж у? (А. Володин, Подруги); *А я прекращаю работу в этой т о ч к е...* (И. Грекова, Дамский мастер).

Ср. наглядный случай естественного воспроизведения профессионализма в «родной» для него обстановке: *Они вошли в столовую и заняли свой столик у окна.— Будьте любезны, о б с л у ж и т е нас,— важно сказала Валя.— Да п о б ы с т р е й, девушка, мы спешим* (А. Володин, Подруги).

Таким образом, стилистическая нейтрализация и раздвижение границ действия современных профессионализмов идут за счет их употребления 1) профессионалами шире, чем в специальных условиях общения и 2) наоборот, непрофессионалами — при разговоре на специальную и даже иногда на неспециальную тему.

Проникновение сниженных элементов просторечно-жаргонного происхождения в литературную разговорную речь современной эпохи

Этот стилистический процесс, сходный по своей общей функциональной направленности с процессом сближения разговорной и книжной речи, имеет ряд внутренних отличий от последнего. Прежде всего отлична экспрессивно-стилистическая роль «сниженных» языковых фактов при их столкновении с нейтральной или высокой стилистической средой.

Характеристика основных явлений первого процесса могла до определенного момента быть отвлечена от экспрессивного качества вошедших в новую среду книжных элементов, так как один из видов их ассимиляции в этой новой среде (и именно тот, который уже показан) дает нейтральный одноплановый стилистический ряд. Явления, сопровождающие второй процесс, во всех случаях неизбежно связаны с эмоционально-экспрессивной ролью сниженных, просторечных элементов, как бы глубока ни была степень их функционально-стилистической нейтрализации в данном контексте.

Проникновение элементов просторечия в литературную разговорную речь (ставшее в нашу эпоху явлением регулярного характера), как мы уже говорили, способствует тому, что значительная часть всей сферы разговорного общения к настоящему времени охватывается так называемой обиходно-разговорной речью, которая характеризуется ненормированностью и пестротой языкового состава.

В то же время нельзя, очевидно, говорить о полном распаде просторечия ни как некоей отъединенной от литературной разговорной речи системы стилистически сниженных языковых

единиц, ни как средства общения, обслуживающего определенны социальные слои общества.

Просторечие в наше время — это тот лексико-грамматический «запасник», из которого в литературную разговорную речь посту пают языковые средства, формирующие речь обиходно-разговор ную. Суть просторечия, с точки зрения стилистической, прин ципиально оставаясь неизменной по отношению к литературной норме, сейчас осложнилась тем, что вследствие формирования категории обиходно-разговорной речи изменилась сама литературная норма. Следовательно, сдвиги в этом направлении связаны с вопросом о нейтрализации просторечных элементов в литературной разговорной речи [56].

Для того исторического этапа, применительно к которому можно говорить об обиходно-разговорной речи как об «общенациональной ненормированной форме общения», шел, таким образом, процесс постепенного расширения сфер действия сниженного языкового слоя. Отправной точкой этого процесса была дореволюционная и сохраняющаяся в первые десятилетия после Октябрьской революции у определенных кругов населения «чистая» (в той степени, в какой это вообще возможно) форма просторечного говорения.

Ср.: *Возница от неожиданного этого вопроса даже крякнул и остановил лошадей.— А ты их попроси, г е р м а н ц е в,— сказал он с ледяной насмешкой.— Поклонись в ножки. Человек ты, видать, образованный. Может, они для тебя и сделают уважение. Ну ладно! Видать, это тебе впервой. Садись в фурманку. Да не лезь на сено с грязными сапожищами. Не для того я его наклал...* (К. Паустовский, Повесть о жизни); *Входим в гостиную. Навстречу нам... выходит сгорбленный мужчина...— В ы б у д е т е к н я з ь?* (П. Дыбенко, Мятежники, Мемуары о гражданской войне, 1923); *— Ты видел, как Вайлис замахнулся на старшего офицера? — Так что дозвольте доложить, вашскородие. Как они, значит, сперва на них замахнулися, тут они все, значит, заавралили и сгрудилися вокруг них, а господин старший офицер, значит, отбежали от них...— Постой. Кто «они»? — Так что кочегары.— Вокруг кого «них»? — Так что вокруг господина старшего офицера.—Значит, ты подтверждаешь, что «они» действительно на него замахнулись?— Так точно, вашскородь, сперва они сами замахнулись... Фон Феймар запутался в этих «они» и «их»,... — но картина совершенно ясна* [57] (Л. Соболев. Капитальный ремонт, 1932); *Конечно, дело, как я нынче ходил, значит, в город на суд. Один добрый человек направил меня в Крестьянский дом. Сидим это мы там, чаевничаем, а один товарищ и говорит: «Слышь, ероплан, говорит, в город прилетел, вот бы нам посмотреть...»* (Б. Пильняк, Россия в полете).

Последняя цитата, о которой автором книги сказано, что она записана «почти стенографически», дает интересный пример самого первоначального качественного изменения общей просторечной окраски высказывания, способной включать в себя социально обусловленные инновации литературного характера, уже не воспринимающиеся на сниженном фоне как инородные (*товарищи*) [58].

В дальнейшем пропорции просторечно-диалектных элементов, сдвигаясь одновременно как в речи той части общества, которая преимущественно владела раньше просторечием (рост удельного веса литературных элементов), так и у носителей литературной речевой нормы (рост удельного веса просторечных элементов), оказываются более или менее выравненными.

Выравнивается также социально-экспрессивная оценка тех или иных «сниженных» элементов в речевом восприятии различных носителей литературного языка.

Ср.: *Юрию уже известно (а познакомились они вчера в полночь), что штабс-капитан возвращается из отпуска в Николай-Штадт, что гарнизон там мал и служба однообразна, что и х н и е (о н т а к и с к а з а л — и х н и е)* девки *безобразны... и что сам штабс-капитан уже дважды обойден чином* (Л. Соболев, Капитальный ремонт); *— Знаете, друзья, где мы с вами сейчас сидим?.. В сеттльменте... В китайских городах есть такие места, которые, увы, не подчинены Китаю... У нас тоже ... появились сеттльменты. И в одном из них мы находимся.— П е р е х л е с т н у л и малость, Ефрем Михайлович; — Обороты речи у вас, Коля, радикальные... с того берега. П е р е х л е с т н у л? А на том берегу ведь только на этом речи и построены...* [говорит враг революционных событий, ненавидящий народ] (С. Марвич, Семья); *— Так вот, мой друг,— сказал мне Захаров,— не пора ли вам бросить слоняться по окрестностям Москвы в вашем туманном состоянии. За эту неделю, как передавала мне Мария Григорьевна, вы уже успели с м о т а т ь с я в Архангельское и Останкино.— Слово «смотаться» Захаров сказал с особенным вкусом. Так он произносил все непривычные еще для него русские слова* (К. Паустовский, Повесть о жизни).

Ср.: *меньшевики и эсеры... по выражению рабочих, «с м ы л и с ь»* (Биль-Белоцерковский, Октябрь в Москве).

---

[56] См. уже указанное на стр. 19 определение Ю. С. Сорокина места просторечия по отношению к стилистической системе литературного языка.

[57] Единичные случаи такого употребления можно наблюдать и до сих пор. Ср.: *В т у р и с т ы?* (в обращении к *о д н о й* женщине); [речь пожилой уборщицы в гостинице]: *Вчера и хирург заволновался, заговорил послышней.— Если Вы настаиваете. Пришла м а м а, у ребенка пустяковая ранка на ножке, упал. Михайлова выпроваживает мамашу, та требует, чтобы ей разрешили держать ребенка. На этой почве у нас с Михайловой и вышла небольшая размолвка* (А. Володин, Приказ об увольнении, 1954); или: *...Знаешь, какой митинг грандиозный был!... Парад... оркестры! А потом м у ж и к один выступал — здорово так говорил про то, как мы должны помогать фронту. Весь город был* (В. Амлинский, Тучи над городом стали, повесть, 1964).

[58] Ср. обратный случай: просторечное «мамаша» в специфическом употреблении (мать больного ребенка, находящегося в детском саду или учащегося) в литературной речи:

И глаголы *перехлестнуть, смыться, смотаться*, с их богатой просторечной экспрессией, и нелитературная форма родительного и винительного падежей местоимения *они* (очевидно, в данном случае нейтральная для говорящего) «отмечены» здесь в одинаковой степени и в одном «направлении». По сравнению с этими примерами то же словоупотребление в разговорной речи последних лет, по всей вероятности, не может быть воспринято аналогично, так как оно утратило или «свежесть новизны», или резкую противопоставленность норме. Ср.— *Пап, может, нам сначала на реку с м о т а т ь с я?* — *Так можно с м о т а т ь с я, но ведь и так целый день потеряли* [разговор отца с сыном в семье журналиста] (Из устной речи); *Понимаете, я, конечно, с этими антибиотиками п е р е х л е с т н у л а. А не принимать совсем — тоже как-то...* (Из устной речи учительницы).— *Товарищ капитан,— сказал он,— вот я освобождение принес.— Какое освобождение? — Б р о н ь. Как специалист б р о н ь получил. Не хотят меня на производстве отпускать...— Ну, зайдите вот туда и оформляйте. Б р о н ь так бронь,— сказал капитан* (Б. Окуджава, Будь здоров, школяр, 1961).

Широкое употребление отдельных сниженно-просторечных слов, фразеологизмов, синтаксических конструкций на общем фоне разговорной литературной речи реализуется при разной степени сближения с нейтральными и книжными, что обусловлено разным же характером вторгающихся в литературную речь сниженных элементов.

Среди последних в интересующей нас функции чаще выступают не грамматически не нормированные просторечные элементы (типа *ихний* и *бронь*), а экспрессивно окрашенные члены синонимических рядов, благодаря стилистическим свойствам которых и общая окраска литературной разговорной речи становится более сниженной, чем в предшествующие эпохи развития литературного языка.

Безусловно, в большинстве случаев употребление стилистически сниженных языковых средств характеризует бытовую, фамильярную разговорную речь; но одновременно происходит явный рост их роли в более высоких контекстах и конситуациях разговорной речи, что, как мы дальше увидим, приводит к возможности сосуществования в пределах одного высказывания полярно противоположных стилистических фактов языка.

Однако не контекстные и конситуационные приметы (как при перечне разных вариантов осуществления экспансии книжной речевой сферы в разговорную, где важна была идентичность употребления в неидентичных условиях), а языковой характер самих сниженных элементов, раздвигающих стилистические границы литературной разговорной речи, показателен для явлений этого рода, отмеченных, как уже говорилось выше, постоянной эмоционально-экспрессивной заданностью. Последняя как бы

преграждает путь к полной стилистической нейтрализации сниженного элемента в литературной среде, поскольку именно на него падает тяжесть распространяющегося на весь контекст сдвига от более высокой к более низкой окраске.

1. Наибольшую активность и подвижность в большинстве выделенных ранее тематически-ситуационных подтипов разговорной речи имеют экспрессивные стилистически-сниженные глаголы, которые или ведут свое происхождение от просторечного и жаргонно-диалектного употребления, или представляют собой крайний (по сниженности) член синонимического ряда в пределах литературной нормы [59]. Причем, если первоначально это словоупотребление могло (в контекстах, аналогичных приведенному ниже), как предмет особого щегольства «демократичностью» речи, быть маркировано, то впоследствии большинство из подобных глаголов стилистически нейтрализуется.

Ср.: *Подожди. Велярская разыскивает некоего Тумина. Зачем он ей нужен — не знаю. Но нужен, по-видимому, очень... Тумин этот ш ь е т с я среди коммунистов* (О. Брик, Непопутчица); *... а потом пошла я к другому парню одному — Гриша такой, и расплакалась. И сказала ему разного такого, что он тут же директора о б л а я л по телефону* (Ю. Герман, Наши знакомые, 1935); *Если они так сильно з а ш и л и с ь с анализами, как вы говорите, то все наши телеграммы — чепуха. Через неделю нам нужны уже не анализы, а готовые опоры. Вы не знаете, когда из этого карьера в последний раз брали гравий?* (С. Антонов, Дожди); *Он мне дал адрес, просил написать, но я з а ш и л с я со своей торговлей* (И. Голосовский, Хочу верить); *...из дежурки выбегает Клотков и бросается в кабинет Дровосекова. Склянка и Пляскин торопливо застегивают полушубки, затягивают ремни с кобурами. — А ты не б р е ш е ш ь, малый? — строго допытывается Склянка* (И. Лавров, Лейтенант милиции, рассказ, 1955); *— Ладно, иди работай, Если будешь в о л ы н и т ь, выгоню в два счета. ... Юрка... побежал в котлован. Бригадир вслед ему смотрел неодобрительно* («Лит-ра и жизнь», 28 янв. 1962 г.); *На площадке возле костра стоял Кичекьян и хлопал рукавицами.— Бросьте з а л и в а т ь, ребята,— сказал он,— какие там апельсины! Выпить, что ли, захотелось?* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко, 1963); *— Ты мне нравишься, Нина.— Я знаю.— Знаешь? З а д а е ш ь с я просто* (Б. Окуджава, Будь здоров, школяр); *А ну, быстро м о т а й в аптеку, что-нибудь жаропонижающее купи* (Из устной речи); *...За настроения твои другой бы на моем месте тебя по головке не погладил,— сказал редактор, останавливаясь перед Лопатиным и глядя ему прямо в глаза.— И я бы не погладил,*

[59] Ср.: *Почему-то считается, — задумчиво сказал доктор,— что искать друг друга — значит з а л и в а т ь, выходить замуж — у д а ч н о в ы с к а к и в а т ь, жениться — о т х в а т ы в а т ь. Идиотизм какой-то!* (А. Кузнецов, Биение жизни, 1961).

если бы немного похуже тебя знал.— А ты не гладь.— А ты не нарывайся. То, понимаешь, намекает, что мы немцам лишние потери приписываем, то всепрощение проповедует... (К. Симонов, Жена приехала, рассказ, 1964);— *Вы давно кончили десятилетку? — Давным-давно.— А как с институтом? — Никак. Сунулась, провалилась — и все тут* (Л. Карелин, Микрорайон, повесть, 1962); — *Пулемет уничтожили,— говорю я так, словно каждый день уничтожаю по пулемету.— Двух пулеметчиков ухлопали. Глаза веселеют сквозь дым.— Ну, все. Скоро война кончится* (Г. Бакланов, Пядь земли, 1961); *...не успеем, аэродром уже закроют. На полдороге будем припухать* (К. Ваншенкин, Большие пожары); *На аэродроме выехали прямо на край летного поля, где стояли «АН-ы вторые», шофер все бормотал: «Не знаю, можно ли тут ездить?» действительно, один «АН» стал разворачиваться на месте, и на них заорали: «Куда прётесь?* (Там же);

Ср.: — *Все на фронт уходят. Белые к городу прутся.— Музыкант должен быть культурным человеком, значит, белые не прутся, а подходят* [Разговор пожилой учительницы музыки с молодым рабочим] (В. Кнорре, Повесть «Далекий зов», 1964); *Ну, поздравляю. Только смотрите, свадьбу не замотайте. А то экзамены кончатся, а вы потом сделаете вид, как будто ничего не было* (Из устной речи молодого преподавателя со студентами); *Подходит... Каменев:— Что там торговаться? Боитесь, что арестуют? «Аврора»-то у вас готова? Ну, сразу и освободит! Да только не особенно насчет немедленного вооруженного выступления напирайте*[60] (Б. Дыбенко, Мятежники, Мемуары о гражданской войне); — *Как ты думаешь, попрут меня, если я по чужому* [билету.— *Т. В.*] *пойду? Там документы проверяют?* (Из устной речи) [при входе на Международный конгресс антропологии и этнографии]; — *Видел Исуса Христа?— Плещей миролюбиво хлопнул Акимова по плечу. —...Тебя, брат, за доброту и наивность и из авиации выперли!* (Ю. Бондарев, Двое); *...Если завтра же ты не перестанешь клепать на меня, Плещея, Акимова, на всех остальных из парка, на кого ты должен клепать, я сделаю так, что в кармане вот этого твоего полушубка найдут оружие...* (Там же); *Это, безусловно, она накапала, иначе никому бы и в голову даже не могло прийти, да и вообще, разве это дело, с самого утра обвинения и поклепы* (Из устной речи); — *Все еще чухаетесь? — Готово,— сказал связист* (К. Симонов, Солдатами не рождаются); — *Знаешь, зачем он к нам шляется каждый день? — спросила Ася.— К Марии сватается* (А. Володин, Твердый характер, рассказ, 1955); *Я бы ушла* [с работы.— *Т. В.*], *конечно, поране, неприятно, если застукают...* (Из устной речи); *У меня приблизительно засечено еще 50% таких слов* [Из устной речи, в лингвистической среде, на заседании, где обсуждается научная статья]; *Я заскочу к ним, пожалуй, завтра* (Из устной речи); *А по-моему, заставить синтаксическую группу составлять вопросник — значит угробить монографию*[61] (Из устной речи в научной среде); *Старший лейтенант протягивал мне камеру со словами: — Не можешь ли ты, друг, щелкнуть нас втроем?* (В. Аксенов, Катапульта, рассказ, 1964).

Среди подобных, постепенно нейтрализующихся в разговорной речи, сниженно-экспрессивных глаголов особое место занимают приставочные словообразования от стилистически нейтральных глаголов типа:

— *Скоро опять этот Петр Петрович заявится* (А. Володин, Твердый характер); *Каждый считает своим долгом читать мне нотации. Все вдруг учителями заделались. Надоело!* (В. Некрасов, В родном городе, 1954); *Я подошлю его к Вам завтра с утра, он все тогда привезет: и пленки и то, что готово* (Из устной речи); *Вы не подъедете к нам сегодня? У нас кое-кто собирается. Молодожены будут* (Из устной речи).

2. Характерен также ряд нейтрализовавшихся в современной разговорной речи просторечных фразеологических сочетаний и синтаксических конструкций, представляющих собой и объективно новые языковые единицы.

Некоторые из них, имея специфическое, узкожаргонное или даже групповое происхождение, очень быстро выходят из широкого употребления и задерживаются лишь в индивидуальной речевой практике как анахронизмы. Так, например, почти бесследно исчезло возникшее в 20-е годы молодежно-вульгарное *на большой палец*, первоначально употреблявшееся за пределами молодежно-рабочего жаргона с отчетливой маркированностью[62], а затем нейтрализованное и популярное вплоть до 40-х годов, о чем говорит его вскоре определившаяся эллиптическая форма *на большой*.

Также ослабела употребительность мещанского фразеологизма *держать (драть) фасон*, синонимичного глаголу *фасонить*, получившего широкое распространение в разговорной речи 20—30-х годов и т. д.

Другие фразеологические сочетания и синтаксические конструкции со сниженной стилистической окраской сохраняются

[60] Этот пример характерен и в том случае, если здесь имеет место «вольный пересказ» речи партийного руководителя, обусловленный специфическим восприятием молодого рабочего, и в том случае, если это точная передача адресованной речи первого.

[61] Проникновение подобных глаголов в литературную разговорную речь возможно и в конситуации, при которой разговорная речь граничит с официально-деловой: *Если многие ученые захотели ввязаться в эту дискуссию, то этот факт очень показателен* (Из реплики ученого на заседании ОЛЯ АН СССР).

[62] *Выражалель языком моей дочери, дело ваше на большой палец* (левая щека профессора застыла).— *Я переговорил сегодня с кем надо в нашей «alma mater»...* (В. Герасимова, Дальняя родственница, рассказ, 1927).

в разговорной речи как более устойчивые на протяжении всего изучаемого периода:

А на стройке... такая техника! И учиться здесь на кого хочешь можно (П. Журба, Третий штурм, 1964); *... я только беспокоюсь, будет ли тебе с ним возможно поступить учиться на инженера автотранспорта?* (А. Караваева, Знакомый человек, 1947); *Олечка, не ходи на инженера, ходи на доктора, — заговорила Женя, подсовывая Ольге настольное зеркало...* (А. Гайдар. Тимур и его команда); *Ты только подумай,— говорила она,— папа, наверное, получит капитана. Его аттестовали на майора, но он говорит, что получит капитана* (Б. Балтер, Трое из одного города, 1961); *Слушайте, кончайте крутить девчонке голову!* (И. Голосовский, Хочу верить); *Да кончай ты трещать, голова уже болит. И так все ясно* (Из устной речи); *Ему, говорят, строгача влепили?* (Из устной речи); *Все в общем обошлось лучше, чем я думал. Выговор только влепили* (Из устной речи).

Третьи несомненно являются принадлежностью одного-двух последних десятилетий:

Где ты пропадал? Не спала ночь, прозвонила все телефоны.. Ты знаешь, что я подумала? Знаешь или нет? (Ю. Бондарев, Двое); *Я все телефоны обзвонила, пока дозвонилась...* (Из устной речи).

3. Широко вошли в литературную разговорную речь те просторечно-жаргонные слова, которые связаны с (формально выраженным по-разному) экспрессивно-оценочным содержанием. Их историческая судьба складывается индивидуально. Вот пример. Одно слово, возникнув под непосредственным влиянием какой-либо характерной черты для общественной жизни определенного отрезка времени, активизируется в качестве маркированного члена нейтрального литературного контекста разговорной речи — до тех пор, пока еще ярки его генетические приметы. Так, произошло со словом *мировой* в значении 'очень хороший', 'великолепный' и т. д., которое в 20-е годы употреблялось в основном комсомольской молодежью [63], причем употреблялось с очевидным вызовом прежнему «общественному вкусу». Затем это слово вошло в более широкую социально-речевую сферу и здесь нейтрализовалось, не задев при этом только, может быть, речи наиболее старого поколения носителей литературного языка. В настоящее время оно, утратив характер исторически и социально-обусловленной инновации, функционирует в обиходно-разговорной речи достаточно равномерно (с точки зрения распределения по социально-возрастным группам), но вяло [64]. Ему на смену в аналогичной начальной роли приходят другие оценочные слова (*ценный, колоссальный, сильный* и т. д.), подчеркивающие сравнительную экспрессивную стертость и обыденность «старшего собрата».

Ср.: *Меня у Агеши мировым пирогом угостили* (Е. Шереметьева, Весны гонцы) [речь молодого актера]; *Это мировая книжка, про все это читать интересно* [про путешествие.— *Т. В.*), а *про колхоз надоело* (Из устной речи) [шофер, средних лет]; *Она мне такие мировые шпаргалки дала, там, значит, по периодам и не очень мелко* (Из устной речи) [женщина средних лет, поступающая в заочный институт].

Как новый член синонимического ряда при слове «хороший» выступают и следующие определения:

А машина-то? Подходящая. У Керенского отбили. На ней он и удирал. Теперь меня возят... (С. Марвич. Семья); *Погодка нормальная. Для грибов очень даже хорошо* (Из устной речи); *Учится он прилично все-таки, а дома все-все делает... парень правильный вообще-то...* (Из устной речи).

Разнообразны новые оценочные значения наречных конструкций и слов обиходной речи, легко вступающие в нейтральные контексты при самых разнообразных конситуациях:

— А Витя как на это смотрит? — Как смотрит? Нормально смотрит... Помогает.— А если бы ему не понравилось?.. (И. Зверев, Трест имени Мопассана); *— Жарко? — Нормально, отвечаю я.— Не ври, жарко. И нечем дышать* (Ю. Пиляр, Люди остаются людьми, 1964); *Корягин встретил его радушно и тотчас пригласил попить чайку.— Что так сходу, товарищ Корягин?* (И. Сизов, Трудные годы, 1962); *Он чувства юмора лишен начисто* (А. Беляев, Капитан Усачев, 1963); *— Это мы сделаем запросто* (Из устной речи).

Характерны для рассматриваемых явлений и именные конструкции типа:... *редактору нас с заскоком* (Н. Сизов, Трудные годы); *Так она была нормальным человеком, а теперь такая стала — с приветом* (Из устной речи).

Интересны случаи синтаксической «универсальности» нового семантического наполнения слова в разговорных контекстах:

— Ох, Ванечка, боюсь... Как он у вас, ничего? — спросила Настя.— Ничего,— неопределенно ответил Ваня.— К нему приспособиться надо (А. Володин, Подруги); *Ты говоришь, ничего парень Михеев? — спросил Константин.— Ты это серьезно считаешь, Геня?* (Ю. Бондарев, Двое); *«Ничего». — это была высокая похвала для понимающего человека. Надо учесть, что о самом космическом полете они* (монтажники-высотники.— *Т. В.*) *сказали: А ничего слетал Гагарин!* (И. Зверев, Трест имени Мопассана).

Универсальны в этом смысле и другие просторечно-жаргонные оценочные слова и конструкции, которыми характеризуется не только предмет или действие (Картина — *сила!* [*блеск!*]; Погуля-

[63] См. об этом: А. М. Селищев. Указ. соч.

[64] Наречная его форма почти совсем сошла на нет.

ли — *сила*! [*блеск*!]), но и ситуация в общем: *Что касается моды, — здесь все на уровне* (Из частного письма, «Моск. комсомолец», 9 апр. 1964 г.); — *Как дела? — Порядок. Пятерку получил* (Из устной речи).

Заслуживает внимания также то обстоятельство, что в качестве элементов, ассимилирующихся в нейтральной разговорной среде наиболее прочно, из просторечно-жаргонной сферы иногда приходит целиком словообразовательное гнездо, члены которого оказываются одинаково употребительными:

— *В войну немцы сбросили сюда бочки с солидолом...— Я слышал,— сказал Степка,— да трепло это. — Нет, не трепло, я сам это видел* (А. Кузнецов, У себя дома); *Ну сколько можно трепаться? Пора, наконец, работать* (Из устной речи); *Если слушать всю эту трепотню — вообще ничего есть не захочешь* (Из устной речи) [разговор о пользе и вреде различных продуктов]; *Не знаю, что делать. Такая морока с этой верстной. Знать бы вчера, можно было позвонить в издательство и спросить* (Из устной речи); *...морочливая эта работа — быть председателем* (А. Кузнецов У себя дома); *Да не стоит с ними морочиться, очень уж мелкие...* [о грибах] (Из устной речи). Ср.: *не морочь мне голову* и т. д.

Названными явлениями, конечно, не исчерпывается круг тех просторечно-жаргонных, стилистически сниженных языковых фактов, которые, проникая в нейтральную разговорную среду, способствуют формированию обиходно-разговорной речи. Но по ним можно судить и о характере остальных.

Нейтрализация стилистически контрастных единиц в пределах одного высказывания как следствие столкновения книжной и просторечно-жаргонной стихии в современной разговорной речи

Значительное расширение стилистических границ современной литературной разговорной речи, которое привело к возникновению в качестве ее особого уровня обиходной речи, с одной стороны, и к перераспределению маркированных и нейтральных членов в книжной речевой сфере — с другой, осуществляется, как это уже было сказано, взаимодействием двух процессов, имеющих, несмотря на внутреннюю противоположность, точки непосредственного соприкосновения. Диффузные свойства некоторых связанных с этим явлений частично выразились в характере профессионализмов, нейтрализуемых разговорной средой.

Принципиально сходные с ними качества получают и другие элементы современной разговорной речи, например упоминаемые выше слова и словосочетания оценочного содержания. Такие из них, как *предельно*, *на пределе* (до предела) (ср.: «Я устала предельно»; и «Последнюю неделю я уже работала на пределе»; «Она глупа до предела, на пределе»), *на уровне* и др.,— представляют собой контаминацию жаргонно-книжного употребления, оказывающуюся вообще показательной для большей части разговорных инноваций [65].

Взаимопроникновение высоких и низких слоев языкового стиля, «пропущенных» через единую функциональную речевую среду, дает наглядную картину типичных для современной разговорной речи острых стилистических стыков, выравнивающихся и нейтрализующихся общими свойствами разговорного контекста.

Эти стилистические стыки конкретно реализуются следующим образом:

1. Соединением находящихся в непосредственном соседстве, грамматически согласованных и образующих смысловое единство слов, но стилистически противоположных — в пределах словосочетания:

Да я же Сереже сколько раз говорил, что это абсолютно дохлое дело. Десятку во всяком случае платить не стоило (Из устной речи); *...Он ... вовсе дистанции пролез, и дышать невозможно от сладких его речей...* (И. Катаев, Молоко); *Яшка Кипарисов сейчас держится прилично. А еще недавно фамильярничал на том основании, что мы с ним когда-то гоняли голубей. Мало ли кто с кем чего гонял!* (М. Кольцов, Иван Вадимович — человек на уровне); *Косецкий долго распространялся о том, что он хороший физик и что он будет вести практические занятия.— Это хорошо! — воскликнул в восторге японец.— А то у нас физических пособий до черта. Вон целый шкап стоит* (Г. Белых и Л. Пантелеев, Республика ШКИД);— *Вот видите, как они вас здорово дезинформировали! Мы не собирались выходить такой маленькой группой* [руководитель предполагаемого туристского похода — родителям об учениках] (Из устной речи); — *Я оркестр не для танцулек хочу организовать, — упрямо сказал... Юсалов.— Агитировать стану.— Балалайками? — Кто чем горазд* (В. Авдеев, Интернационал, рассказ); *Дело в том, что нечего было разводить сенсацию (она так и сказала — «разводить сенсацию»,— что это вам, Америка?..* (Ю. Домбровский, Хранитель древностей, роман).

Стилистическая противоположность такого рода может осуществляться не только лексическими показателями: *Вот сахара*

---

[65] Эту стилистическую характерность современной разговорной речи очень точно отметил Ю. Тынянов: «Это (о стиховой речи Хлебникова.— *Т. В.*) — интимная речь современного человека, как бы подслушанная со стороны, во всей ее внезапности, в смешении высокого строя и домашних подробностей; в отрывистой точности, данной нашему языку наукой XIX и XX веков, в инфантилизме городского жителя («Проблема стихотворного языка». М., 1965, стр. 295).

р у о т п у с т и т ь на вареники![66]— *приказываю я* (Г. Баклан
нов, Пядь земли). Причем противоречие здесь возможно и м
между стилистической принадлежностью и грамматической фор
мой одного слова: *Дядя Прокоп! Может, меня еще с кем пошлешь.
Я о п ы т у у ж е н а б р а л с я!* (В. Дудинцев, На своем
месте), или между всей конструкцией и формой одного из входя
щих в нее слов: *Она к а к о г о г о д у р о ж д е н и я?* [Речь
прораба на стройке].

2. Тот же случай, осложненный разрушением (иногда возмож
ного только потенциально) фразеологического сочетания:

Соколиков г о в о р и л т у т сейчас... п о л и т б е с е д у...
(И. Макаров, Жар-птица)[67]; *...обошлось. Хотел завлет в ы г о в о р
в к а т и т ь приказом, да забыл, должно быть* (Ю. Крымов,
Подвиг); *И вдруг открывается дверь. И голос комбата врывается
в темень.— К т о т а м п е с с и м и з м р а з в о д и т?* (Б. Окуджава,
Будь здоров, школяр); *Он задается. Считаться с ячейкой перестал,
р а з в о д и т о п п о з и ц и ю, н а в о д и т к р и т и к у*[68]
(О. Брик, Непопутчица); *— Чего это вы замерли? — удивился
Снарский.— Что это вдруг? Ну ка, в ы к л а д ы в а й т е д о
с т и ж е н и я!* (В. Дудинцев, Избушка Снарского); *— Я вас
прошу поставить книги обратно.— В п р и н ц и п п о ш л и!
Ну, поставим, дело небольшое* (А. Гладков и Н. Оттен, Кино-
сценарий Бумажные цветы).

3. Сталкивание языковых средств разной стилистической при
надлежности (при прямой их взаимозависимости) в пределах
предложения: *Это не я технику в н е д р я т ь придумала...
сколько с ней, этой техникой, забот! Наплачешься* (Ф. Пудалов,
Хлопот полон рот); *Знать все знают, а о п ы т р а с п р о с т р а
н я т ь не хотят* (Н. Сизов. Трудные годы); *Как я летел, я уже
не помню... п о ш е л н а п о с а д к у, з а ш и л с я, не рас
считал приземления* (Ю. Крымов, Подвиг); *...р у к о в о д с т
в у я с ь одними п р е д л о ж е н и я м и, и н т у и ц и е й, мы
з а з д о р о в о ж и в е ш ь можем и честных людей у к а т а т ь
сколько угодно. Вы поинтересуйтесь, я вас уверяю...* (Г. Бакла-
нов, Пядь земли).

4. Стыки стилистических противоположностей могут, наконец,
характеризовать и высказывание в целом:

*Кто вам это поручал? Никто. Г р о б и т е в е д у щ и х
р а б о т н и к о в района. И опять мы не в курсе* (Н. Сизов,
Трудные годы); *Она должна в о й т и в к о н т а к т с Ивано-
вой, и они вместе поедут. У меня это уже з а с е ч е н о. На
п я т н и ц у или с у б б о т у* (Из устной речи); *Ее уж давно лечат; зале-
чили совсем. И р е н т г е н о т е р а п и ю п р и м е н я л и.
Ей в р о д е х у ж е стало...* (Из устной речи); *За мою же доброту
и меня... о б л а я л а. Он же тебе выписал эту премию. За р а ц
п р е д л о ж е н и е* (И. Зверев, Горький привкус); *Эх, Митя!..
Вот что самое х р е н о в о е, я тебе скажу. Вишь, как она тебя
с а г и т и р о в а л а!.. Ты меня слушай, ты других не слушай...*
(Г. Владимов, Капитаны); *Теперь никто со мной не пожелает
иметь дело. Нет теперь этого Рябошапки. Н и з в е р г л и,
затоптали. И каждый может л я г н у т ь его... Рябошапко
махнул рукой и горько вздохнул* (А. Беляев, «Капитан Усачев»);
*Я нарочно даю т р и в и а л ь н ы е п р и м е р ы, которые
с х о д у будут понятны* (Из устной речи) [Разговор о подборе
материала к статье]; *Это вчера было. Мы встретились специально.
Ну, с о о б р а з и л и тут... Иван был. А они-то ведь сегодня
только п р и б ы л и* (Из устной речи); *И сегодня надо было идти.
Воскресник, п о у б о р к е т е р р и т о р и и... он п е р е
о б у л с я и побежал...* (Из устной речи); *А. Кухаренко, в с у щ
н о с т и, прав! Если пшеница суходольная, пусть выдерживает
жару без всякого б а л о в с т в а* (В. Федорович, Неопалимая)
[речь агронома]; *Подумаешь,— говорил он,— прогулял один
только день, и сразу все н а м е н я о п о л ч и л и с ь... Тем бо
лее, я н о р м ы н а п е р е д выдаю* («Моск. комсомолец»,
9 апр. 1964 г.).

Особенно показателен с этой точки зрения пример немаркированного соединения крайних членов одного синонимического ряда:

*П и т а н и е мое состояло из хороших продуктов. К у ш а л а
с аппетитом* («Правда», 26 июня 1963 г. [из рассказа космонавта].

Стилистически нейтрализуются не только общее соотношение «высокое-низкое», но и внутрифункциональные различия, например канцелярско-деловое и приподнято-торжественное:

*— Так, девочки,— сказал он сбежавшимся дояркам,— с а м о т е к а довольно. С т а в и м ф е р м у на с т р о г и й у ч е т.
Вот эти бутылки — о т н ы н е вы будете их наполнять, то
есть брать пробы* (А. Кузнецов, У себя дома); *...вот так, Петр
Сергеевич, то ты с о р е в н о в а н и я з а ч и н а е ш ь, то
с пьянчугой возишься, то в райком спешишь...* («Сов. Россия»,
26 марта 1965 г.).

* * *

Помимо указанных в данном разделе общих процессов, связанных с взаимодействием языковых средств разной стилистической принадлежности, в современной разговорной речи можно наблюдать ряд специальных явлений, сопутствующих названным процессам и определяющим разнообразие форм их проявления

[66] Разговорный вариант формы родительного падежа в словосочетаниях официального характера.

[67] Ср.: *Б ы т ь р о м а н у п р о м е ж д у н а с*... (И. Бунин, При дороге).

[68] *Н а в е с т и к р и т и к у* — укрепившийся впоследствии в коллективном употреблении обновленный фразеологизм.

или непосредственно к ним не относящихся, но также существенных для стилистической специфики современной разговорной речи. Каждое такое явление, будь то: 1) образные средства разговорной речи, 2) особенности разговорного эллиптического словоупотребления, 3) роль отдельных лексических или словообразовательных классов в разговорной речи, например уменьшительных слов [69], 4) окказиональное словообразование и словоупотребление [70] и т. д. — тема отдельного исследования. Ниже мы коснемся вкратце лишь одной особенности, относящейся к сфере образных средств разговорной речи: специального экспрессивно-мотивированного употребления в ней книжных элементов, без чего характеристика основного качественного изменения современной разговорной речи окажется неполной.

III

При указании на экспрессивную роль книжных элементов в разговорной речи необходимо отметить, что вообще всякое специальное, заданное использование языковых фактов — это по преимуществу свойство книжной речи, так как в принципе оно должно покоиться на обдуманном отборе средств выражения, наилучшим образом отвечающих экспрессивным, эстетическим, логическим и другим требованиям говорящих и слушающих (пишущих и читающих) [71].

Автоматизм разговорной речи, т. е. бóльшая роль в разговорном общении готовых, легко воспроизводимых шаблонов (лексико-фразеологических единиц, синтаксических структур, словообразовательных моделей и т. д.), накладывает особый отпечаток на языковой отбор, хотя и не является препятствием для его осуществления.

Если говорить об отборе выразительных средств с точки зрения функционально-стилистической (а именно: об использовании со специальным заданием того или иного языкового факта в качестве принадлежности определенной функционально-стилистической сферы), то суть дела неизбежно будет заключаться в столкновении разностильных явлений, при котором несвойственные данной речевой разновидности явления выступают как стилистически окрашенные.

[69] Ср. такой пример: *Вы не могли бы найти во второпичек? Понимаете, у нас было наклевчек,— говорила Нина, надеясь с помощью уменьшительных суффиксов сладить отказ* («Неделя», 1964, № 20).

[70] Ср. случаи типа: *Это уж такое равобыденное слово! Не стоит о нем и говорить!* (Из устной речи); *... Надоело мне твое рассуждательство* (А. Кузнецов, У себя дома); *А! Отрицатель своего дела!* — воскликнул Ефрем (С. Марвич, Семья и др.

[71] Речь идет именно о разговорной и книжной, а не об устной и письменной речи, так как и устная форма любого книжного стиля (несмотря на «издержки», неминуемые при произнесении и при непосредственном общении говорящего и слушающих) всегда больше «построена», чем разговорная речь, устная или письменная.

Следовательно, для разговорной речи намеренное использование фактов книжной речи есть одно из средств эмоционального и экспрессивного насыщения высказывания [72]. А специфика «намеренности» оборота в условиях речи, по природе своей непреднамеренной, состоит в том, что роль этих экспрессивных средств как правило играют такие особенности, которые можно квалифицировать как штампы «чужеродных» стилей. Это то, что лежит на поверхности стиля, что наиболее употребительно и стандартизовано, то, что отвечает современной речевой «моде», иными словами то, что создает возможность автоматического употребления и восприятия.

В современной разговорной речи широко распространено использование книжных штампов (газетных и канцелярско-деловых главным образом) с иронической заданностью. Причем это свойственно — в большей или меньшей степени — речи людей разных возрастов и разных профессиональных и стилевых группировок. Такая «всеобщность» приема — характерная примета времени, так как она связана с определенной глубиной и известной тонкостью массового освоения книжной речи, позволяющих употреблять элементы последней в выразительных целях.

С точки зрения исторического изменения и развития здесь может быть, как в предыдущих разделах, отмечена лишь смена «репертуара» стандартизованных примет различных стилистических разновидностей книжной речи. Она дает некоторую возможность судить о степени употребительности отдельных слов, сочетаний, конструкций делового, публицистического, научного стилей и о характере общественной оценки элементов, способствующей их экспрессивному использованию в разговорной речи.

Степень и качество экспрессивного задания, которое должен выполнять элемент книжной речи в разговорном контексте, не всегда однородны, хотя основная их направленность — ирония.

1. В некоторых случаях сдвиг от немаркированного употребления книжной речи (с ее контекстной нейтрализацией) к маркированному — незначителен.

Это может быть, во-первых, использование профессионально-служебного официального оборота, но при явном, хотя и легком, шутливом или ироническом оттенке всего высказывания: — *Почему вы вышли в море, когда с двух часов дня были подняты штормовые сигналы? — Я не умею разбираться в сигналах,— сознался я. — Так вот,— сказал смотритель...,— запомните, что каждому человеку надо понимать штормовые сигналы. И на море, и в собственной жизни. Во избежание непоправимых несчастий* (К. Паустовский, Повесть о жизни).

[72] И наоборот, типические особенности разговорной речи аналогично используются в речи книжной. Ср. наблюдения Н. Ю. Шведовой над языком современной печати («Активные процессы в современном русском синтаксисе». М., 1966).

Во-вторых, употребление в шутливом же общем контексте (но как бы привычное, а от этого близкое к нейтрализованному) наиболее ходового книжного слова, конструкции, оборота: *«Научились вы ругать участковых тружеников!»— насмешливо проговорил Ивушкин, намекая на первое время работы Воскобойникова, когда тот стыдился упрекать в чем-нибудь сплавных аборигенов»* (Б. Бедный, Комары); — *Фамилия Щелчков.— Лет? —Семнадцать! — Ишь ты, молодой! Ну, ты-то не коришь? — Ворую, товарищ Самоваров! — Как, как? о! Самокритика молодежи! Ну, молодец!* (Г. Троепольский, Прохор 17-ый — король жестянщиков).

Иногда такое употребление обусловлено не иронической окрашенностью всего высказывания, а ироническим отношением к одному из предметов обсуждения; и поскольку общий контекст здесь нейтральный — подобные случаи могут смыкаться с немаркированным использованием книжных элементов в разговорной речи: *За соседним столиком оживленно спорили о каком-то судебном деле. Парень крикнул: «Прекратите дискуссию. Надоело»* (В. Некрасов. В родном городе); *А я говорю: не надо все время вести эту пропаганду, надо сказать раз навсегда как следует, и вот увидишь,... будет как миленький все делать, что полагается* (Из устной речи).

В-третьих, это ослабление специальной экспрессивной заданности происходит по другой причине: оно связано с неопределенностью, и даже двойственностью, самой оценки говорящим данного способа выражения, который для него может быть близок к нейтральному, так как он отражает характерную манеру его речевого поведения вообще: *А тебе, Михаил, вот что скажу... не марай кодекс, ясно?* (В. Розов, В день свадьбы); *Ивушкин не заставил себя долго просить и только осведомился, по какому поводу состоится выпивка в будний день.— Внеплановое событие приключилось...—туманно объяснил Воскобойников* (Б. Бедный, Комары); — *Откуда так поздно? — спросил я Орлова... Он подмигнул мне лукаво. Тут личный вопрос имеется,— сказал он, не отвечая по существу.— Закрываю карьеру — и домой* (П. Павленко, Идут дожди, рассказ, 1947).

В еще более наглядных примерах стилистического соответствия книжного элемента всему строю высказывания можно наблюдать утрату собственно иронической окраски при сохранении общего экспрессивного задания: — *А чего ж? — печально заметил бухгалтер.— Раз человек был такой шишкой, то ему скучновато в нашей жизни,— и прибавил глубокомысленно — когда грани стираются еще в недостаточной степени. этот кровный дядя или, скажем, вы? Я считаю: — по мере поступательного движения все это вообще отомрет — родная кровь и тому подобное. Будут друзья и товарищи!* (И. Зверев, Трест имени Мопассана).

2. В других случаях экспрессивная заданность в использовании элемента книжной речи проявляется значительно острее, на что указывают контекст и конситуация речи. Характер и направление экспрессии те же: *Кроме шуток, Нина Георгиевна. У меня к вам серьезная просьба. Я человек грубый,— пролетарий. Ничего не знаю, ничего не видел. У вас тут культура, искусство, театры... Займитесь культурно-просветительной работой... — Велярская расхохоталась до слез...—Если бы такие были пролетарии, от коммунизма давно бы ничего не осталось* (О. Брик, Непопутчица); *Вот, значит, и выполним указание масс! — усмехнулся председатель.— Ну-ка, раскрой книги: сколько там свободных денег?* (В. Лукашевич, Перелетовский председатель); *Есть такие типы! ...чуть что — вызывает к себе и начинает лекцию по распространению научных знаний* (Л. Обухова, Доброта); *Мне очень нравится, когда он* (кот.— *Т. В.*) *сидит около голубой миски. Прямо красота, на цветную фотографию просится.— Ну, да, символизировать еще мещанский уют...* (Из устной речи); *Какая жаль, что век автоматики ликвидирует физический труд,—он поставил ведро.— И водичка прелесть. Теперь всыпем порошки* (Е. Шеременьева, Весны гонцы); *Да,—сказала Ира Волчкова—... преувеличить, сколько в его словах серьезности, а сколько шутки. — Звали? — Где ты был? — В Даниловке, сеял панику. Сдали наконец мясо* (А. Кузнецов, У себя дома); *Слушай, используй, свою энергию в мирных целях!* (Из устной речи); *Гляжу — стоит наша «Техника безопасности» в новом комбинезоне, карманы машки белой ниткой прошиты — ровно собралась сниматься на карточку. Сейчас — думаю — начнет проводить среди меня воспитательную работу* (С. Антонов, Первая должность).

3. Примеры предыдущей группы показывают, что на штампах книжной речи легко строятся «остроты». Эту роль часто выполняет и такой прием ввода книжного штампа в разговорное высказывание, который можно охарактеризовать как своеобразную «цитацию», сохраняющую некоторую «отстраняемость» цитируемого оборота от остальных компонентов высказывания [73]:

[73] Заметим вообще, что эта «отстраненность» поддерживается самим характером функционирования того или иного книжного элемента в разговорной среде. По мере его нейтрализации возможность «цитирования» сходит на нет. Ср. восприятие нейтральных сейчас элементов с восприятием их в начале века: *Мама, я, в сущности, здоров, нахожусь только* под наблюдением (А. Блок, Письма к родным); *Сейчас завтра утром*

В случае, если что особенное — сразу по коммунистической тактике. С корнем вырвем разлагающийся элемент! (Г. Белых и Л. Пантелеев, Республика ШКИД); *Конечно, премировали Бачурина: полсотней. Был он, между прочим, партийный, однако — наследие царизма — любил незаметно закладывать вот сюда* (И. Катаев, Бессмертие, рассказ); *В мое время такой спрос кулаком решали. И у вас по существу то же. Чистейший пережиток капитализма* (В. Дудинцев, На своем месте); *Я подошел к Кольцову и назвал себя. Он пожал мою руку своей маленькой, сильной рукой, сказал, улыбаясь, пародируя газетный пышный слог: — На аэродроме участников перелета встречали представители местной прессы!* (Л. Ленч, Мой редактор Кольцов, очерк, 1963); — *У меня скверный характер.— Для разовых встреч характер не имеет значения, а жениться я на вас не собираюсь* (Из устной речи); — *А здесь бывают акулы? — спрашивал я.— Бывают.— Какие? — спрашивал я.— Злобные. Злобные акулы империализма.— Где они? — хохотал я.— Там,— серьезно говорил он и показывал в сторону Турции* (В. Амлинский, Тучи над городом встали); *За углом у магазина толпились женщины.— Поступила в продажу бязь, — голосом продавца сказала Настя* (П. Нилин, Жучка).

Характер подобного цитирования связан не только с шутливой экспрессией, но и со всем диапазоном иронических оттенков выражения: сарказма, обличения и т. д. Например: *Я видела таких: на фронте водку хлестали, а там у них язва желудка открывается. Один погиб смертью храбрых от воспаления легких. В войну!*—*У Риты зябко поежились полные плечи* (Г. Бакланов, Пядь земли);—*Ты чего безобразничаешь!*—*прокричала в щелку горничная. А еще солдат с фронта! Защитник отечества!* (К. Паустовский, Повесть о жизни).

Помимо этих случаев существует «цитация» в ее, так сказать, чистом виде, когда она может и не нести никакой специальной экспрессивной нагрузки, оставаясь, однако, мотивированной. Здесь как бы происходит естественный отбор речевой единицы, представляющей собой наиболее органический синтез плана выражения и плана содержания, разрушать который «переводом» содержания в другую стилистическую сферу говорящий не имеет оснований. Ср.: — *Чего сказываешь, гражданин? В платке я, не слышу.— Умер, говорю, Сталин. Не приходя в сознание* (Ю. Бондарев, Двое); *Ну что же, все, в общем, обошлось. Дали «без занесения»*[74] (Из устной речи); *Она крепко прижала к себе сына и сказала: «Твой папа погиб при исполнении служебных обязанностей». Володька не понял, что значит «погиб» и причем здесь «обязанности». Он спросил: «А когда папа приедет?»* (Ю. Яковлев, Сын летчика).

Наиболее распространенный вид такого «цитирования» — специальное вводное обрамление, подчеркивающее стилистическую «двуслойность» высказывания: *А что, Ефрем Михайлович, слышно там по этой, как говорится, хозяйственной линии?* (С. Марвич, Семья);— *А вдруг упадем? Или еще что случится? — Теперь ничего не случится. Как говорится: аппаратура работает нормально, самочувствие отличное* (Л. Обухова, Доброта); *Ты у нас, как теперь говорят, на переднем крае — физиком будешь* (Из устной речи).

4. Если и дальше прослеживать интенсификацию того экспрессивного задания, которое способен нести книжный элемент, осознанно употребленный в разговорной речи, то еще одним этапом будет непосредственное выполнение им образной роли. Исходной точкой словесного образа становится метафорическое переосмысление книжного слова (фразеологического сочетания, конструкции, оборота)[75].

В этой сфере использования книжного слова разговорной речью, пожалуй, наиболее наглядно отражается та глубокая степень проникновения в речевой опыт большинства членов нашего общества широкого круга элементов газетно-публицистического, делового и научного стилей, о котором мы уже упоминали выше.

Образное использование этих элементов также большей частью ограничивается наиболее употребительными в соответствующих стилях единицами, поскольку их популярность, вслед за упрочением в исконной стилистической среде как правило перерастает ее пределы.

Некоторые отличия от чисто экспрессивной роли книжных элементов здесь заключаются в увеличении удельного веса научной терминологии, являющейся вообще в наше время одним из мощных ресурсов образной речи[76]. Причем надо заметить, что особенно показательной в этом смысле является регулярность образного употребления средств научного словесного обихода в разговорном общении самых широких слоев населения, независимо от их специальности и уровня образования. Разумеется, при этом мы часто имеем дело с отраженным восприятием элементов научной речи через речь газетно-публицистическую. Ср.: *А наш-то Иван тоже на орбиту вышел, квартиру получил, прошлый месяц въехали уже ...* (Из устной речи пожилой, малообразованной женщины).

посылаю тебе посылку «с доставкой на дом» (А. П. Чехов, Письма 1900—1904). См.: Б. С. Шварцкопф. О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией». «Лингвистические проблемы цитации». Варшава (в печати).

[74] Выговор без занесения в личное дело.

[75] См. общую характеристику этих процессов в разделе «Лексика» монографии «Русский язык и советское общество».

[76] См.: Л. А. Капанадзе. Взаимодействие терминологической лексики с общелитературной (нанц. лекс.). М., 1966.

Образное употребление современной разговорной речью книжных элементов реализуется по-разному. Это может быть, например, метафорическое переосмысление слова, не имеющего в исконной среде переносного значения. Ср.: — *Это еще что за пропа. гандист выискался? Здешний? — нехотя ответил Квакин.— Это Тимки Гараева дядя* (А. Гайдар, Тимур и его команда); *Слушайте, прекратите вашу звукозапись!* (О громкой диктовке в рабочем помещении.— *Т. В.*).— *Тут главное в том, как «исполком» работает. Вот в чем вопрос.— Какой исполком?— Вот этот,— широко усмехнувшись, разъяснил собеседник и постучал себя по лбу* (Н. Сизов, Трудные годы); *Проходи, Мотя,— приглашает Варя Мотьку Черненькую,— что стала...—Да мы пойдем сейчас.— У них там профсоюзное собрание на дому! — поддевает Мотька Толстая* (В. Лихоносов, Домохозяйки).

В этой роли очень часто выступает научная терминология (преимущественно заимствованная), ср: *Да уж знаю, насквозь видишь. Рентген!*[77] (Б. Житков, Вата); *Мы живем как в вакууме каком-то. Ничего не знаем, что вокруг происходит* (Из устной речи); *А ты почему так рано? — Знал, что ты здесь,— радиолокация* (Е. Шереметьева, Весны гонцы); *Валя-то наша стала, Менандр Николаевич, а? Магистраль!* (В. Розов, В день свадьбы); ... *моя Рита вас всех обогнала, ...вон она — наш спидометр — года-то показывает, щелкает...* (Там же); *Какая хоть она, твоя Люся... Да как тебе сказать... ростом мне вот так, метр шестьдесят пять, пожалуй... Ну, здесь вот так... и здесь в порядке. В общем параметры подходящие* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

Для некоторых слов и сочетаний (главным образом принадлежащих к общественно-политической лексике) образное употребление представляет собой не окказиональную, а уже «отстоявшуюся» способность к метафоризации, общепринятую и в других речевых разновидностях[78]: *Ах ты, агрессор ты, ух и ловкий!* [Уборщица про кота]; *Мы хотим знать,— громко говорит Витька, — вы, девчонки, поддерживаете нас или нет? Или вы будете как штрейкбрехеры?* (Г. Корнилова, Летний дождь с моря); *История эта, между прочим, очень некрасивая. И их прибрать к рукам, и нам наобещать — захватническая политика* (Из устной речи).

Близким к этому явлению оказывается использование термина или специального слова как образа, усиливающего характеристику действия, качества и т. д. Интенсивность характеристики возникает в результате отбора из соответствующего синонимического ряда крайнего члена, создающего стилистический контраст внутри высказывания: *Мостик-то разобрали! — Неужели мы не форсируем какой-то ручей?* (А. Кузнецов, У себя дома); *Что будем делать, комсорг? Положение в группе аварийное* (Б. Вахрамеев, Когда человек увлечен...); *Ишь, как она тебя сагитировала! Ты других не слушай, ты меня слушай...* (Г. Владимов, Капитаны).

Помимо этого, образ в разговорном высказывании может строиться на использованном по аналогии переносном значении, уже присутствующем в слове, лежащем, например, в основе самой терминологической номинации (не заимствованной): *А ты вообще можешь играть Ларису. Вообще ты какая-то скачкообразная. Последнее время — лирическая. Вроде Сикстинской Мадонны* [речь молодых актеров]; *Оставьте вы эти внутрипартийные ваши дела: «в нашей комнате», «в вашей комнате» — не все ли равно?* (Из устной речи); *Умора! Это у них всегда такая трехступенчатость: она (свекровь) сначала Сеню натравит на нее, Сеня начинает ее (жену) пилить, а потом она уже матери бежит жаловаться... и пошло!* (Из устной речи); ...*председатель сказал в мой адрес: — У тебя с ними, я гляжу, общий рынок.— Вообще-то я стараюсь не пререкаться попусту, но поскольку Иван Степанович ни за что обозвал меня «общим рынком» да еще при посторонних, пришлось высказаться до конца* (С. Антонов «Разорванный рубль»).

Часть вторая

Специальный интерес с лингво-социологической точки зрения представляет собой отражение и оценка стилистических особенностей разговорной речи советской художественной литературой.

I

1. При изучении изменения и развития стилистической системы языка специальный интерес представляют закономерности отражения этих исторических процессов художественной литературой. Характер отражения и использования ею тех или иных стилистических пластов литературного языка, а также внелитературных (жаргонно-просторечных и диалектных) языковых подсистем, зависит как от внутриязыковых, так и от внеязыковых причин. В со-

[77] Конечно, наиболее показательна в этом отношении новая научная терминология. Терминология же, являющаяся достоянием предшествующих эпох развития науки, характерна лишь с точки зрения гораздо более широкой (в социальном плане) возможности ее образно-экспрессивной интерпретации. Ср.: *Наших коров чистить—это перпетуум мобиле,— сказала Люся* (А. Кузнецов, У себя дома). Это касается, конечно, не только научной терминологии, но и любых книжных слов. Ср.: *И председатель там... бирюк, и вы люди бирюки. Это не колхоз, а пародия* (Н. Сизов, Трудные годы).

[78] На некоторых примерах можно наблюдать самый процесс постепенного закрепления за словом определенного, образно-экспрессивного оттенка при соответствующей контекстной ситуации разговорной речи. Ср., например, ироническое употребление слова *деятель*: *Есть такие типы!... У нас на аэродроме тоже один деятель: чуть что выскочит к себе и начинает лекцию...* (Л. Обухова, Доброта); *Мне в общежитии вселят еще сто тебя какого-нибудь деятеля из-под Чухломы, э-эх!* (В. Розов, В день свадьбы).

вокупности тех и других в свою очередь имеют место явления разного порядка.

При исследовании внутриязыковых причин важно, конечно, прежде всего решить вопрос: какие факторы имеют определяющее значение для расстановки стилистических средств языка в художественной литературе и какие — подчиненное: законы развития стилистики самой художественной литературы как словесного искусства или законы развития стилистики языка и речи.

По всей вероятности, решение этого вопроса может оказаться различным в зависимости от субъективной направленности каждого данного исследования, в котором на первое место выходят: 1) оценка выразительных возможностей языка при его использовании в художественном творчестве или 2) способность разных видов и жанров художественной литературы закреплять за определенными языковыми средствами определенное поэтическое (художественное) содержание.

Для наблюдений, имеющих первую цель, наиболее приемлемым будет такой взгляд на язык художественной литературы, при котором «характеристика языка художественной литературы выступает как характеристика каких-то сторон самого литературного языка»[79], и, следовательно, специфика языка поэтического вообще и тем более индивидуально-стилистического своеобразия писателя остается проблемой второстепенной.

При анализе внеязыковых причин, влияющих на закономерности использования стилистических ресурсов языка в художественных целях, следует, очевидно, главное внимание уделять изучению историко-литературных традиций и эволюции художественных и языковых вкусов общества[80]. Однако эти явления могут быть рассмотрены только на фоне общей картины социально-обусловленного и исторически меняющегося соотношения национального языка, литературного языка и языка художественной литературы.

Таким образом, для каждой эпохи образуется своя иерархия во взаимосвязи и взаимозависимости внутриязыковых и внеязыковых факторов, создающих способы применения художественной литературой разностильных речевых пластов.

Наиболее показательным, естественно, оказывается изменение взаимосвязи этих факторов в периоды резких социально-исторических и культурно-исторических сдвигов в жизни общества. Так, например, если для объема и состава языковых средств русской художественной литературы конца XVIII — начала XIX в. главенствующую роль играли такие процессы, как становление норм литературного языка и формирование реалистического направления в литературе, то для нашей эпохи решающими факторами с этой точки зрения явилось изменение: 1) характера и задач самого словесно-художественного творчества и 2) восприятия и оценки обществом стилевых дифференциаций национального языка. Следовательно, говоря об особенностях их использования в советской художественной литературе, мы опираемся главным образом на в н е ш н и е по отношению к самой системе языка причины, обусловившие специфику в н у т р е н н и х перемещений в ее стилистических категориях.

2. Что дают нам наблюдения над использованием и оценкой стилистических возможностей современного русского языка современной художественной литературой, если на последнюю мы смотрим не только как на обычный, в ряду других, письменный источник, а и как на специальное языковое свидетельство? Дополнительную, но в то же время очень существенную характеристику стилевых соотношений, так как именно факт особого их восприятия делает реальным употребление той или иной стилистической категории в качестве выразительного средства для определенных художественных целей.

Поскольку в настоящее время идет речь о соотношении, месте и роли ф у н к ц и о н а л ь н ы х стилей в словесной системе художественных произведений, с неизбежностью встает вопрос об обязательном осложнении коммуникативной разновидности, присущей каждому функциональному стилю[81], эстетическим заданием художественного текста. По-видимому, как раз в этом сочетании и заложен тот принцип языковых характеристик, который, не противореча достоверности, ведет к отбору наиболее очевидных явлений и тем самым подтверждает правильность данных устной и письменной речи нехудожественных жанров.

Отбор этот заключается не только в более или менее точном воспроизведении особенностей данного функционального стиля, но и в «количественном» его использовании (по сравнению с другими стилями) художественной литературой[82].

Так, например, большая роль в системе выразительных языковых средств советской художественной литературы, принадлежащая разговорной речи, несомненно является отражением ее действительного места в стилистической системе современного русского языка, ее экспансии в другие функциональные стили, сопровождающейся расширением стилевых границ самой разговорной речи.

В то же время было бы, очевидно, принципиально неверным говорить вообще о какой-то раз навсегда данной, постоянной функции любого «нехудожественного» стиля в составе языка худо-

[79] В. Д. Л е в и н. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX века, М., 1964, стр. 8.

[80] Т. е. то, что называют «социальной психологией языка» (Г. О. В и н о к у р, Понятие поэтического языка. «Избр. работы по русскому языку». М., 1959, стр. 389).

[81] Ср. схема Р. Якобсона, Л. Долежела и др.

[82] Чешский языковед J. Chloupek на материале языка художественной литературы показывает, как чешская обиходно-разговорная речь (obecna čeština) становится общенародным речевым средством («K dnešní jazykové situaci a jazyku uměleckych děl». — «Problemy marxistické jazykovedy». Praha, 1962).

жественного. Отношение к эстетическому потенциалу каждой функционально-языковой разновидности, как это можно легко себе представить, переменно и зависит от многих причин. С одной стороны — от индивидуальных стилевых склонностей автора художественного произведения, от стилистической системы литературного направления, от тематико-композиционных особенностей жанра и т. д. С другой стороны — от места, роли и состояния данного функционального стиля в системе литературного языка определенной эпохи, от степени его обособленности или, наоборот, слитности с другими функциональными стилями, от исторически сложившейся традиции употребления его элементов в художественной речи.

И в том и в другом случае решающее значение имеет совокупность социально-обусловленных факторов, которая проявляется прежде всего через соотнесенность речевого опыта автора художественного произведения как художника, связанного своим творчеством с какой-то общей, уже отстоявшейся системой литературного выражения — во-первых, и как носителя литературного языка своего времени, принадлежащего к конкретной общественной группировке — во-вторых.

3. Прослеживая судьбу разговорной речи в ее оценке современной художественной литературой, нужно определить тот композиционно-стилистический круг языковых фактов, который связан с необходимостью «фронтального» воспроизведения особенностей данной функциональной разновидности[83].

Если говорить о языке прозы[84], то это прежде всего прямая речь персонажей, а затем повествование в формах сказа[85] и несобственно-прямой речи в том случае, когда они стилизованы в соответствующем направлении. Здесь для нас важна социальная, профессиональная, возрастная и т. д. характеристика говорящего, которому передает слово автор. Само же авторское повествование, выдержанное в стиле, близком к разговорному, с этой точки зрения не может быть объектом изучения, потому что прием «репродукции» в нем отсутствует.

[83] Исследователи, отмечая три приема подачи информации автором художественного произведения (реферативный, репродуктивный и комментирующий), говорят об одном из типов репродуктивного приема как о «воспроизведении реального образца, при котором автор в отношении языка преследует цель создать впечатление живой, повседневной речи» и «исходит из действительности и стремится к иллюзии сходства с ней» (К. К о ж е в н и к о в а. К вопросу художественного воспроизведения высказываний повседневной устной речи в литературном произведении. «Československá rusistika»; X, 1965, стр. 75).

[84] В работе использован и собран материал только по прозаическим произведениям советской художественной литературы.

[85] Поскольку сказ — это «своеобразная, комбинированная стилевая форма художественной литературы», которая имеет свои соответствия в стилистической системе «общей», «произносимой» речи и «понимание которой осуществляется на фоне сходных... образований, бытующих в общественной практике речевых взаимодействий» (В. В. В и н о г р а д о в. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, стр. 17).

Нельзя также забывать об индивидуально-авторских (или свойственных определенному направлению, определенной художнической ориентации) особенностях литературного произведения, позволяющих или не позволяющих смотреть на данную в нем репродукцию разговорной речи как на слепок реальной повседневной речи[86].

В этом смысле ряд произведений советской художественной прозы лишен функционально-речевой информации, так как содержит условную, связанную с экзотической, орнаментальной системой словесно-образных средств, прямую речь, которая может быть воспринята только как дань той или иной художественной манере. Так, например, обстоит дело с большей частью стилизованной прозы «орнаменталистов» 20-х годов.

Поэтому приходится принимать во внимание известную неравномерность сопоставляемого по разным историческим периодам материала, что удерживает от преждевременных обобщений и дает право лишь на отдельные характеристики, впрочем, наиболее типические[87].

II

Первые годы послереволюционной эпохи (20-е—начало 30-х гг.), как известно, характеризуются значительными перемещениями в составе носителей литературного языка. Сферы его действия расширяются, охватывая тот круг населения, основным средством речевого общения которого раньше было просторечие (взаимодействующее с жаргонными и диалектными элементами).

Естественно, что это прежде всего отразилось на качестве повседневной разговорной речи, где нормативно-литературные границы и границы нелитературные приняли чрезвычайно зыбкие и неопределенные очертания. Причем литературный пласт разговорной речи оказался в значительной степени поглощенным просторечной стихией.

Художественная проза этого периода, имеющая реалистическую направленность[88] и посвященная современной тематике, отражает картину нормативно-стилистических сдвигов в разговорной

[86] Не говоря уже о том, что в «художественных конструкциях ... бытующие формы устной речи (которые вливаются в устную речь и сами включают в себя ее элементы) резко преобразуются» (Там же), и это бывает всегда.

[87] Точности ради следует упомянуть и о том, что в настоящих условиях целесообразно обращаться только к той литературе, которая описывает современные ей события.

[88] Обобщенные характеристики народной речи в произведениях, проникнутых революционно-романтическим пафосом («Я хочу показать одного, чтобы в нем говорили тысячи».— А. Безыменский), не дают представления о ее действительных качествах из-за отсутствия бытовых, «камерных» ситуаций и индивидуальных образов. Ср. романы А. Серафимовича, А. Малышкина, А. Веселого и т. п. Отчасти то же самое и в некоторых произведениях Б. Пильняка, Ю. Олеши, И. Бабеля, с их условно-гротескной стилистикой.

речи достаточно широко, но большей частью в общих чертах[88]. Внимание писателей привлекают здесь главным образом явления, как бы лежащие на поверхности тех сложных процессов, которые привели к взаимопроникновению стилистических категорий, скрестившихся в пределах общенациональной разговорной речи нового качества. Но такое отношение к языковым фактам имеет свою положительную сторону, так как позволяет проследить разное восприятие одного и того же круга наиболее заметных инноваций разными же членами единого языкового коллектива.

Две отличительные черты[90] разговорной речи того времени отчетливо вырисовываются в изображении ее прозой 20—30-х годов.

1. С одной стороны — сохраняющаяся еще с дореволюционного времени коллизия между разговорно-речевым опытом старого поколения носителей литературного языка и неприятием этого опыта как новой интеллигенцией, так и более широкими кругами населения, постепенно приобщающегося к культуре.

В этом смысле характерно, во-первых, сталкивание полярных видов «речевого сознания» в диалоге, выражающееся в разной оценке или просто в непонимании (а за этим, конечно, кроется и разное отношение к реалиям) слов, употребляемых собеседником: *После всего того, что мы для вас сделали, а вы не нашли возможным пойти на наши условия, претендовать вам абсолютно не на что...,— сказала Ирина Владимировна.— Мне не претендовать! Мне не претендовать! — повторяла, плача, девушка.— Мне нужно моего Лешку спать класть!* (В. Герасимова, Дальняя родственница, 1927); *— Подумай прежде,— не раз говорила ей Виктория Генриховна, когда дверь закрывалась за Петром. — Это человек не нашего круга.— Теперь нет кругов,— раздраженно отвечала Люся, не понимая, как можно быть такой несовременной* (Л. Вайсенберг, Хозяйка, 1937).

Во-вторых, преимущественное изображение речи дореволюционной интеллигенции в нарочито-изысканной (так сказать, с «гипертрофией вежливости») или восторженно-возвышенной манере, долженствующей подчеркивать ее отличие от демократического характера речи более молодого поколения: *Мне кажется, что ваши шутки несколько неуместны,— сказал он громко.— Впрочем, каждый забавляется, как может... Но, пожалуйста, избавьте меня от них. Я достаточно технически грамотен. Я нахожу ваше обращение с дорогим импортным оборудованием по меньшей мере... рискованным. Мне бы, извиняюсь, не хотелось употреблять другого прилагательного, хотя оно сейчас чрезвычайно в моде* (В. Катаев, Время, вперед! 1936) [речь старого «спеца»]; *А! Как же, как же. Очень хорошо знаю. Мой ученик. Сердечно рад. Понимаю. Прошу вас, так сказать, в мой кабинет. Как видите — тут и кабинет, тут и столовая... так что прошу прощения* (Там же) [речь старого профессора]; *Оставьте его, друзья, — сказал Ефрем,— у юноши неудержимое желание потереть свою шинель о столы бланкистов. Видите, она у него блестит от этих столов. Жажда ночных бдений, именуемых дежурствами. Я его не виню, но кто хоть раз расстилал там свою шинель... Ну, идемте...*(С. Марвич, Семья, 1935).

В-третьих, сохранение в неприкосновенности старых традиций изображения мещанского просторечия и вообще речи (без учета происходящих в ней изменений) «низших слоев населения»: *Что говорить: артист натуральный, форменно француз, и выходка есть, не надо лучше* (Б. Житков, Удав, 1930); *Так что извольте доложить, вашескородие. Как они, значит, сперва на них замахнулися, тут они все, значит... сгрудились вокруг них...* (Л. Соболев, Капитальный ремонт, 1932).

В-четвертых, непосредственная оценка стилистической нормы в ее социальном осмыслении:— *Вы видели «Турандот»?— Не правда ли, гениально?— Все говорят, что гениально,— сказала Машенька с огорчением,— а мне не понравилось, что актеры переодеваются на сцене. По-моему, это как шарады. Потом принц говорит «пока». Раз он принц, он должен и думать по-своему, а то какой же тогда он принц?* (В. Каверин, Исполнение желаний, 1928) [91].

Резкая дифференциация в восприятии новых социально-эстетических и вследствие этого словесно-стилистических норм разговорного общения очень хорошо прослеживается также на примерах таких его устойчивых «ситуативных шаблонов», как приветствие, извинение, обращение и т. п. Разберем только один характерный пример: отношение к новому виду названия человека в коллективе, чаще всего реализующегося в обращении (*товарищ, гражданин*):

а) Употребление этого обращения как уже привычного и единственно возможного людьми новой формации, называющими так

[88] Ср. характеристику общего «стилистического состояния литературы того времени: «В современной художественной литературе есть все, кроме «стиля». Она целиком поглощена сейчас проблемой материала. Новый стиль образуется в промежуточных жанрах — в фельетонах, в мемуарах, в юморесках — в жанрах, обращенных к злободневности. Письмо или анекдот сейчас живее и современнее по языку, чем роман. Надписи в кино — место применения языковой изобретательности. Прежнее, созданное усилием XIX века единство литературного языка распалось. У нас опять — многослойность, многостильность: смесь диалектов и жаргонов, политические термины, газетная речь, ораторские штампы, мещанская фразеология и т. д. ... Идет перелицовка всех этих элементов... перелицовка старых речений на новые, в связи с ощущением нового быта... Мы, по-видимому, двигаемся постепенно к выработке нового «среднего стиля», который и станет стилем наших новых классиков, если таковые будут. А пока идет работа над закреплением языковых форм, гуляющих по улице, разъезжающих в трамвае и мелькающих в домашнем быту (Б. Эйхенбаум. О стиле. «Читатель и писатель», 1928, № 17).

[90] На первый взгляд они могут показаться взаимоисключающими. Но здесь необходимо иметь в виду последовательную замену одной другою.

[91] Ср.: *Доктор в «Дяде Ване» говорит ...Елене Андреевне: «Пожившите у нас еще немного, и я вами страх как увлекусь». Это из рецензии. Передай О. Л-в. Она собирает* (А. П. Чехов, Письма, 1900—1904 г.)

членов своей среды: *Товарищ,— сказал он вдруг вполголоса, наклоняясь,— я хотел извиниться за давешнее, за жену. Она немного того,— он добродушно засмеялся,— она, знаете, нервная, на подпольной работе измоталась* (А. Малышкин, Поезд на юг, 1925); *— А на практической работе какой-нибудь бывать еще не приходилось? — Не приходилось,— ответила Маша.— Ну придется... Да о работе-то не в коридоре же нам дотолковываться,— идем-ка, товарищ, ко мне обратно? — И женщина мягко улыбнулась* (В. Герасимова, Дальняя родственница).

Закрепление этого слова за разговорным обиходом делает возможным его употребление даже по отношению к близким, к членам семьи: *Я не посторонний,— несмело перебил Степан.— Я хожу к т о в а р и щ у Вартанян, своей жене, и дочь тут у меня...* (И. Катаев, В одной комнате, 1937).

По этой же причине оно (несмотря на свой первоначально официальный характер) в определенных словосочетаниях приобретает фамильярно-ласковый оттенок: *Соня рыдала все жалче и отчаянней. — Как ты глупо судишь, Павловская,— сказала соседка Сони,— не все так легко относятся. Не плачь, т о в а р и щ дорогой, еще молодая, не одного родишь... Тебе это просто. Тебе не мне...* (О. Берггольц, Сын, рассказ, 1935); ср. то же со словом *гражданин* в примере, который подчеркивает однолинейность обоих обращений: *А конюх потянулся ко мне и ласково спрашивает: — Вы что сказали, т о в а р и щ? Не слыхать.— А вы выпейте, выпейте, г р а ж д а н и н м и л ы й — говорит старый конюх и наливает в мой стакан* (Б. Житков, Удав) [92].

На этот оттенок могут в свою очередь наслаиваться и другие экспрессивно-эмоциональные нюансы, например шутливо-иронический и пр.: *Чуть-чуть смутилась Светлана. Укоризненно качнула головой и, совсем, как Маруся, прищурив глаза, сказала: — Спрятался и подслушивает. Стыдно, д о р о г о й т о в а р и щ!* (А. Гайдар, Голубая чашка, 1935). В этом примере характерно к тому же и то, что изображается бессознательное подражание ребенка материнской, т. е. семейной, речевой манере.

А став для определенного круга людей, как мы уже сказали выше, наиболее употребительными, эти слова оказались способными вмещать в себя, при соответствующей ситуации, большую эмоциональную силу: *И арбуз лопается пополам... и из него прет рваная, алая, сахарнейшая мякоть, которую — ножом и Женечке.— Г р а ж д а н к а! — и всех нас, словно счастьем, оделяет Григорий Иванович* [обращение к девушке] (А. Малышкин, Поезд на юг).

б) В то же время литература показывает и более сложный и длительный путь «привыкания» к новому характеру разговорного обращения, свойственный, в частности, средним городским слоям, находившимся до какой-то поры в стороне от активного участия в жизни страны: *Антонина воспользовалась суматохой и пошла к двери, но ее окликнули: — Т о в а р и щ! — думая, что зовут не ее, она вышла за дверь, но человек в железных очках нагнал ее и, схватив за руку, повлек в зал.— Что вы? — испуганно спросила она.— Давай, давай, заходи...* (Ю. Герман, Наши знакомые, 1935) [93].

в) И, наконец, отрицательное (явное, а по большей части скрытое) отношение к новому типу обращения со стороны враждебно настроенных к Советской власти людей: *Керенский и генерал Краснов разгромили красных под Петроградом! Вдребезги разгромили! Известно ли это «т о в а р и щ у»? — кричал он, насмешливо произнося слово «т о в а р и щ» и хитро подмигивая своим* (В. Билль-Белоцерковский, Октябрь в Москве, 1924) [94]; *Трубачевский подошел к столику, за которым сидела Варенька и Неворожин. Оба не сразу узнали его и некоторое время смотрели внимательными, вспоминающими глазами. Потом Неворожин с обычным противно-снисходительным видом, не вставая, протянул Трубачевскому руку.— Прошу любить и жаловать, Варвара Николаевна. Т о в а р и щ Трубачевский* (В. Каверин, Исполнение желаний, роман, 1928).

2. С другой стороны художественная проза 20—30-х годов использует не только внешнюю контрастность (т. е. социально-речевое расслоение) и контрастность внутриречевую, стилистическую, которая явилась результатом взаимопроникновения элементов литературной и нелитературной речи, но также соотношения разных стилистических разновидностей собственно литературного языка в сфере разговорного общения.

Что воспринимается здесь как новое?

Прежде всего широкое употребление в разговорной речи людей, занятых общественно-весомой, наиболее актуальной для того времени работой, ходячей официально-деловой и газетно-публицистической лексики и фразеологии. Эта особенность в одних случаях (и их большинство) отражается как простая констатация факта, с общей характерологической целью, но без специального экспрессивного задания: *Читал? Не попадалось? А ты н е п о л а г а й с я н а с а м о т е к, разыщи да купи... Или ты только одну «Академию» скупаешь?* (И. Катаев, Встреча, 1933); *Хорошая, брат, штука эта физкультура. До сих пор я все как-то не успевал. Работы, понимаешь, невпроворот. Академическая, партийная, лекторская.*

[92] Ср. также широко вошедшую в обиход уменьшительную форму: *Что уставилась, в р а ж д а н о ч к а? — спросила девушка* (В. Герасимова, Дальняя родственница).

[93] Речь идет о еще «не нашедшей места в жизни», неуверенной в себе молодой женщине, которой кажется, что она всем чужая.

[94] Здесь это, собственно, отдельный факт общеизвестного употребления раздраженно-издевательского *«товарищи»* в применении к большевикам во время гражданской войны (и какие-то годы спустя, а в эмиграции — очень долго) врагами революции.

Но с осени уже наметил для себя в план заняться зимним спортом и так далее. Совершенно необходимый момент (И. Катаев, Гиена, 1927); *Хорошо... Теперь мы получаем сведения, что Харьков показал триста шесть. Таковы факты. Других фактов нет. Что же следует из этих фактов?* (В. Катаев, Время, вперед!); *Как только он начал говорить, Рябушенко старательно зашикал и закричал: «Тише!» — «Возьму на карандаш»,— заплатишь,— посулил он кому-то и с угрозой показал карандаш* (Ю. Герман. Наши знакомые); *Ну, на радостях поговорили мы о том о сем, и только под конец вспомнил я, что сегодня заседание парткома и мой вопрос на повестке* (Ю. Крымов, Подвиг, 1936); *Он спросил Башкирцева: ты, значит, тоже думаешь, что у меня буржуазный подход?* (И. Эренбург, День второй, 1935).

Показательным является тот факт, что разговорная речь, пропитанная шаблонами делового и газетного стиля, в прозе 20-х годов значительно реже используется для отрицательной характеристики персонажа, чем и в предыдущие и в последующие периоды. Это свидетельствует о закономерности самого явления применительно к данной эпохе, вызывавшей переоценку общественных ценностей. Поэтому в негативной роли встречаются (и главным образом в произведениях конца 20-х годов) только самые откровенные, самые грубые штампы, скомпрометировавшие себя почти одновременно со своим появлением: *Он... был одним из присяжных говорунов на ячейке, выступал по каждому вопросу длинно и сбивчиво, упирая больше на свое пролетарское происхождение — он был воронежский переплетчик: — А вот я так думаю, по-рабочему, по-простому, что все дело тут в меньшевистской отрыжке* (И. Катаев, Жена, 1927); *Он швырнул портфель на кровать, взъерошил волосы и начал гвоздить кулаком непроветренный воздух в комнате.— Товарищ Зотова, мы всегда подходим к делу в лоб, прямо... В ударном порядке... Половое влечение есть реальный факт и естественная потребность... Романтику всякую там давно пора выбросить за борт... Ну вот... Предварительно я все объяснил... Вам все понятно...* (А. Толстой, Гадюка, 1928);— *Имей в виду... Я тут обошел только что весь участок. Гм, гм... Наблюдаются в связи с харьковским рекордом нездоровые настроения. Кое-кто варьвается...* (В. Катаев, Время, вперед!).

И только к концу 20-х — началу 30-х годов относится появление в прозе заостренного изображения бюрократическо-демагогической речи сатирой, которая дала типизацию «носителей» этой замкнутой сферы общения. Здесь трудно не отдать должное заслуге отдельных авторов, так как, например, рассказ-фельетон М. Кольцова «Иван Вадимович, человек на уровне» (1933), композиционно построенный как серия монологов «героя» в разных жизненных ситуациях, представляет собой редкое языковое свидетельство, закрепившее через индивидуально-речевую характеристику очень точные и реальные пропорции разностильных компонентов. Ср.: *Что за скука, что за чушь! можно ли так смазывать вопросы? Какие столовые и каких ударников вы будете премировать этими сервизами, спрашиваю я вас!; Я все-таки удивляюсь: три года вы под моим руководством и совершенно не растете на работе!; Я, Петька, несмотря на тяжелые условия царской школы, был во всех классах первым учеником... Это мне дало культурный багаж для революции и сейчас — для созидательной работы. Надо и тебе учиться покрепче; «Железный поток»? Конечно. Я его еще до революции в гимназии читал. Это одна из тех вещей, на которых я политически воспитывался; Если тебя партия поставила на определенный участок, на литературу, если тебе дают возможность работать без Эркаи, без обследований, без трепки нервов — скажи спасибо, пиши роман!*

А фельетоны И. Ильфа и Е. Петрова содержат обобщенные речевые характеристики бюрократической среды, сохранившие (несмотря на гиперболизацию) реальную языковую специфику тех лет. Ср.: — *Скатывается!* — *грустно шептались отдельные сотрудники «Дедкваса».— Сползает! — испуганно бормотали в группах... Скатывается на рельсы делячества,— говорил старый дедквасовец Выводов.—Сползает в болото оппортунизма!* — *хныкал сотрудник Распопов; Что же, забракуем? — Наоборот. Напечатаем. Отображает актуальнейшие темы. Язык суконноватый, рабочие схематичны, но настроение бодрое. Книга зовет; Заглядываю я вчера в кабинет, а он... сидит в кресле, и глаза у него бегают. Ну, думаю, так и есть. Впал. И, конечно, в разложение; Время не терпит. Пора уже наконец оздоровить* [эстраду.— *Т. В.*]; *А вы как думаете? — с горечью сказала женщина-архивариус.— Его куда-то бросили. Я уцелела только потому, что была в то время беременна и меня нельзя было уволить по кодексу.*

Ср. также речь отрицательных персонажей в «Клопе» и «Бане» Маяковского и др.

Не менее показательно и то, что в прозе 20-х годов в очень небольшом количестве (и только при речевой характеристике отрицательных персонажей) обнаруживаются случаи иронического отношения к употребленному канцелярскому или газетному шаблону самих персонажей (ср.: *А Ирина Владимировна уходит «встряхнуться» в театр.— Мусеночек, голубчик,— ласково говорит она на прощанье Маше,— а ты пока убери-ка эту посуду. У нас ужасный кризис в «кухонном масштабе»* (В. Герасимова, Дальняя родственница);— *Кто говорит? — Инна Георгиевна? — Это вы, Тумин? Куда же вы пропали? Я уже думала, что вы решили радикально бороться с буржуазными соблазнами* (О. Брик, Непопутчица, 1923), тогда как, например, в наше время «игра» канцеляризмами и штампами — одна

из наиболее охотно воспроизводимых в литературе черт современной разговорной речи.

Выше мы приводили примеры главным образом из речи новой интеллигенции и менее образованной, но, так сказать, «находящейся на переднем крае» части советского общества. Здесь деловые и газетные элементы вступали во взаимодействие в основном с литературной разговорной речью. Однако проза 20-х и 30-х годов гораздо шире отражает их проникновение в просторечную сферу разговорного общения. Разумеется, и тут ни в коем случае нельзя говорить о безусловной новизне процесса, так как сочетание жаргонно-просторечной стихии с излишествами (подчас причудливо деформированными) «языка присутствий» издавна являлось отличительной чертой речи средних и низших слоев городского населения [95]. Однако характерным для первых десятилетий послеоктябрьского периода оказывается, во-первых, широкое распространение этого явления в речи (количественно увеличившегося) рабочего класса; во-вторых, новое, современное, «модное», «отвечающее духу времени» лексико-фразеологическое наполнение деловых и газетно-публицистических шаблонов и, в-третьих, увеличение самой социальной роли общественной публичной речи. Все это вместе не могло не усилить экспрессивно-стилистическую значимость столкновения названных особенностей книжной речи с просторечием.

Вот несколько примеров из речи рабочих: — *И зачем это, Костичка, на таком ответственном месте звринец делают? — Как зачем? Для культурного препровождения. Некоторые, чем под бараками в очко играть, пусть лучше зверями интересуются.— Это верно... И для деток интересно, правда, Костичка? — Очень ясно. Наша партия и рабочий класс занимаются детьми тоже в первую очередь...* (В. Катаев, Время, вперед!) — *Так как же, Катюша. Пойти или как? — Куда пойти? — Да ведь меня ждет Лидюшка. Ведь надо же урегулировать этот вопрос! — Иди... А зачем ты мне говорил, что до гроба? — Фу ты. Дак ведь это же было... Я пойду и скажу Лидюшке наотрез. Довольно мотаться* (Н. Никитин, Преступление Кирика Руденко, 1927); — *Они чай пьют, а с «Юпитера» дым идет! — Нехай он сгорит, «Юпитер», тебе жалко?.. Тут мы все встали, и Сережка-Горилла говорит: — Это не дым идет, а провокация* (Б. Житков, Компас, 1930);

из речи других социальных групп городского населения: *Мать... отвечала: — С раннего утра сидит. Не отходит... А уж почему с книжкой, бог его знает. Наверное, тоже хочет выразить отрицание к религии...— Пускай себе сидит, его не осудят, маленький еще...* (И. Катаев, Ленинградское шоссе, 1932);

Подлое, подлое самоуправство! — шептала Капитолина...— Уморил старика и хоть бы подождал, пока гроб стоит в квартире! Гнусный, пошлый, деклассированный элемент!.. (Там же); *Ведь вот ты какой, Я этого так ни за что не оставлю...* (Там же); *Ведь вот ты какой, Митя, хуже смерти человеку причинишь, а и не заметишь. Ступил ему на сердце и пошел дальше по текущим делам* (Л. Леонов, Вор, 1927); — *А зачем ты ему фикус сломал? — Довольно странно мне, Дмитрий Егорыч, видеть такую неосведомленность у коммуниста, хоть и бывшего. Все в том же порядке борьбы с обывательским мещанством! И чудно как-то: храмы божии взрывать можно, а фикус повредить нельзя* (Там же); *Его, оказывается, уплотнили с квартирой, он и кричит — наплевать* (М. Булгаков, Площадь на колесах, Дневник гр-на Полосухина, 1926); *Итак, Марья, жизненные мои ресурсы в общем и целом иссякли* (М. Булгаков, Паршивый тип, рассказ, 1926).

3. Одновременно с названными выше явлениями советская художественная проза 20—30-х годов широко использует результаты противоположной тенденции, также раздвигающей стилистические рамки разговорной речи, но не в сторону книжной, а в сторону жаргонно-просторечной стихии. От употребления нелитературных речевых пластов (диалектов, профессиональных жаргонов, арго, просторечия) русской литературой предшествующих эпох (вторая половина XIX — начало XX в.) рассматриваемые нами случаи отличаются лежащей в их основе общественно-эстетической оценкой этого круга языковых фактов. Преобладает отношение к ним не только как к экзотическому материалу, который годен при изображении соответствующей среды [96], а как и к экспрессивному средству репродукции новых особенностей повседневного разговорного общения, связанных с демократизацией литературной речи и разрушением ее старых норм.

[95] Ср. речь некоторых персонажей Лескова, Чехова, Куприна, И. Шмелева («Человек из ресторана») и т. д.

[96] В этих случаях, при характерной для того времени языковой «сумятице», возможны были, в зависимости от индивидуальной склонности автора, разные крайности: от построенной на «чистом арго» речевой характеристики (ср. роман В. Каверина «Конец хазы», 1926 г.: *... Сенька вчера купил со шкар четыре паутинки. Если можёшь, дядя, пришли мне липку. Сижу под жабами на Олене. Не скажись дома, дядя, брось своих блинкеток, кобай винта до времени. Скажи Барабану, что на прошлой неделе раздербанили без меня; Посыл? — Не посыл, так я бы с тобой говорить не стал!.. Ну, ну. На сдюку, что ли? — Я с тобой на сдюку работал? — А как шевелишь, на сколько дело ворочает? На скирью стекляных будет?—Поднимай выше.—На чихву?... На пинжу? На сколько же, черт побери?. Неужто...*— Барин наклонился к нему через стол:— *На лондру стекленьких!...*) до исключительно экономного и менее «специального» арготического словоупотребления у Л. Леонова (ср.: *Санька свой в доску и верит до гвоздя; да ведь мало чего урки брешут. Не стоит на только «воровское», а скорее как молодежный жаргон со всегда характерной для него не*великий трепет расстраиваться), которые современный читатель уже не воспринимает как значительной примесью «блатных» элементов. При сравнении самой первой редакции романа «Вор» («Красная Новь», 1927) с редакцией 1957 г. оказалось, что несмотря на большие изменения в тексте, жаргонная и арготическая речь занимает прежнее (минимальное) место.

Поэтому отдельными элементами просторечно-жаргонной лек
сики и фразеологии часто характеризуется речь интеллигенци
что подчеркивает общее «снижение» стиля литературно-разгово
ного общения:

*Бросьте ваши идеалистические штучки! Вся эта музыка не
чисто отменена!* (Е. Тагер, Праздник жизни, 1935); — *Андрей
обещаю тебе: ты погибнешь от этой машины.— Не бузи,—
ответил брат,— ты разбудишь Володю* (Ю. Олеша, Зависть, 1927);
Лопайте, Кавалеров,— *пригласил он меня и сам навалился*...
(Там же);— *Я все могу,*—*сказал он,*— *мне ничего не стоит, напри
мер, уронить кирпич на голову какому-нибудь дураку, которы
посмел бы вмешаться в мои дела. У меня везде друзья, а все государ
ства, в сущности говоря, как родные братья похожи друг на дру
га.— Неворожин, не гордитесь, это называется просто блатом,—
сказала Варвара Николаевна.— Ну что ж, и Феррагюс в наше
время ничего бы не сделал без хорошего блата!* (В. Каверин, Ис
полнение желаний);— *Тогда я сейчас же за ней заеду, и через 20 ми
нут мы будем здесь.— С ы п ь!* (О. Брик, Непопутчица).

В этом плане особый интерес представляет изображение наме
ренного (и иногда как бы вынужденного) подражания под влия
нием разных конкретных обстоятельств «речевой моде» теми носи
телями языка, для которых она не органична.

Например, речь профессорской дочки, желающей во что бы
то ни стало казаться «своей в доску» в среде рабочих-комсомоль
цев: *Первое — т ы н е п у з ы р ь с я! — сказала она и примири
тельно улыбнулась.— А второе — вот что: я с завода с м а т и
в а ю с ь,— ребятки, понимаешь, выдвинули на учебу (с выраже
нием тщетного протеста развела она руками).— Иди, мол, поб
куйся*... (В. Герасимова, Дальняя родственница).

Речь директора школы, который стремится найти общий язы
с трудновоспитуемыми учениками: *Вы б у з и л и в классе, следо
вательно, пеняйте на себя!* (Г. Белых, Л. Пантелеев, Республика
ШКИД, 1931).

Просто «кокетничанье» просторечно-вульгарным словоупотреб
лением как средством яркой речевой экспрессии: *Сударыня, я ожи
дал встретить прием внимательный, даже сердечный... и вот о т
ш и т, как п о с л е д н я я с в о л о ч ь*... (В. Каверин, Исполне
ние желаний) и т. п.

С другой стороны, просторечие и жаргон — одно из наиболе
действенных выразительных средств при изображении речи раб
чих и главным образом рабочей молодежи, комсомольцев, уча
щихся.

Причем здесь проза 20-х (и, частично, начала 30-х) годов дае
значительно бо́льшую, по сравнению с применением других стиле
вых пластов и описанием другой среды, концентрацию «снижен
ности», большее «огрубление» разговорного речевого обихода. Это
немаловажное обстоятельство говорит о закономерном (ср. совре

менный «молодежный жаргон») восприятии речи молодого поко
ления как своеобразного центра демократизации языка, средото
чия новой речевой моды [97].

Разговорная речь рабочей и учащейся молодежи в том виде,
в каком она представлена произведениями, для которых упомяну
тое «сгущение красок» характерно в особенной степени, состоит из
сплава мещанско-просторечной, профессионально-жаргонной, ар
готической и диалектной речевых стихий.

Без сомнения, авторы этих произведений ставили себе целью
намеренное и обостренное противопоставление речи изображаемых
ими новых социальных группировок речевому опыту привилеги
рованной части дореволюционного общества. Следует отметить,
что наиболее отчетливо эта тенденция дает себя знать в творчестве
нового литературного поколения. Писатели, пришедшие в лите
ратуру с революцией, или сами являлись членами изображаемого
ими социального коллектива, или, с максимальным сочувствием
относясь к нему, старались органически воспринять его речевые
особенности.

Примешивающаяся иногда к такой оценке доля доброжелатель
ной иронии лишь увеличивает наглядность стилистических пере
мещений, свойственных речи данной среды.

Приведем некоторые примеры.

Речь молодых рабочих: *Ты гляди, во что бы то ни стал сгрузи
парня. Там тебе з а л и в а т ь станут, д е с к а т ь м о с т о в
нет, так ты не д р е ф ь, скажи от Укомола, чтобы без никаких*...
(М. Колосов, Стенгаз, 1927); — *Што ж это вы, ребята, носы
о п у с т и м ш и? — Не знаешь разве? — Знаю, ну и что же?..
Тут помощь нужна, врачи нужны, потому никакой бог над нами
не сжалится*... (М. Колосов, Тринадцать, рассказ, 1927); *Петьку
Длинного перекосило*: — *Ах, с с у ч ь е г о з а в о д а, постой же,
я т е в ы л у щ у с у к о н н у ю х а р ю! Вот, вот тебе, ф а
ш и ц к о е о т р о д ь е!* (Там же); — *Ну, чего у с т а в и л с я?—
спросил кузнец.— Чтой-то, я п р и м е ч а ю, ты дуреть стал —
с ы ч о м с м о т р и ш ь* (М. Колосов, Стенгаз); *А с м о т р и
кось, з а м е с т о сапогов чулки н а ц е п и л и... А художий-то
какой, с к е л е т и н а прямо, значит з л ы д е н ь*... (Там же);
*Чай сколько времени т р е м с я б о к о б о к, почти сроднила
нас фабрика, на воротах вывеску п р и ш п а н д о р и л и «Ком
муна». А ну, давайте хоть раз в ж и с т и н а к о м м у н с к и й*

[97] Характерно, что читатели (и не только прежний, но и новый круг читателей — рабочие, крестьяне) относились к перегрузке художественной литературы просторечием и жаргонами критически: «Употребляя непристойные слова, наши пролетарские писатели хотят только подделаться, подкраситься под пролетарский язык» [Письмо путиловского рабочего, «Читатель и писатель», 1928, № 32]; «Если в период военного коммунизма иногда можно было в романе, повести, рассказе ограничиваться передачей жаргона... то теперь этого уже недостаточно» [Письмо читателя в дискуссии о грамотности и стиле, «Читатель и писатель», 1928 г., № 19].

манер попытаем... (Д. Кочетков, Солонинная коммуна, рассказ, 1927); *Ну, чего фонаря-то из себя строишь. Взялся услужать, так тащи стул и барышню приглашай... Чего зря казенные стулья щупать да людей с обеда сбивать*... (Д. Кочетков, Семенчик, отрывок из незаконченной повести, 1927); *— А не грешно нам жениться сейчас? Знаешь, что за тридцать верст... Ад! Красноармейцы по неделе без хлеба...— Ты не блажи, Алешенька,... женись скорее: к весне-то поди работницу занадобится*... (Г. Шубин, На фронт, рассказ, 1927); *— Что ты, что ты, разве я не знаю? Рожу-то можно умыть, причесать, а духу рабочего не вышибешь.— То-то и оно...* (Г. Шубин. На рабфаке, рассказ, 1927); *И такая буза завязалась, что пригрозил губкомпарт: весь губкомол разгонит. Тут-то я схватился за ум.— «Варя, шабашим волынку!»* (Г. Шубин, Алеша, рассказ, 1927).

Речь учащихся: *Сначала Ваньке порядком от них доставалось: налетят, с ног собьют вместе с лотком и папиросы тырят, да еще в скулу норовят влепить* (Н. Огнев, Дневник Кости Рябцева, 1927); *В «Камушке» помещено собрание «любимых школьных словечек»: шумляга, задрыга, зануда, губа, губошлеп, мерзавец, скотина, идиот, черт, дьявол, свинья, ахмурела, сволочь, сукин сын, прохвост, подлец, храпидол, шкет, плашкет, кабыздох, лупетка, хамлет*... (Там же); *Гамлет шьется с этой Офелией и вроде как в нее втюрился, хотя это не очень ясно* (Там же); *Никлетох в Стаську Велопольскую втрескался!* (Там же) [98].

4. Совершенно очевидно, что отраженные литературой 20–30-х годов два направления во взаимодействии разных стилевых пластов, формирующих характер разговорного общения первых десятилетий послереволюционного периода, не могут существовать каждое в отдельности. Ведь именно в их контекстном столкновении и реализовались новые стилистические качества разговорной речи, получившие впоследствии более четкое внутрифункциональное разграничение. Иными словами: контекстное столкновение (в пределах слова, словосочетания, предложения, высказывания) и есть та стилистически маркированная единица, по наличию которой можно судить об изменении типов стилевой сочетаемости.

Таким образом, при воспроизведении и оценке языкового состава и выразительных средств любого функционального стиля стилистический контраст (стык, столкновение) является своего рода сигналом эстетического осмысления возможностей и границ стиля.

[98] Интересно, что Н. Огнев считал необходимой точную передачу речевых особенностей изображаемой им среды. Он обратился к читателям с просьбой «сообщать факты наблюдения, ходкие выражения и словечки, которые покажутся читателям интересными» («Читатель и писатель», 1927, № 6).

Следовательно, упомянутое выше «сгущение» маркированных элементов просторечно-жаргонного говорения заключается как в количественном их преимуществе, так и в качественном результате их соединения с элементами других стилей. Чем нерасторжимей делается взаимосвязь антагонистических стилевых противоположностей, тем очевидней становится утрата ими тех признаков, которые первоначально обусловливали их антагонизм. Происходит нейтрализация стилистических противопоставлений. Ср.: *Пойми, что Никита — секретарь комсомольской ячейки. До сих пор он трепал языком насчет всякой семейственности и спайки. Теперь пусть-ка попробует хоть пикнуть!* (М. Кольцов, Иван Вадимович — человек на уровне, 1933); *Он мне сказал, чтобы я не шился с ней, потому что она дочь служителя культа и мне, как сыну трудящегося элемента, довольно стыдно обращать на себя всеобщее внимание* (Н. Огнев, Дневник Кости Рябцева); *Еще должен тебе сказать, и передай это московским ребятам или пропечатай в журналах, что многие дают тягу от смычки почем зря*... (М. Кольцов, Цена ржи, рассказ, 1927); *Ей я нравился как рабочий подросток, а мне попросту было лестно кураж иться с такой особой* (Г. Шубин, Алеша); *Идиоты слепые! Разложили клуб! В драматическом кружке одна сволочь собралась. Лизочки всякие. Ну, чего вылупилась? Чего смотришь?* (Ю. Герман, Наши знакомые); *Видишь ли... и из этого целое событие могут сделать. Начнут сейчас же обобщать, потянут назад. Желающие найдутся, не беспокойся. Всю мысль иссобачат* (В. Катаев, Время, вперед!); *Он протянул Семечкину бумажку: — Фактический материал. Бери их за душу. Тряси. Крой* (Там же).

Нет сомнения в том, что: 1) в сознании самого говорящего составные элементы сочетаний «дать тягу от смычки», «трепать языком насчет семейственности и спайки», «шиться с дочерью служителя культа» и т. п. выстраиваются в более ли менее однородный стилистический ряд, 2) что этому способствует перераспределение употребительности данных (и подобных) лексических единиц, в связи с изменившимся тематическим кругом разговорного общения и местом в нем соответствующих реалий, и 3) что именно это хочет подчеркнуть автор, изображающий речевые приметы своего времени [99].

[99] Автором, который перевел подчеркивание таких контекстных столкновений в гротескно-сатирический план и целиком построил на них свою стилистику, был М. Зощенко. Его рассказы и фельетоны, выдержанные в сказовой манере, дают квинтэссенцию стилевых свойств «модернизированного» просторечия как основного средства общения полуобразованного городского люда разных профессий.

Гиперболизация явления проясняет его суть: в действительной разговорной речи, характеризующейся столкновением единиц полярной стилистической принадлежности, сближение последних происходит через посредство обязательно присутствующего в высказ-

III

1. К концу 30-х годов стилистика художественной прозы (как и других видов и жанров словесного искусства) претерпевает знаменательные изменения. И прежде всего это отражается на ее языковом составе. Пестрая и неоднородная картина, какую давала нам проза 20—начала 30-х годов, с характерной для нее широкой эксплуатацией нелитературных речевых пластов, сменяется картиной преимущественного использования ограниченного круга нейтральных средств литературного языка.

Это явление имеет прямую связь с направленной на стандартизацию языковой политикой, при которой наиболее актуальным противопоставлением оказывается «противопоставление: литературность—нелитературность», а «понятие литературности сужается до понятия нейтральности» [100].

Ставка на нейтральный стиль в корне меняет оценку и восприятие авторами художественных произведений разговорной речевой стихии, неотъемлемой принадлежностью которой являются экспрессивно-эмоциональные наслоения, получающие наиболее яркое выражение в стилистически «сниженных» речевых средствах [101].

вывании среднего звена — стилистически нейтрального слоя. Когда автор намеренно редуцирует этот нейтральный слой, пропорции сталкиваемых разностильных элементов смещаются и тем самым обнажается подспудная непримиримость двух стилистических стихий, создающая извечный комический эффект.

Ср. ряд примеров: — *Я отказываюсь кушать масло. Это унижает мое человеческое достоинство. Я смотаю удочки, стибрю кусок сыру — и только меня толстобрюхий управляющий и видел* («Какие у меня были профессии», рассказ, 1933); *Думаю, подкараулю какую-нибудь корову, подою маненько и тем самым подкреплю свои ослабевшие силы* (Там же); *Он насосался вина, начал по улицам ходить, начал затравливать женский элемент...* («Семейное дело», рассказ, 1926); *Любовь в этом смысле завсегда вредно отражается на мировоззрении отдельных граждан* («Смешная историйка», рассказ, 1932); *... там было четыреста курей и до черта баранов. Все это создавало почву для развития сельскохозяйственного дела* («Какие у меня были профессии»);... *и гляжу я на него с гражданской скорбью, и очень меня подмывает спросить, как это он так опростоволосился и на чем конечности потерял...* («Приятная встреча», рассказ, 1933).

[100] См.: М. В. Панов, Указ. соч., стр. 5.

[101] К. Кожевникова считает, что «большинство языковых средств русской повседневной устной речи не противоречит литературной норме» и что «этим частично объясняется довольно традиционный, в отличие от других литератур, способ отражения повседневной устной речи в современной русской литературе», так как «русский автор как бы лишен возможности сигнализовать устный характер речи отклонениями от литературной нормы» (указ. соч.). При всей правоте К. Кожевниковой в указании на отличие соотношений повседневной устной речи и литературного языка в чешском и русском языках, нельзя тем не менее истолковывать ими разницу в приемах художественного восприятия той или иной речевой разновидности. Во-первых, сама норма для русского языка (как и для всякого другого языка) — понятие историческое и, следовательно, меняющееся. Во вторых, главная роль в способах передачи бытовой речи художественным произведением принадлежит внеязыковому фактору, а именно: литературной традиции, также исторически меняющейся и, следовательно, в разные периоды развития советской художественной литературы по-разному организующей типизацию функциональных примет определенной стилистической разновидности речи.

Показательно, однако, то обстоятельство, что несоответствие художественного эталона настоящим свойствам разговорной речи имеет и обратное соотношение. Сглаживая и унифицируя разномастную характерность разговорной речи предшествующего периода, литература конца 30—начала 50-х годов в какой-то мере способствовала (наряду с другими видами массовой коммуникации) упрочению нейтрального стиля в действительном разговорно-речевом обиходе современных ей и отчасти последующих десятилетий.

Таким образом, язык художественной литературы несколько опережает и усиливает наметившуюся тенденцию «окнижения» (в чем конкретно и выразилось сближение с нейтральным стилем) языковых средств разговорной речи. Причем для большей части литературы этого периода характерна позитивная оценка вырабатывающихся речевых стандартов. А это в удвоенной степени приводит к утрате разговорной речью, в ее изображении писателем, достоверных примет реально существующей функциональной специфики.

Авторская речь и речь персонажей нейтрализуются [102]. Тем самым по отношению к литературе этого времени снимается сама проблема особого отражения разговорной речи, потому что оно оказывается идентичным отражению книжной речи. В большинстве случаев реплика персонажа продолжает стилистически нейтральную линию авторского повествования (и наоборот), не разрушающуюся от формального выделения отрезков прямой речи по их внешнему виду [103].

Это заставляет отказаться от специальных характеристик и специальных иллюстраций к приемам изображения разговорной

[102] Мы говорим не о той языковой и стилистической нейтрализации, которая обусловлена сдвигами в композиционной структуре художественного произведения (см.: Л. Долежел. Нейтрализация противопоставлений в языково-стилистической структуре этической прозы. «Проблемы современной филологии». М., 1965), а как раз о ни е мотивированной художественно идентификации основных выразительных средств авторской и неавторской речи.

[103] Ср.: — *Ты не красней, я никому не скажу. А вот что нам надо делать сразу — это ликвидировать «города». Расселим по бригадам—живо забудут, кто откуда. В бригадах — комсомольские группы, по участкам — ячейки. И конференцию поскорее. Да комитет выбрать покрепче, потолковее, чтобы не давал скучать без дела.— Он начал обсуждать, как провести выборы, но тут прискакал Петя Голубенко с последней новостью дня: Бессонов собрал вещи и пошел на пароход* (В. Кетлинская, Мужество, 1938); — *Не спалось ей сегодня, наверное, дорогой москвич?.. Сегодня вряд ли кто спал спокойно.— Почему так? Я, например, спал спокойно и видел довоенные сны. Будто бы в павильоне Севера на выставке ел мороженое с клубникой...— Алексей хотел ответить в тоне возражения, но помимо воли слова о выставке прозвучали грустно...—Я тоже не сомкнула глаз,— сказала Женя, не обращая внимания на попытку Ковшова свести разговор к шутке...* (В. Ажаев, Далеко от Москвы, 1948) и т. п. Отмеченное М. В. Пановым для 30—40-х годов наиболее актуальное противопоставление «литературность — нелитературность» сказывается в этом плане на резком отличии (но также построенном при помощи готового набора стандартизованных примет) речевых характеристик крестьянства от нейтрально-литературных разговорных единиц только что проиллюстрированного типа.

речи, не выходящим за пределы обобщенно-нейтрального типа средств литературного языка, и перейти к особенностям ее воспроизведения в современной художественной прозе.

2. Постепенное расширение круга изображаемых в современной художественной литературе явлений, свойственных живой разговорной речи (по сравнению с 30—40-ми годами), нельзя понимать как обратный процесс, который в конце концов привел к прежнему положению, характерному для 20-х годов. Стилистика разговорной речи в современной художественной прозе строится главным образом не на широком использовании нелитературных (жаргонных, просторечных, диалектных) элементов, в их противопоставлении нормированной литературной речи, а на различных оттенках межстилевых контрастов внутри самой литературной речи.

Внутрилитературные стилистические контрасты, которые объективно всегда присущи любой функциональной речевой разновидности, не могли быть в центре внимания художественной прозы 20-х годов, так как она изображала разговорную речь социальных групп, лишь недавно находившихся в антагонистических отношениях и имеющих разный речевой опыт, и оценивала литературную речевую традицию в целом как отжившую.

Художественная проза следующего периода, воспринимая литературность как стилистическую нейтральность, также не могла показать во всем объеме многообразие экспрессивных средств повседневного общения, основанных на соотношении высоких, нейтральных и сниженных элементов внутри разговорной речевой сферы.

В настоящее время разговорная речь оценивается литературой не только с точки зрения средства для передачи прямой речи персонажей, но и как та речевая разновидность, в русле которой лежат сейчас все наиболее выразительные художественные возможности современной прозы. Преобладание сказа (особенно в произведениях молодого писательского поколения), широкое использование внутреннего монолога и диалога, несобственно прямой речи — форм, почти забытых прозой 30—40-х годов,— раздвигает границы употребления разговорной речи в художественном произведении. Кроме того, стилистика современной прозы преимущественно ориентируется на живую, разговорную речевую стихию и в авторском повествовании, что можно объяснить желанием уйти от застывших канонов нейтрально-литературной языковой среды в призе предшествующего периода.

«Раскованность» стилистических устремлений и свобода в использовании обширного диапазона выразительных средств современной разговорной речи привели к тому, что произведения последнего десятилетия оказались способными отражать ее действительную характерность, специфические свойства ее современного «бытия», заключающиеся прежде всего в разных пропорциях сосуществования внутрилитературных стилистических контрастов [104].

Сравнивая состояние разговорной речи первых послереволюционных лет и современности, легко представить себе достаточно ясную (пусть несколько схематичную) линию, по которой шло смещение литературных и нелитературных пластов разговорной речи. Чистая форма литературного говорения, сохранившаяся лишь в речевом опыте старых (дореволюционных) носителей русского литературного языка, «разбавилась», с одной стороны, литературными же элементами других стилистических разновидностей (деловой и публицистической) и, с другой стороны, определенной частью нелитературных элементов (просторечного происхождения — в большей степени; профессионально-жаргонного — в меньшей). Из нелитературных элементов в состав современной разговорной речи вошли главным образом экспрессивно-стилистические средства эмоционально окрашенного говорения, не имеющие внешних примет (звукового и грамматического) несоответствия литературной норме [105].

Расширившая таким образом свои границы литературная разговорная речь стала общенациональной формой повседневного устного общения. По мнению некоторых исследователей ее реальным воплощением явилась так называемая обиходно-разговорная речь: 1) занимающая промежуточное положение между чисто литературной разговорной речью и просторечием; 2) обслуживающая в равной степени все социально-возрастные и профессиональные группы населения [106].

---

[104] Ср.: «С первых же фраз Сергей Антонов вводит нас в стилевую стихию своей повести. Хочется сразу перечитать эти фразы, ибо есть в них нечто настораживающее, чужое, режущее слух... И так будет часто, пока мы не привыкнем к этому странному смешению какой-то полусказовой манеры с канцелярско-газетными оборотами, пока не почувствуем природу стиля, которым «излагает» колхозная активистка Маруся Лебедева свой... монолог (Критическая статья о повести С. Антонова «Разорванный рубль», «Лит. газ.», 26 февр. 1966 г.).

[105] Ср., например, невозможную для современных носителей литературно-нормированной речи форму: «он был сильно выпимши» и вполне допустимое «он здорово надрался».

[106] Таким образом, судьба просторечно-диалектных и жаргонно-арготических пластов, активно вторгающихся в речевой обиход 20-х годов через речь рабочих, комсомольской молодежи рабочего и крестьянского происхождения, свелась к постепенному уменьшению их удельного веса, к отбору наиболее общеизвестных и нейтральных форм, слов и конструкций этой речевой сферы, сохранившихся впоследствии в языке на правах общеразговорных речевых средств.

«Трудно сказать,— писал в предисловии к сборнику комсомольских рассказов «молодых» П. Коган (1927),— обогатит ли нашу литературную речь это вторжение областных говоров, жаргона, которым пользуются выступившие снизу, молчавшие до сих пор слои населения. Быть может, есть известная небрежность в этом смешении языка литературного [читай «книжного».— Т. В.] разговорной речи, в употреблении наряду с выразительными, вновь возникшими средствами слов грубых, форм, отвергнутых грамматикой. Но, с другой стороны, в эпоху формирования новой литературы, быть может, необходимо пройти через эту хаотическую стадию. Мы присутствуем при начале процесса».

Поскольку конец или во всяком случае средние звенья процесса показывают сейчас, в противовес хаотической, стабилизирующуюся стадию, «опасность исчезновения еди-

Нет сомнения, что именно эта разговорно-речевая сфера, как бы она ни называлась, представлена современной художественной прозой во всем разнообразии ее внутреннего состава и соотношения разностильных элементов.

Необходимо, однако, отметить, что при всем том на характер изображения литературой разговорно-речевых особенностей влияет еще такой мощный фактор, как речевая «мода». Она неизбежно сдвигает пропорции действительной соотнесенности явлений в сторону какого-то одного, наиболее «ходового» способа выражения, одного стилевого пласта, одной экспрессивной тональности [107].

Так, например, концентрированное изображение молодежного «жаргона» в литературе молодых и о молодых, конечно, основано на гиперболизации его роли в общей системе разговорно-речевого обихода.

С другой стороны, по отношению к проникающим в разговорную речь книжным элементам и, в частности, к шаблонам официально-деловой и публицистической речи в современной литературе преобладает шутливо-ироническая экспрессия, хотя живая речь дает нам примеры их массового употребления в нейтральном (стилистически немаркированном) плане.

Названные особенности (и ряд им подобных) имеют, очевидно, общую причину: осознанный уход от бедного и прямолинейного репертуара словесных единиц при изображении повседневной устной речи литературой предшествующих лет, необходимость обновления выразительной силы «заштамповавшихся» речевых средств и поиски новых стилистических возможностей в отражении новых (и наиболее характерных) примет современной разговорной речи.

В этом смысле характерен категорический протест современных литераторов против живучего еще наследия прежних лет — «казенного» воспроизведения прямой речи героев, при котором специфика бытового интимного общения предельно нивелируется.

Автор одной критической статьи приводит такой диалог из современной повести:

— Я удивляюсь, Алеша,— говорила Женя, пожимая плечами,— как это близкие люди могут ссориться между собой из-за пустяков. По-моему, лучше совсем не жить вместе, чем ссориться, потому что ссоры незаметно подтачивают любовь.

Я соглашался: — Ссоры из-за пустяков, из-за мелочей — это, Женя, удел мещан. Между мужем и женой могут быть споры на принципиальной и, если хочешь, на идейной основе. Мелкие ссоры оскорбляют достоинство, идейные ссоры обогащают, даже украшают жизнь, углубляют мысли (Л. Ковалева, Что ответить Лизе? — «Юность», 1964, № 7).

«Где мы? — спрашивает дальше автор статьи.— На диспуте о любви и дружбе? На комсомольском собрании? Нет. Это семейный разговор за завтраком. Вслушайтесь в интонацию, вглядитесь в построение фразы — ведь это не диалог! Это проповедь, произносимая одним человеком — автором [ср. наши замечания о нейтрализации речи автора и героя.— *Т. В.*], но разделенная (для занимательности?) на две части: первую часть произносит муж, вторую—жена. Нет ни одного слова, ни одного жеста, свойственного только Алеше или только Жене. Поменяйте местами высказывания — ничего не переменится... Все, что говорит Алеша Жене, он мог бы в тех же выражениях сказать своему профоргу» [108].

Современная проза шутливо-иронически оценивает обилие книжного (делового, научного, газетно-публицистического) словоупотребления в устной речи разных социально-возрастных групп нашего общества, подчеркивая, впрочем, в некоторых случаях и его тематическую заданность, и обусловленность жизненной ситуацией:

Рядом сидела парочка. Молодой человек с шевелюрой, похожей на папаху, в чем-то убеждал девушку, уговаривал ее.— Не ликвидация, а реорганизация,— говорил он.—Девушка смотрела на него круглыми глазами.— Перепрофилирование,— с мольбой произнес он.— Она потупилась, а он придвинулся ближе и забубнил. Видно было, как коснулись их колени. –Бу-бу-бу,—бубнил он,— перспектива роста, бу-бу-бу, но зато перспектива, бу-бу-бу, ты понимаешь? (В. Аксенов, Папа, сложи! рассказ, 1964); — *Где перспективный план? Тьфу ты, черт, истертый какой! —Его же изменяли два раза* (А. Кузнецов, У себя дома, повесть, 1964); *Если она не ответит мне и на это письмо, то все — вычеркну ее тогда из личной жизни. Дам ей понять, что на ней свет клином не сошелся...* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко, 1964); — *Так вот на комсомольском собрании я выступил и стал заострять вопрос. Говорю, говорю, заостряю...— Какой же вы вопрос заостряли? — Насчет амортизации инструмента* (И. Грекова, Дамский мастер, рассказ, 1963); — *А я прекращаю работу в этой точке,— ответил он,— и возвра-*

ного литературного языка» (как пишет П. Коган и как думали многие ученые в то время) оказалась мнимой.

[107] Речевая «мода» ведет к шаблонным речевым характеристикам. Автор критической статьи о современной молодежной литературе говорит о сформировавшемся в ней штампе:

«Повести..., напечатанные в «Юности» в этом году, легко объединить под одной рубрикой. Смотрите...

Тема: возмужание молодого человека.

Среда: городская интеллигенция.

Герой: 22—25-летний мужчина, беспартийный, только что окончивший институт, неженатый.

Язык: книжный, нивелированный, сдобренный жаргоном.

Интонация: ироническая.

(Г. Радов. Люди Флинта и жизнь на земле. «Комс. правда», 17 дек. 1965 г.).

[108] Автор обзора прозы 1964 г., отмечая общее повышение культуры художественной речи, указывает, однако, что «*безликий, дистиллированный язык*» еще властвует над современной прозой (В. Озеров, «Вопросы лит-ры», 1965, № 1).

щаюсь на старую точку. Все, что можно было взять от мастеров, я уже взял (Там же). *...Он обнимал ее еще пуще и говорил: — Не бойся, Рая, я член партии, я не допущу с тобой ничего такого... аморального...* (И. Зверев, Он и она, рассказ, 1964); *Какая вы, мама, право, чудачка аморальная!* (С. Антонов, Разорванный рубль, 1965); *Ну него пузик болит все время, и мне соседки подсказали: — надо брать такой кефир, специальный для младенцев...* (И. Зверев, Трест имени Монассана, очерк, 1963); *—Да,—повторяет за Тоней Витька Киселев.— Сучкова надо воспитывать. Пусть он почувствует, что такое сплоченный коллектив* (Г. Корнилова, Летний дождь с моря, рассказ, 1960).

Ироническое восприятие «книжного» в «разговорном» может характеризовать не только позицию самого автора как носителя современного литературного языка, но и позицию говорящего персонажа [109]:

Маузер врезался мне в бок... Батюшки, а у меня и пистолета не имеется — канцелярскими словами подумал я... (Ю. Герман, Операция «С Новым годом», 1964); *— К кому бы ее устроить жить? — Можно к тете Моте... — в общем, устройте. Где тут ее орудия производства? — Заведующая достала из корыта подойник и скамейку с нацарапанными надписями «Нина»* (А. Кузнецов, У себя дома).

Чаще всего этот вид стилистически маркированного употребления книжных элементов в разговорно-бытовой речи реализуется «цитатным» способом, т. е. как бы отстраненной передачей выражения, уже бытующего в коллективном речевом опыте [110].

[109] Но есть случаи, когда книжный элемент (обычно сугубо современный ходячий штамп) попадает в разговорную реплику персонажа как раз по совершенно обратной причине: автору изменяет языковое чутье и он заставляет своего героя «всерьез» произнести то, что заслуживает только критического отношения: *Ты соображаешь? Оба комсомольцы, молодая советская семья. Вы же по любви. Что случилось? Не понимаю* (Е. Шереметьева, Весны гонцы, роман); *Зря ты на этом Сахалине. Должен же Сашка победить личное... Впрочем, не тот случай...* (Там же); *—Алехин,— сказал он,— вы огорчены, я понимаю. Но мы не могли выставить вашу картину. В ней вы совершенно отрываетесь от традиций русской классической живописи.— Так что же, значит, у меня нет права на поиск?—возразил я* (А. Гладилин, Первый день Нового года, повесть, 1963).

[110] Исследователи ставят цитатный способ выражения в устной речи в зависимость от отношения речи к «актуальной внеязыковой ситуации» (т. е. к ситуации в момент высказывания) или к «неактуальной ситуации» (т. е. не имеющей места в данный момент, например при рассказе о каком-нибудь событии). В зависимости от этого говорящий или реагирует на актуальную ситуацию, включаясь в нее своими высказываниями, или сообщает, хотя бы и в виде фрагментов, о неактуальной ситуации, т. е. о чем-то, что он видел, сказал, знает и т. п. При этом предметом сообщения могут становиться высказывания уже реализованные (что уже кто-то сказал, формулировки каких-нибудь инструкций, законов и т. п.), которые говорящий прямо или косвенно воспроизводит, а иногда даже комментирует... (К. Кожевникова. Указ. соч., стр. 75). Как видим, если понимать «цитатность» не только как способ формального построения разговорного высказывания, а и как чисто стилистический прием, связь с отнесенностью речи к актуальной или неактуальной ситуации отпадает.

Там я и заприметил Люсю Кравченко. Ну, сделал два-три виража, а потом пошел на сближение. «Откуда, землячка?» — спрашиваю (В. Аксенов, Апельсины из Марокко); *Честно, я был удивлен. Оказалось, что она решила остаться на Дальнем Востоке, потому что здесь, дескать, сильнее ощущается трудовой пульс страны* (Там же); *— Да тебя никто не гонит. Тебя просят, братец.— А откажу — небось, противительность. Хочу, чтобы прочувствовал* (В. Тендряков, Ухабы, 1956); *...Солдат... сказал рассудительно: — Все мы теперь земляки стали, как рубеж-границу перешли...* (Г. Бакланов, Южнее главного удара); *...Я перед вами не провинилась: решила одеться, деньги зарабатываю своим трудом, держу не в кубышке, а в трудовой сберегательной...* (А. Гладков и Н. Оттен, «Бумажные цветы», киносценарий, 1960); *...Закуску принесут девочки, музыку притащат медики. Дух взаимопонимания внесу я* (В. Аксенов, Сюрпризы, рассказ, 1964); *— Ты знаешь, что у меня два года назад была выставка? — вдруг спросил Скачков.—Нет, не слышал.—Он горько усмехнулся.— Никто об этом не слышал, потому что выставка не представляла интереса* (В. Аксенов, Катапульта, рассказ, 1964).

А иногда таким образом оформляются и прямые цитаты из вошедших в широкий обиход отдельных фраз популярных произведений, песен и т. д., что особенно наглядно передает речевой колорит эпохи: *Из-за офицеров этих ты меня, Клавочка, позабудешь... Купи мне пачку «Норда» на память... Простимся у порога* (Б. Окуджава, Будь здоров, школяр!, повесть); *Я водил еще старые полуторки,— похвастался он.— То была машина, все четыре колеса...* (А. Кузнецов, У себя дома, повесть).

Современной прозе свойственно также обращение к прямой речи, перенасыщенной книжными элементами, для отрицательных характеристик персонажей. В этих случаях главным образом используется неоправданное и неумеренное употребление канцелярско-деловых и газетных штампов:

У меня давно есть сигналы о неблагополучии в семье ученицы Корешковой Оли. Я в прошлом году была там несколько раз и уже изучила обстановку (Ф. Вигдорова, художественный очерк «Пресная вода резонерства», 1962) [речь учительницы-чиновницы]; *— Как у вас план? — продолжал спрашивать Волков.— Стараемся. Выполнение положительное. Среднесуточный надой выше, чем в других бригадах...— Неплохо. Для такой фермы неплохо.— Ну, как же! — обрадовалась заведующая.— Последнее решение обкома обязывает нас бороться за пудовые надои* (А. Кузнецов, У себя дома) [заведующая — безделица и очковтирательница]; *— Вера Ивановна, нужно*

окружить товарища Барсукова заботой. Это будет иметь большое значение для нашей пристани...— О чем вы, Иван Сергеевич? — Надо выделить отдельную палату. Я понимаю, у вас перегрузка, но.. (В. Аксенов, Полторы врачебных единицы, рассказ, 1964) [речь директора больницы — карьериста].

В то же время естественное и вполне закономерное присутствие книжных слов (фразеологизмов, конструкций) в бытовой речи, вошедших в нее или вместе с реалиями, которые они называют, или просто из-за их частой и повсеместной употребительности, отражаются современной художественной прозой как инновации, оправданные внеязыковыми факторами и характерные для нашего времени: — *Ну, вот и претензия номер один,— главный инженер устало усмехнулся. — Тогда я вам предлагаю компромисс: пока наш старик в больнице — вы поработаете на его месте* (С. Антонов, Первая должность, рассказ, 1954); *Николай действовал решительно и энергично: — Газеты собрать в кучу и на кухню — для общего пользования. Кефирную тару — сдать! Носки в печку!* (В. Некрасов, В родном городе, повесть, 1955); *Ракитин без всякой задней мысли спросил: — А капитан Шамерников уже оторвался? — Нешто вы с ним едете? — А как же!* (Ю. Нагибин, Бой за высоту, 1958); *Давай, Фомич. Обрисуй положение* (Н. Сизов, Трудные годы, 1962); *...То требует, чтобы ей разрешили подержать ребенка. Я пожалел, позволил. На этой почве у нее с Михайловой вышла небольшая размолвка* (А. Володин, Приказ об увольнении, рассказ, 1954); *Я понимаю вас,— сказал редактор,— подобные поиски вещь увлекательная. Некоторые писатели таким примерно путем разыскали многих героев Великой Отечественной войны. И вписали в ее историю новые страницы* (И. Голосовский, Хочу верить, повесть, 1961).

3. Современная художественная проза чутко и разнообразно отражает те экспрессивно-стилистические перемещения, которые происходят сейчас в разговорной речи общелитературного характера за счет активизации элементов «сниженного» качества.

Говорить об «активизации» этих элементов можно только с точки зрения последнего хронологического сдвига от стилистики разговорной речи в ее изображении литературой конца 30 — начала 50-х годов — к современной эпохе, так как по сравнению и с художественной оценкой, и с реальным состоянием разговорной речи 20 — начала 30-х годов акценты смещаются в обратном направлении.

Обилие нелитературных пластов в виде диалектной, просторечной, жаргонно-арготической речи, угрожающее сохранности нормированного литературного языка как общенационального средства общения в первый послереволюционный период, сменилось в наше время ограниченным кругом экспрессивно окрашенных языковых средств, главным образом просторечного и отчасти жаргонно-профессионального происхождения. Соответственно сократилась и их роль в разговорно-речевом обиходе. Она сводится теперь к усилению эмоционально-оценочных характеристик, к оформлению тонких стилистических нюансов грубовато-фамильярной, дружески-интимной и проч. речи, которые создаются взаимодействием нейтрального фона с отдельными элементами названного слоя. Взаимодействие это осуществляется в разных пропорциях, что зависит от принадлежности говорящего к той или иной социальной, возрастной и профессиональной группе носителей современного литературного языка.

Вполне понятно, например, что речь молодежи (рабочих, служащих, студентов, школьников) подвержена «жаргонизации» в большей степени, чем речь старшего поколения — независимо от рода занятий и «образовательного ценза» этого последнего. И понятно также, что современную литературу привлекает «сгущенное» отражение так называемого молодежного жаргона, хотя едва ли можно считать его самодостаточной системой языкового выражения даже в «специальных» для этой среды тематической и ситуационной области общения [111].

Помимо того что стилистически сниженные средства языка всегда способствуют увеличению образной выразительности художественного слова, существуют и более общие, объективные причины пристального внимания к ним (и к молодежной речи — в особенности) современной литературы.

Используя подобные средства, литература акцентирует тенденцию к «отталкиванию» от нейтрально-высокого способа выражения, скомпрометировавшего себя в прошлом, и одновременно отмечает гипертрофию грубой сниженности как закономерный результат этой тенденции.

«Замечал я,— пишет Л. Кассиль,— что иногда употребление грубых, жаргонных словечек вызывается скрытой застенчивостью, которая свойственна ребятам, из скромности чурающимся громких слов. И вот тогда, вместо того, чтобы сообщить, скажем, о дружной и успешной работе бригады, вам бросят: *«Да, уж вкалывали на всю железку!»* («Слова, словеса и словечки».— «Юность», 1963, № 10).

Боязнь «громких слов» — одно из наиболее ощутимых свойств современного разговорного общения — приводит к тому, что вырабатывается своеобразная манера внешней речевой небрежности и лаконичности, за которой должен крыться глубокий «подтекст»: *Привет,— сказал он бодро,— я принес тебе три лимона. Я уже привык к его манере разговора. Когда-нибудь сказать просто,*

[111] См. об этом: Л. И. Скворцов. Об оценках языка молодежи. «Вопросы культуры речи», вып. V. М., 1964, стр. 47.

окружить товарища Барсукова заботой. Это будет иметь большое значение для нашей пристани...— О чем вы, Иван Сергеевич? — Надо выделить отдельную палату. Я понимаю, у вас перегрузка, но.. (В. Аксенов, Полторы врачебных единицы, рассказ, 1964) [речь директора больницы — карьериста].

В то же время естественное и вполне закономерное присутствие книжных слов (фразеологизмов, конструкций) в бытовой речи, вошедших в нее или вместе с реалиями, которые они называют, или просто из-за их частой и повсеместной употребительности, отражаются современной художественной прозой как инновации, оправданные внеязыковыми факторами и характерные для нашего времени: — *Ну, вот и претензия номер один,— главный инженер устало усмехнулся. — Тогда я вам предлагаю компромисс: пока наш старик в больнице — вы поработаете на его месте* (С. Антонов, Первая должность, рассказ, 1954); *Николай действовал решительно и энергично: — Газеты собрать в кучу и на кухню — для общего пользования. Кефирную тару — сдать! Носки в печку!* (В. Некрасов, В родном городе, повесть, 1955); *Ракитин без всякой задней мысли спросил: — А капитан Шамерников уже оторвался? — Нешто вы с ним едете? — А как же!* (Ю. Нагибин, Бой за высоту, 1958); *Давай, Фомич. Обрисуй положение* (Н. Сизов, Трудные годы, 1962); *...То требует, чтобы ей разрешили подержать ребенка. Я пожалел, позволил. На этой почве у нее с Михайловой вышла небольшая размолвка* (А. Володин, Приказ об увольнении, рассказ, 1954); *Я понимаю вас,— сказал редактор,— подобные поиски вещь увлекательная. Некоторые писатели таким примерно путем разыскали многих героев Великой Отечественной войны. И вписали в ее историю новые страницы* (И. Голосовский, Хочу верить, повесть, 1961).

3. Современная художественная проза чутко и разнообразно отражает те экспрессивно-стилистические перемещения, которые происходят сейчас в разговорной речи общелитературного характера за счет активизации элементов «сниженного» качества.

Говорить об «активизации» этих элементов можно только с точки зрения последнего хронологического сдвига от стилистики разговорной речи в ее изображении литературой конца 30 — начала 50-х годов — к современной эпохе, так как по сравнению и с художественной оценкой, и с реальным состоянием разговорной речи 20 — начала 30-х годов акценты смещаются в обратном направлении.

Обилие нелитературных пластов в виде диалектной, простореч-ной, жаргонно-арготической речи, угрожающее сохранности нормированного литературного языка как общенационального средства общения в первый послереволюционный период, смени-лось в наше время ограниченным кругом экспрессивно окрашенных языковых средств, главным образом просторечного и отчасти жаргонно-профессионального происхождения. Соответственно сократилась и их роль в разговорно-речевом обиходе. Она сводится теперь к усилению эмоционально-оценочных характеристик, к оформлению тонких стилистических нюансов грубовато-фамильярной, дружески-интимной и проч. речи, которые создаются взаимодействием нейтрального фона с отдельными элементами названного слоя. Взаимодействие это осуществляется в разных пропорциях, что зависит от принадлежности говорящего к той или иной социальной, возрастной и профессиональной группе носителей современного литературного языка.

Вполне понятно, например, что речь молодежи (рабочих, служащих, студентов, школьников) подвержена «жаргонизации» в большей степени, чем речь старшего поколения — независимо от рода занятий и «образовательного ценза» этого последнего. И понятно также, что современную литературу привлекает «сгущенное» отражение так называемого молодежного жаргона, хотя едва ли можно считать его самодостаточной системой языкового выражения даже в «специальных» для этой среды тематической и ситуационной области общения [111].

Помимо того что стилистически сниженные средства языка всегда способствуют увеличению образной выразительности художественного слова, существуют и более общие, объективные причины пристального внимания к ним (и к молодежной речи — в особенности) современной литературы.

Используя подобные средства, литература акцентирует тенденцию к «отталкиванию» от нейтрально-высокого способа выражения, скомпрометировавшего себя в прошлом, и одновременно отмечает гипертрофию грубой сниженности как закономерный результат этой тенденции.

«Замечал я,— пишет Л. Кассиль,— что иногда употребление грубых, жаргонных словечек вызывается скрытой застенчивостью, которая свойственна ребятам, из скромности чурающимся громких слов. И вот тогда, вместо того, чтобы сообщить, скажем, о дружной и успешной работе бригады, вам бросят: «*Да, уж вкалывали на всю железку!*» («Слова, словеса и словечки».— «Юность», 1963, № 10).

Боязнь «громких слов» — одно из наиболее ощутимых свойств современного разговорного общения — приводит к тому, что вырабатывается своеобразная манера внешней речевой небрежности и лаконичности, за которой должен крыться глубокий «подтекст»: *Привет,— сказал он бодро,— я принес тебе три лимона. Я уже привык к его манере разговора. Когда-нибудь сказать просто,*

[111] См. об этом: Л. И. Скворцов. Об оценках языка молодежи. «Вопросы культуры речи», вып. V. М., 1964, стр. 47.

нормально: «*Здравствуй, папа, как себя чувствуешь?*»—*выше его сил* (А. Гладилин, Первый день Нового года, повесть, 1963).

И, как видим, эта манера вызывает почти обязательное неодобрение старшего поколения, несмотря на то, что она может быть осуществлена самыми нейтральными языковыми средствами.

Ср. замечания Ю. Германа: К величайшему прискорбию, актеры, и очень хорошие, вместе с режиссерами, и далеко не заурядными, иной раз как бы конфузятся разговаривать достойно человека, разумеется, думающего. Артисту, предположим, нужно сказать: «Настоящая любовь не каждому суждена. А те, кто мирится с суррогатами,— что ж, да будет им земля пухом...». Как говорится, «не Флобер», но нормальная фраза. Однако здесь начинается «мильон терзаний» — «Я не могу этого произнести,— заявляет артист твердо.— Почему? — недоумевает режиссер.— Лобово! — Но... как же иначе? — Я пощу». Съемки прекращаются. Осветители курят. Оператор играет с кошкой. В конце концов репетируется и снимается такая абракадабра: — Все суррогаты разводятся... А паприсы-то я забыл купить. У вас подымить нечем? Как это поется?..» И артист напевает: «Любви все возрасты покорны, ее порывы... (статья «Дело, которому мы служим».— «Сов. культура», 18 июня 1964 г.)

Действительно, назвать последнюю находку актера иначе, чем «абракадабра», трудно. Но само по себе его отношение к фразе, которая кажется Ю. Герману «нормальной» (т. е., очевидно, именно разговорно-нормальной, поскольку речь идет о диалоге) как к «лобовой» — очень симптоматично. Говорящий видит ее фальшь даже в самом слабом сдвиге в сторону ложно-многозначительной «высокости» и ощущает ее безвкусную несовременность.

В то же время безвкусица, порожденная обратным явлением – сплошной ориентацией на жаргон, не менее остро воспринимаемая и старшим и молодым поколением носителей литературного языка, также находит отражение в современной литературе и получает как правило отрицательную оценку [112].— *Празду говорю*! — *подтвердил Алексей.— Черт его знает, у д а р я е ш ь, у д а р я е ш ь з а д е в к о й, потом видишь — не то. Другую нашел: ну, думаешь, все, о т х в а ч у. З а л и в а е ш ь, з а л и в а е ш ь, а она — хлоп! — за другого в ы с к о ч и л а, опять не то. Потом опять же, если рассуждать: какого лешего обузу на свою шею?..— Почему-то считается,— задумчиво сказал доктор,— что искать друг друга — значит з а л и в а т ь, выходить замуж — у д а ч н о в ы с к а к и в а т ь, ж е н и т ь с я — о т х в а т ы в а т ь. Идиотизм какой-то!* (А. Кузнецов, Биение жизни, рассказ, 1961).

Причем в некоторых случаях подчеркивается автоматичность, бездумность употребления жаргонизмов как следствие привычного и некритического восприятия речевых особенностей своей среды: *...Матрос Варшавский нас обманул.— Ежилов говорил медленно, с п р е д в а р и т е л ь н о й о б р а б о т к о й с л о в в г о л о в е, ч е г о н и к а к н е л ь з я б ы л о с к а з а т ь, к о г д а о н п о п л е в ы в а л «ш о к и н г а м и» и «п а р д о н а м и»*... (А. Гербер, Четыре на восемь. «Юность» 1964, № 7).

Иногда эта отрицательная оценка смягчается, оборачиваясь как бы снисхождением к чужому складу речи: *У Виктора были теперь в ходу разные новые словечки, наверное, понабрался у слесарей на заводе, и Луша вспомнила, как Елена Константиновна наставляла беречь язык и говорить правильно.— Нужно сказать не «з а м е т а н о», а «д о г о в о р и л и с ь»,— поправляла она мужа* (В. Лидин, Почтальонская сумка, рассказ, 1963); *Ведь вот хорошая женщина, а ...к а к у в а с г о в о р я т, з а н у д а* (Г. Шереметьева, Весны гонцы) [бабушка — внучке].

И даже можно встретить весьма знаменательные указания на готовность среднего и старшего поколения пополнить, вследствие необходимости, свой речевой опыт за счет новомодного словоупотребления: *Потом мы даже забыли, что он писатель, потому что он вставал на вахту вместе с нами и вместе ложился... да, честно говоря, и не верилось, что он настоящий писатель. И он, как все, говорил: «З д о р о́ в, Гера», «Т а л а н т», «Р у б а й компот» и так далее* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

Надо, следовательно, заметить, что вопреки установившемуся общественному мнению некритичное (и тем более апологетическое) изображение просторечно-жаргонной стихии в языке современной молодежи вовсе не составляет главной характеристики художественной прозы нашего времени [113]. В тех случаях, когда имеет место явное смещение пропорций «литературного» — «нелитературного» в пользу последнего, всегда, за немногими исключениями, ощущается некоторая ироническая интонация (автора или самого говорящего), подрывающая готовую возникнуть одобрительную оценку нелитературного способа выражения. Ср.: *...Послушай, что мне подруга пишет... Хохмачка страшная! «Элка, милая, здравствуй»,— ну тут приветы, работа, все это неинтересно. Вот! «Н а л ю б о в н о м ф р о н т е в с е н о р м а л ь н о. Есть одна любовь, очень скромный парень, но я не о б о ж а ю т е л я т, т ы ж е з н а е ш ь. Гуляю, пока скучно, а там могу п о в е р н у т ь р у л ь н а с т о в о с е м ь д е с я т г р а д у с о в»* (В. Лихоносов, И хорошо, и грустно, 1964); *Они сетовали друг другу на то, что в Гагре «с л а б о в а т о с к а д р а м и», а если и есть, то все уже с к л е е н н ы е, и, как ни крути, а видно, придется ехать в Сочи, где — один малый говорил — э т о г о д о б р а н а в а л о м* (В. Аксенов, Перемена образа жизни, 1964).

[112] Сопровождающуюся часто отрицательной оценкой и самой жизненной философии, такой же примитивной и грубой, как выражающая ее речь.

[113] В то время как именно такое отношение к «комсомольскому жаргону» преобладало в молодой прозе 20-х годов.

Более нейтрально отражается современной художественной прозой обычное, по всей видимости, соотношение сниженных языковых средств с общелитературным фоном разговорной речи, реализующееся в отдельных экспрессивно-отмеченных «вкраплениях», которые создают характерные для нее стыки разностильных пластов в пределах одного высказывания.

При репродукции таких высказываний основными средствами, какими располагает современная проза для изображения стилистически сниженного языкового слоя, являются:

1) Метафорическое употребление общелитературных слов (главным образом глаголов): *Мальчики, в восемь ноль-ноль открытое комсомольское собрание. Будем «н а д р а и в а т ь»* Варшавского (А. Гербер, Четыре на восемь, 1964); *Кичкьян отрезал толстые куски, клал их на хлеб и в таком виде н а в о р а ч и в а л* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко); *У меня немного болело горло, видимо, простудился сегодня на участке, когда л а я л с я с подсобниками* (Там же); *Надо собрать все хозяйство и с м а т ы в а т ь с я отсюда* (Там же); *Вот что, старшина, м о т а й - к а на огневые, делать тебе здесь нечего* (Г. Бакланов, Южнее главного удара); *— Что, друг, з а г о р а е м? — спрашивает он.— З а г о р а е м. Составь компанию* (Ю. Пиляр, Люди остаются людьми, роман, 1964); *Пей свое пиво и з а к р у г л я й с я* (В. Некрасов, В родном городе, 1954).

Ср. также: *Все очень просто: он вчера поругался с п р е д к а м и* (И. Зверев, Трест имени Мопассана, 1963); *А потом м у ж и к один выступал... Здорово так говорил. Весь город был* (В. Амлинский, Тучи над городом встали, повесть, 1964).

2) Оценочные слова и словосочетания яркой эмоциональной окраски:

Не сердись, капитан. У меня бывает такое.— Он улыбнулся, и в улыбке его неожиданно появилось что-то виноватое.— Контуженный все-таки. П с и х. Надо считаться. (В. Некрасов, В родном городе, 1954); *Жизнь, конечно, н е ф о н т а н, масштабы другие, но умеючи — жить можно* (Там же); *Сынок, хвораю я... Радикулит, г а д такой...* (В. Шукшин, Змеиный яд, рассказ, 1965); *Прелесть! Э к с т р а - ш и к - у л ь т р а - л ю к с - м о д е р н! — как говорит Валька* (А. Гладков и Н. Оттен, Бумажные цветы, 1960).

3) Экспрессивные словообразовательные модели: *Два дня тому назад даже выпал снег, правда, он тут же растаял, но все равно была х о л о д и н а жуткая...* (Н. Тарасенкова, Алексейка, рассказ, 1962); *Дай с о т н я г у. В «Ткани» штапельное привезли, сбегаю* (А. Володин, Подруги, рассказ, 1954); ...Геологи стреляли *у наших т р е ш к и п я т е р к и* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко); *Злится,— говорит Поля,— вчера, небось, по этой улице ногами ходил. Л е т я г а фашистский!* (Б. Окуджава, Будь здоров, школяр!).

О. Б. Сиротинина

НЕКОТОРЫЕ ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ*

Публицистический стиль советской эпохи, как и другие функционально-стилистические разновидности современного русского языка, развивается по двум линиям.

С одной стороны, естественно, продолжаются стилистические традиции дореволюционной публицистики конца XIX — начала XX в. С другой стороны — возникают новые особенности, обусловливающие существенные изменения в составе основных стилистических средств отдельных жанров публицистики. Последнее явление может быть следствием изменения самого жанрового состава публицистического стиля, что в свою очередь тесно связано с факторами социально-историческими: значительно увеличившейся, по сравнению с дореволюционным временем, ролью публицистики в жизни советского общества, изменением и расширением круга авторов и читателей публицистических произведений как вида литературы, наиболее живо и оперативно отражающего общественно-политические тенденции своего времени. Именно эта черта публицистики объясняет то обстоятельство, что развитие публицистического стиля в большей степени, чем стиля научного и делового, соотносится с развитием общества непосредственно. А следовательно, здесь можно наблюдать и бо́льшую изменяемость стилистических средств, вызванную конкретно-историческими причинами.

Публицистический стиль неоднороден. В нем можно выделить ряд жанров, обусловленных как тематически, так и стилистически. Несомненно, выделяется жанр передовых статей в газете; жанр международного обзора, фельетон, информация и т. д.[1] В последние годы формируется жанр, который условно можно было бы назвать жанром публицистических «раздумий».

* Равное участие в сборе и исследовании материала принимали доценты Саратовского ун-та С. А. Бах, В. А. Богданова, И. П. Глотова, М. В. Глушкова, Н. А. Кирсанова З. М. Ножкина, Г. Г. Полищук и ассистент Э. А. Клочкова.

[1] Неоднороден также и самый функционально-стилистический характер публицистических жанров. Некоторые из них представляют публицистику «в чистом виде», некоторые находятся на грани речи публицистической и художественно-беллетристической (фельетон), публицистической и деловой (газетная информация) и т. д.

Для анализа исторических изменений в публицистическом стиле были выбраны два жанра: один из наиболее стабильных жанров, в котором сильнее всего видно продолжение дореволюционных традиций,— жанр международного обзора и один из новых, формирующихся в советское время жанров — жанр «раздумья» [2]. Ярче всего этот последний жанр представлен раздумьями о судьбах молодежи, воспитании детей и подростков [3].

Более или менее близкими к «раздумьям», и тематически и композиционно, в дореволюционной публицистике оказались статьи о молодежи. Авторы поднимают вопросы о судьбах молодежи; не описывают, а ставят и разрешают общественно-идеологические проблемы, т. е. по тематике эти статьи близки к современным статьям под рубриками «Педагогические раздумья», «Человек и общество», «Мир интеллигентного человека» и т. д. Поэтому для данного исследования в основном использовались дореволюционные статьи именно на тему о судьбах молодежи, воспитании подростков, отношениях «отцов» и «детей». Поскольку в дореволюционные годы подобные статьи помещались главным образом в специальном журнале «Вестник воспитания» [4], для современного периода был привлечен и педагогический журнал «Семья и школа», а также журнал «Юность» и газета «Известия».

1. Исследование показало, что в дореволюционный период статьи на международные темы и на темы о молодежи ни в языковом, ни в стилистическом отношении почти не отличались друг от друга. Для них была характерна книжная л е к с и к а (на 500 слов от 82 до 123 книжных; в среднем — 92 слова и 125 книжных словоупотреблений [5]), особенно отвлеченная (*воспитание, возрастание, искажение, исправление, личность, наклонность, неимение, пребывание, противоположность, скрижали, удовлетворение, абсолютизация, будущность, любознательность, неповоротливость, вегетарианство* (политическое), *вероломство, апатия, усталость* и т. д.) при почти полном отсутствии разговорной лексики. Ср., например:

На молодежь больше всего и сильнее всего действует обаяние подвига, жертвы борьбы с неправдой и злом, но именно этих-то наиболее могущественных влияний и не имеется в арсенале консервативного лагеря, и потому все преимущества его положения остаются безрезультатными. Действительно, исключая некоторые привилегированные учебные заведения, где преданность учащихся консервативным принципам покупается ценою привилегий и уже от одного этого представляет мало ценную находку, среди других учащихся средней школы консервативная идеология почти совсем не имеет завоеваний.

Молодежь остается глухой и равнодушной к «национально-патриотическим» воздействиям, несмотря на все их разнообразие, настойчивость и исключительное господство в школьной практике («Вестник воспитания», 1911, № 7).

Очень широко употреблялась книжная экспрессивно-метафорическая лексика и фразеология: *денежное ожирение, гранитные берега конституционного строя, барабаны шовинизма, миазмы внутренней розни, попечительная десница, теплые лучи гражданской свободы, обильная струя семян мудрости, сумерки мрачной реакции; холод сурового абсолютизма, карающие молнии директорского гнева* и т. д.

В с и н т а к с и с е обращает на себя внимание сложность построения фраз; преимущественная вероятность количества слов во фразе: 19,25 — в международных обзорах, 17— в статьях о молодежи (средняя соответственно 26,4 и 25,8 при σ=13,3 и 15,5), максимальная вероятность —77—89 в обзорах и 81—100 в статьях о молодежи.

Сложность фраз идет не только за счет их длины, но и за счет синтаксического строения: простых неосложненных предложений почти нет, около 2/3 всех предложений — сложные, причем как правило с подчинением, сочинением и бессоюзными связями одновременно, и к тому же с обособленными оборотами:

В Англии увидели в этом вопиющее противоречие с торжественными уверениями русского циркуляра, но впоследствии английский посол в С.-Петербурге сэр Андрью Бокенен донес своему правительству, что обстоятельства оказались сильнее благих намерений Горчакова, который энергично противился расширению русских владений в Средней Азии, и что Россия была вовлечена в новые экспедиции такими местными условиями, которые не зависели от ее расчетов, и что, наконец, новые приобретения, вынужденные силой вещей, не только не принесли ей никаких прямых выгод, но еще вовлекли ее в новые расходы и тягости («Русская мысль», 1900, № 2); *Почтенный дипломат прославился своею успешною пятнадцатилетнею деятельностью на берегах Босфора, где он значительно способствовал расширению и укреплению германского влияния; теперь ему предстоит другая задача и если он справится с нею, то окажет услугу своему отечеству и Европе* («Запросы жизни», 1912, № 21); *Непрерывные пути от Фузана до Мукдена, от Дальнего и Артура до Мукдена, т. е. два обеспеченных пути наступления, два береговых базиса, и то, что между*

[2] В качестве материала для исследования использовались дореволюционные журналы (1900—1917): «Вестник Европы», «Русская мысль», «Вестник иностранной литературы», «Новая жизнь», «Наблюдатель», «Современный мир», «Запросы жизни», «Вестник воспитания», «Вестник знания», «Мир божий», «Новый мир», «Звезда», «Журнал для всех» «Подъем», — и журналы советского времени: «Молодая гвардия» (1920—1935), «Новый мир» (1942), «Новое время», «Юность», «Семья и школа» (1960—1965), газета «Известия» за 1966 г.

[3] С такими статьями стилистически однородны и статьи «раздумья» об искусстве, литературе, экономике, промышленности и т. д.

[4] Исследованы исходные статьи в журналах «Современный мир», «Вестник знания».

[5] Всего было сделано 20 выборок по 500 слов из 5 международных обзоров и 12 выборок по 500 слов из 3 статей на темы о молодежи.

ними, т. е. богатейшие области южной Манчжурии, неразрывно связанные с Ляодуном, с одной стороны, и с Кореей — с другой, это уже не господство на клочке берега, откуда столько раз за тысячелетнюю историю японцев сбрасывали в море; это — прочное, далекое, органическое внедрение на материк — новая империя! («Русская мысль», 1910, кн. 3); *Известно, что в целях экономического завоевания японцы не останавливаются ни перед чем: не говоря уже о японской таможне в Тайрене (Дальнем), фактически закрывшей этот порт для конкурентов, не говоря о других лазах, которыми японские товары проникают на манчжурский рынок, минуя неизбежные для других накладные расходы, укажем на такие, например, факты, как открытие японцем торговли керосином в закрытом для международной торговли городе немедленно после того, как оттуда по требованию японцев был выдворен американец, первый насадивший там эту отрасль торговли...* (Там же); *Таким путем превращался, да и теперь еще превращается, в мертвую машину полный жизни ребенок, у которого ключом бьют порывы к творчеству, так что он старается хотя бы в игре излить свое стремление к деятельности; из действующего субъекта ребенок становится страдающим объектом: чужая воля формирует, указывает, развивает, просвещает, одним словом, воспитывает его* («Вестник знания», 1907, № 1); *Какой-либо системы или обдуманности воспитания можно ожидать только от людей развитых, для которых дети — не пустая забава и не вещь, им неотъемлемо принадлежащая, а живые существа, требующие бережного обращения* («Вестник воспитания», 1903, № 1); *Для порывов в жизни многих решительно нет места, а кто не замечает этого вовремя и продолжает рваться куда-то, тот часто скоро разочаровывается, начинает искать удовлетворения в занятиях, с высшими потребностями ничего общего не имеющих, или же терпеливо исполняет свои обязанности, стараясь найти успокоение в мысли, что он действует не один, и что из незаметной, скромной работы многих, подобных ему тружеников, образуется что-то, ради чего все-таки стоит жить* («Вестник воспитания», 1903, № 1).

Помимо этого синтаксической структуре целых периодов часто присуще эмфатическое построение; характерно обилие повторов (лексических и синтаксических), риторических вопросов, анафорических конструкций и т. д., т. е. элементов художественной «построенности» текста.

В связи с этим стилистически рассмотренные жанры дореволюционной публицистики характеризуются повышенной патетичностью, которая создавалась соединением книжной отвлеченной и метафорической лексики с указанной синтаксической экспрессией.

Ср. следующие примеры:

И такие международные организации капитала растут очень быстро по всему лицу земли капиталистической («Новая жизнь», 1911, № 9); *Все страны света — Африка, Азия, Америка, Австралия, Европа — все они послали своих представителей. Их было пятьсот, этих представителей, с разного цвета кожей, разным разрезом глаз, разными черепами, разными языками, но с одним и тем же общим и объединявшим их стремлением разрушить расовые предрассудки и проложить путь к единению рас* (Там же); *Но слишком ярко проявилась ненормальность нашей общественной жизни, слишком резок контраст между нашей «веселящейся» толпой и встревоженными европейскими народами* («Русская мысль», 1909, № 4); *А расплата надвигается. Мимо сознания масс, образованных и темных, прошел недавний позор. Тем хуже* (Там же); *Откуда еще могли взяться эти сухие, жестокие нормы, как не из анекдотической хроники исключительных положений и особых административных полномочий?* («Современный мир», 1909, № 9); *Почему эти самые дети, которые, выросши, будут с величайшим самоотвержением трудиться на пользу ближнего в воскресной школе, в попечительстве о бедных, в разных благотворительных учреждениях, остаются так часто равнодушными к интересам лиц, самых к ним близких и всю душу на них положивших?* («Вестник воспитания», 1903, № 1); *Кипит ли мое сердце желанием работать?* («Вестник знаний», 1907, № 4); *Десятилетиями средняя школа изламывает детскую душу, одно поколение за другим неуклонно подвергается калечению в самом нежном возрасте,— мы, можно уже сказать, наследуем благоприобретенные в школе нашими предками признаки отвращения к жизни, тоски и угрюмости, и все же, как показывает школьная история последних лет, дух непосредственной радости бытия не убит* («Современный мир», 1909, стр. 61); *Неохотно отказывается он от своих желаний и столь же неохотно выполняет чужие* («Вестник зания», 1907, № 1).

Характерно анафорическое построение фразы. Примеры из этого же журнала: *Общество не реагирует ни на что. Общество опустило руки. Общество знать ничего не хочет. И пусть не указывают на единодушие прессы, за пределами которого на этот раз, действительно, осталась только публицистика в кавычках. Пусть не толкуют нам... А расплата надвигается...* («Русская мысль», 1909, № 4); *Нигде, кажется, нет таких угрюмых, скучных детей, как в наших учебных заведениях. Нигде, кажется, подрастающее поколение не опутано такой цепкой бессмыслицей, как в наших школах и гимназиях* («Современный мир», 1909, № 9).

Таким образом, международные обзоры и статьи о молодежи в дореволюционной публицистике, различаясь тематически, не представляли собой разных, с точки зрения стиля, жанров публицистической речи.

2. Уже в 20-е годы активизируется жанровое расслоение публицистического стиля. И это наглядно показывают два рассматриваемых жанра. Если международные обзоры остаются в основ-

ном в русле старой стилистической традиции (то же преобладание книжной лексики, сложных синтаксических конструкций), то в статьях о молодежи происходит ясное и резкое изменение языка и стиля. Советский публицистический стиль в целом в эти годы только еще начинает складываться. И различия формирующихся жанров связаны: 1) с обновлением круга авторов-публицистов,—если международные обзоры в основном по-прежнему пишутся специалистами-обозревателями (отсюда продолжение традиций), то статьи о молодежи пишутся не только специалистами-журналистами, но и рабкорами (отсюда резкое изменение стиля); 2) с изменением и расширением круга читателей и, следовательно, 3) с изменением взаимоотношений пишущих и читающих; 4) с возникновением перед данными публицистическими жанрами (как и перед всей литературой — художественной, публицистической, научной) новых коммуникативно-функциональных задач, что в свою очередь определяется двумя факторами: смещением (сближением) авторского и читательского речевого опыта и общим развитием нового идейно-тематического содержания публицистических произведений.

Однако характерное для этого периода переплетение старых и новых стилевых особенностей в какой-то мере затронуло и тот и другой жанр.

От прошлого идет частое употребление книжной лексики (*гегемония активистов, атрибуты семейного очага, комментарий, пресловутый, аргумент, санкционировать, симптоматично, тенденции, обнаружение, собственничество, судоисполнитель, предустановленность, своекорыстный, злокачественный, противообщественный* и т. д. — всего от 75 до 123 слов на 500, в среднем — 99 слов, 132 словоупотребления) [6], сложность синтаксических построений:

Бывший французский министр финансов Клотц, некогда подписывавший Версальский мир, а ныне находящийся в тюрьме за неудачную спекуляцию чеками, не имевшими покрытия, провозгласил в 1919 году лозунг, что за войну должна платить повинная в ней Германия, но с тех пор экономисты сделали открытие, что нет возможности возложить на одну страну все тяготы, вызванные последствиями четырехлетней войны («Новый мир», 1929, № 2); *В этом смысле приход к власти консерваторов является весьма знаменательным симптомом, указывающим на быстрый рост классовых противоречий, являющийся наиболее характерной чертой современной политической жизни Англии* («Звезда», 1924, № 6); *И как раз молодежь, которой и предстоит жить в этом здании, молодежь, которая в первую голову и призвана на эту работу, ибо родители застряли на большую часть в прошлом, старики часто и вовсе ничего не хотят знать, помимо старого, хоть и целиком враждебного им по существу быта,— молодежь-то и должна быть вырвана из цепких объятий «мертвеца» прошлого и введена в ряды общественников—строителей нового* («Новый мир», 1926, № 11).

[6] Всего было сделано 8 выборок по 500 слов из 2 международных обзоров и 4 выборки из статьи о молодежи.

В то же время уже дают себя чувствовать новые стилистические черты советской публицистики. Экспансия разговорной речи в книжные функциональные стили, обусловленная рядом указанных выше социальных причин, накладывает заметный отпечаток на публицистику 20-х годов. Даже в более стабильные в стилистическом отношении международные обзоры проникает разговорная, а иногда и сугубо просторечная фразеология (*сунуть нос в дела американского империализма, Морган взялся за дело* и т. д.) и лексика (*десятка, жданный, сродство, писака*, частица *вроде* и т. д.).

В статьях о молодежи разговорная стихия выступает еще активнее; при этом книжное и разговорное часто оказываются в непосредственном соседстве:

Совсем другой вопрос — следует ли с ними мириться, как это делает на местах, по-видимому, «общественное мнение» и родители этой самой молодежи, и социалистических советских органов. Ибо ясно, что не в «трепете» перед хулиганами здесь все дело, как думает корреспондент. А скорей именно в отношении к озорникам, как к неизбежному «бытовому явлению» («Новый мир», 1926, № 11).

Под влиянием разговорной речи характерными для статей о молодежи становятся простые неосложненные предложения (их больше трети) типа: *В 1848 г. Маркс и Энгельс организовали «Союз коммунистов». Маркс написал программу союза. Она состояла из вопросов и ответов. Вопрос 21 гласил...* («Журнал для всех», 1928, № 2).

Вместо развернутых риторических вопросов появляется вопросно-ответное построение текста: *В каком же направлении они изменяются? В направлении очеловечения* («Журнал для всех», 1928, № 2).

Распространяется присоединение: *Вот на свободе молодежь и стремится поразмять свои могучие плечи, дать исход поднакопившейся силушке. Конечно, прежде всего, по-дикому, по-старобытному* («Новый мир», 1926, № 11).

Широко начинают употребляться разговорные частицы:

Итак, освобождение от животности, социальное очеловечение чувств — вот направление коммунистической морали и нравственности («Журнал для всех», 1928, № 2); *Ведь нового-то, социалистически-культурного быта мы не успели, даже в достаточном лишь минимуме, внедрить в толщу масс вообще, а молодежи в частности. Ведь это-то внедрение нового быта и составляет очередную, насущнейшую задачу* («Новый мир», 1926, № 11) и т. д.

Синтаксическая сложность международных обзоров, обилие в них иностранной лексики, несомненно, затрудняли понимание текста многими слоями населения, только начинающего приобщаться к культуре, мешали пропаганде политических знаний, политическому воспитанию масс. Не случайно именно в эти годы появляется специальное постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 декабря 1924 г., в котором говорится: «Необходимо язык газеты сделать вполне доступным массовому читателю, всячески избегая непонятных и отвлеченных оборотов и словообразований. Особенно следует обратить внимание на обработку иностранной информации, делая ее понятной каждому мало-мальски грамотному крестьянину»[7].

3. Дальнейшее развитие исследуемых жанров публицистического стиля связано прежде всего с упорядочением соотношения в нем книжных и разговорных элементов. Усиливается роль нейтральной лексики. В 30-е годы она делается основным стилистическим средством публицистического стиля. Однако в годы войны книжных лексических элементов опять становится больше (*вероломный, вероломство, вторжение, вторгнуться, демилитаризация, деятель, коалиция, кормило, интервенция, информация, неприкосновенность, осуществление, посягать, притязание, предоставление, ресурсы, свободолюбивый* и т. д. — от 75 до 107 на каждые 500 слов; в среднем 91 слово, 103 словоупотребления)[8], что связано с особым характером публицистики этого времени, возродившей патетику и повышенную экспрессию как необходимое качество основных оперативно-публицистических жанров.

В то же время в синтаксисе международных обзоров военных лет заметно дальнейшее упрощение структуры предложения. (Преимущественная вероятность количества слов равна 11 — 14, максимальная длина — 58—90 слов, средняя— 18,9[9] при σ=10,4.)

Таким образом, общая тенденция к «снижению», «облегчению» стиля публицистических произведений продолжает осуществляться, независимо от временных отклонений в сторону повышенной «книжности», обусловленных конкретными задачами агитации и пропаганды военного времени.

Почти половину всех предложений составляют простые, неосложненные (см. табл. 1):

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз круто повернуло все течение войны, ее масштабы, ее характер. Необычайно расширился размах войны. Англо-германская война превращалась в мировую.... Все мыслящее человечество с затаенным дыханием следило за событиями на советско-германском фронте. Гитлер создал чудовищную военную машину и двинул ее против СССР («Новый мир», 1942, № 5—6).

[7] «Советская печать в документах». М., 1961, стр. 229.

[8] Всего сделано 8 выборок по 500 слов из 2 международных обзоров.

[9] В 900-х годах — 26,4, в 20-е годы — 20,6.

Характерны и очень ясные по структуре сложные предложения из двух частей:

В течение 14 месяцев все силы германской армии скованы на Восточном фронте, и Гитлер не может даже помышлять о переброске их на Запад («Новый мир», 1942, № 9); *Вполне понятно, что вторжение в Европу требует серьезной подготовки и наличия больших людских и технических сил* (Там же).

Сложно построенные предложения с обилием обособленных членов уточняющего и объясняющего характера в публицистике военных лет, при достаточно высокой частотности, более строги и четки:

Затем, после мюнхенского соглашения четырех держав (29 сентября 1938 года), Германия, не довольствуясь этим, 15 марта 1939 года, оккупировала и расчленила Чехословакию, превратив эту страну передовой европейской культуры в колониальный «протекторат Чехия и Моравия» и в «независимое» Словацкое государство, находящееся под покровительством Германии («Новый мир», 1942, № 5—6); *Не имея возможности начать переброску своих сил на Запад и вынужденные, наоборот, все более сокращать там свои гарнизоны, посылая на Советский фронт стоявшие там ранее дивизии, танки, авиацию, они возлагают свои последние надежды на колоссальный блеф, стараясь уверить противника, что их оборонительные линии в Западной Европе, и, в частности на франко-бельгийском побережье, являются неприступными* («Новый мир», 1942, № 9).

Официальная торжественность речи, характерная для международных обзоров этих лет (полные названия государств, воскрешение архаизмов: *кормило власти, держава* и т. д.), несколько «повышает» свойственную им вообще стилистическую нейтральность.

В журнальной публицистике военных лет статьи на молодежные темы отсутствуют.

4. Тот факт, что тематико-стилистическое изменение публицистики связано с развитием общества наиболее тесно и непосредственно, особенно отчетливо сказался на формировании в последние (послевоенные) годы нового жанра — жанра «раздумий», «размышлений».

В современной публицистике можно выделить два типа статей на молодежные темы: 1) тип очерка и 2) тип «размышления». Первый тип продолжает старые традиции и стилистически близок к международным обзорам. Второй — резко отличается от них внутренней однородностью и стилистической специфичностью. При этом он является единым для данного жанра на любую тему (не только на «молодежную»).

Общее явление для современного публицистического стиля во всех его жанровых разновидностях — возрастающее сближение с разговорной речью, частично приостановленное в предше-

ствующие периоды. В настоящее время происходит дальнейшее уменьшение доли книжной лексики (в среднем на 500 слов — 51 книжное, 66 словоупотреблений) [10], длины предложений (в международных обзорах до преимущественной вероятности длины в 15 слов, максимальной длины в 37—44, средней = 17,5 при σ = = 7,9; а в жанре «раздумий» соответственно 6; 41—65, средняя = = 10,7 при σ = 7,7), увеличения доли простых предложений и т. д. определяются сейчас существенные стилистические различия, которые очень показательны для общей тенденции развития советского публицистического стиля.

1) Современные международные обзоры отличаются однородностью, устойчивостью стиля. Размах колебаний по выборкам и статьям по сравнению со стилистической вариативностью ранних периодов уменьшается. Так, на 100 предложений текста в дореволюционный период приходилось от 38 до 72 сложных предложений при средней = 53,9; в 20-е годы — от 25 до 69 при средней = =53,2; в годы войны — 33—56 при средней = 44,4; в наше время — 26—40 при средней = 36,6.

Таблица 1

Период	Частоты	Сложные предложения	В предложениях больше трех частей (неоднородных)	Простые неосложненные предложения
До 1917 г.	*Средняя*	53,9	8,7	29,0
	Интервал колебаний	38—72	2—16	24—35
20—30-е годы	*Средняя*	53,2	7,4	28,8
	Интервал колебаний	25—69	1—19	18—50
Годы войны	*Средняя*	44,4	2,4	45,0
	Интервал колебаний	33—56	2—4	41—50
Послевоенные годы	*Средняя*	36,6	0,6	31,7
	Интервал колебаний	26—40	0—2	19—42

Меняется и общий характер статей на международные темы: их тон становится более деловым, что сказывается на соотношении употребительности классов слов. Ср., например, соотношение качественных и относительных прилагательных: в начале века число относительных прилагательных могло быть даже меньше, чем число качественных. Так, в связи с этим наблюдается изменение и в употребительности окрашенных и нейтральных слов лексики: почти полностью исчезает «оценочная» лексика.

Характерным является равномерное соединение патетической и разговорной струи, свидетельствующее о распространенности и «привычности» непосредственных стилистических столкновений как следствие активного взаимопроникновения стилей. Первая проявляется:

в синтаксическом параллелизме, анафоричности повествования, что создает известную торжественность речи:

Эхо войны во Вьетнаме все громче доносится до Японии. Оно слышится в реве американских бомбардировщиков, берущих курс на Окинаву, чтобы отсюда, заправившись смертоносным грузом, уйти в рейд над истерзанной войной землей Вьетнама. Оно отзывается в плаче матерей, провожающих моряков в опасное плавание на военных транспортах в порты Южного Вьетнама. Эхо войны раздается и в мощных призывах, которые скандируют демонстранты («Новое время», 1965, № 25),—

или в употреблении «полных» вариантов названий стран, в то время как экспрессивно-торжественная лексика фактически отсутствует.

Вторая, разговорная, струя проявляет себя:

в преобладании коротких предложений с ясной и четкой синтаксической структурой; например:

Неважно, получат ли боннские реваншисты доступ к 200 ракетам «Поларис» (по американской схеме) или, скажем, к 20 ракетам (как это предусматривает английский вариант) («Новое время», 1964, № 52); *За последние годы Англия предприняла два маневра с целью укрепления своих позиций в Ю. Аравии, и оба они потерпели провал* («Новое время», 1965, № 40); *Однако с конца 1962 г. клубок франко-американских раздоров стал разрастаться стремительными темпами: кризисы в отношениях между обеими странами следовали один за другим почти без перерыва* («Новое время», 1965, № 36);

в вопросно-ответном построении текста, возможно, идущем от бесед на международные темы:

Но кого наказали боннские политики? Только самих себя. Обострились отношения Бонна и с другими арабскими государствами («Новое время», 1965, № 11);

в господстве предложений без внешних (языковых) способов связи с предыдущим:

В этом нет ничего удивительного. 34 раза представители стран НАТО собирались на сессии Совета Североатлантического блока («Новое время», 1964, № 52). См. также предыдущий пример.

[10] Всего было сделано 16 выборок по 500 слов из международных обзоров и 8 выборок по 500 слов из раздумий о молодежи.

Такой способ построения абзаца создает динамизм повествования, чему способствует и частая эмфатичность («34 раза» вынесено вперед, хотя является «новым»), отсутствие в предложении «данного» («Только самих себя»).

2) В жанре «раздумий» разговорная струя ощущается гораздо сильнее. Основной пласт лексики этого жанра — общеупотребительная нейтральная лексика современности с «техницизмами», разговорными и просторечными словами и оборотами. Ср., например:

«Вы помните — в третьем номере «Юности» за этот год были опубликованы два письма. Два простых человеческих документа. Они написаны разными людьми, живущими в разных областях. В них горечь и обида. Нехорошая история приключилась с девушками — авторами писем. К ним несправедливо прилепили кличку «стиляги». Добро бы, их так назвали незнакомые блюстители нравственности. Но нет. Обозвали их так свои же товарищи. Уж кому-кому, а им-то было прекрасно известно, что девушки эти вовсе никакие не стиляги, не лежебоки и не белоручки. Могут сказать: со своим уставом не лезь в чужой монастырь. Могут сказать: на вкус и цвет товарищей нет. Да и мало ли что могут сказать: мол, нашли из-за чего шум поднимать?! Мол, захотелось девчонкам в селе покрасоваться, но забыли они, что село есть село: там свои, освященные годами моды, традиции, свой взгляд на вещи. Не из-за чего, мол, девчонкам кипятиться» («Юность», 1961, № 8).

Если в жанре международных обзоров и в статьях о молодежи в прошлом разговорная лексика встречалась лишь в качестве единичных примеров (максимально 10 слов на 500 в 900-х годах, 20 — в 20-е годы), то в современном жанре «раздумий» разговорная лексика — закономерный стилистический компонент (на 500 слов в среднем — 28 слов, 40 словоупотреблений; минимальное количество разговорных слов — 21, максимальное — 42).

Книжный слой лексики сохраняется, но используется мало (на 500 слов — 17,18 словоупотреблений; максимальное количество книжных слов — 24). В основном это термины (*анилиновый, заболеваемость, инфекция, кибернетика, эпидемия* и т. д.) и редко «слова высокого стиля» (*начертан, освященный, блюститель нравственности, взращенный, вспоенный* и т. д.), употребляемые чаще всего со специальной экспрессивной заданностью.

Одинаково широко употребительны разные типы разговорной и просторечной лексики с точки зрения тех средств, которыми создается их стилистическая принадлежность. Особенно частотны и разнообразны экспрессивные глаголы (*загоготать, заорать, зауважать, поутихнуть, зажireть, зазубрить, попахивать, похвастать, кипятиться, покрасоваться, шляться, подвернуться, сбадать, распрощаться* и др.) и имена со «сниженно»-разговорным суффиксальным образованием (*гармошка, девчонка, белышко, усики, людишки, парочка, столик, толстенный, узюсенький, попугаистый, цветастый*).

Очень значима эмоционально-оценочная лексика вообще (*белоручка, тряпка, лежебока, проклятущий, рубаха-парень, стиляга, пижон, чертовый, смак* и др.).

В синтаксисе господствуют простые несложные предложения. В современных публицистических статьях типа «раздумий» преимущественная вероятность длины предложений — 6 слов, максимальная — 51 слово (средняя длина = 10,795 при σ = 7,743) [11].

Меняется количественное отношение сложных и простых (без обособлений) предложений. На 100 предложений текста показательно сравнение средних арифметических для дореволюционного периода (53,3 и 19,0) и послереволюционного (20—30-е годы — 38,0 и 33,3; 50—60-е годы — 35,8—22,5) (см. табл. 2).

Таблица 2

Период	Частоты	Сложные предложения	В предложении больше трех частей (неоднородных)	Простые неосложненные предложения
До 1917 г.	*Средняя*	53,3	8,1	19,0
	Интервал колебаний	48—54	1—13	12—27
20—30-е годы	*Средняя*	38,0	3,6	33,3
	Интервал колебаний	28—49	2—5	23—53
Годы войны *	—	—	—	—
Послевоенные годы	*Средняя*	35,8	1,8	22,5
	Интервал колебаний	33—40	0—5	18—24

* В журнальной публицистике военных лет статьи на молодежные темы отсутствуют.

Ср. с соответствующими данными для жанра международного обзора (табл. 1).

Сами сложные предложения предельно просты по структуре [12].

Зло носило штаны в обтяжку, оно поскрипывало толстенными подошвами башмаков («Юность», 1961, № 8); *Могу их утешить: стиляг в «Факеле» не было* («Юность», 1960, № 9).

С этой точки зрения характерна и картина уменьшения употребительности предложений с обособлениями (разных струк-

[11] В дореволюционный период средняя длина = 25,844, максимальная = 88, в 20-е годы средняя = 25,844, максимальная = 63, в современных международных обзорах средняя = 17,565, максимальная = 40.

[12] Ср. данные табл. 2 по количеству предложений, содержащих более трех неоднородных частей.

турно-семантических типов). Помимо изменения средних величин (38,0 — для дореволюционного времени, 33,3—для 20—30-х годов и 22,4 для современности — на 100 предложений), показательны также изменения нижней и верхней границы частот: верхняя граница частот у современного периода ниже нижней границы частот дореволюционного периода (24 и 30).

В сопоставлении с количественными данными по употребительности предложений, осложненных обособлениями, в традиционном жанре международного обзора, где средняя более константна,— стилистически значимое «упрощение» синтаксиса нового жанра публицистики вырисовывается особенно наглядно (см. табл. 3).

Впечатлению стилистической «раскованности» способствует также ряд других синтаксических явлений. Типичными для непринужденного тона современных «размышлений о молодежи» являются, например, присоединительные конструкции (присоединяются предложения и отдельные члены предложений):

Сидели бы себе у костра и пели бы песни. Наши, советские песни («Юность», 1961, № 8). *Лида просто насплетничала. И так всегда* («Юность», 1960, № 6); *Разумеется, потом они помирились и недоумевали по поводу своей нелепой ссоры. И, разумеется, вскоре же поссорились снова. Так же внезапно, необоснованно, необъяснимо и все равно болезненно* («Юность», 1960, № 5); *Выступать по вопросам сатиры и эстрады надо со всей гражданской и партийной ответственностью. Глубоко, серьезно, честно* (А. Райкин, Цена оценки, «Известия», 1966, № 43); *Жизнь— не простая штука. Радостная, непередаваемо интересная, зовущая вперед, бесконечно прекрасная, но одновременно и сложная. Бояться этого не следует, надо просто заранее готовить себя к ней. Этически. Духовно. Практически. А главное — воспитанием высокой требовательности к самому себе* («Семья и школа», 1964, № 5); *А вот теперь на Первом Ставропольском конном заводе делают такой подсчет. Реальный, опытом проверенный...* («Известия», 1966, № 29); *Провинциализм — тема не новая. Но, к сожалению, и не устаревшая* («Известия», 1966, № 117).

Особенно характерно присоединение с помощью союза *и*: *Тускло светятся окна, редко открывается тяжелая, массивная дверь. И афиш никаких нет, и лишний билет никто не спрашивает* («Юность», 1960, № 9); *Все делали сами. И чего только не придумывали!* (Там же).

Присоединительные связи стали основными, господствующими, пронизывающими весь текст.

Признаком жанра становится и вопросно-ответное изложение, чередуемое с риторическими вопросами, но также сопровождаемое ответами:

Что было причиной раздоров? А сущие пустяки («Юность», 1960, № 5). *Но что же произошло дальше? Николай попал под скверное влияние? Сам изменился к худшему?* (Там же); *Счастливая?*

Таблица 3

Обособления (количество на 100 предложений)

Период	Частоты	Международный обзор				Раздумья о молодежи				
		Всего обособлений	Деепричастий	Причастий	Уточнений	Всего обособлений	Деепричастий	Причастий	Уточнений	Приложения неуточняющего характера
До 1917 г.	*Средняя*	46,1	6,0	20,4	9,2	38,0	5,3	14,3	11,6	3,6
	Интервал колебаний	20—69	2—10	9—34	4—23	30—49	3—8	13—15	1—25	0—5
20—30-е годы	*Средняя*	50,0	6,6	13,6	22,8	33,3	5,3	6,3	12,0	6,6
	Интервал колебаний	40—57	4—12	9—16	14—32	23—53	4—8	5—8	4—27	5—9
Годы войны	*Средняя*	46,4	11,0	14,8	15,6	—	—	—	—	—
	Интервал колебаний	41—53	6—14	11—19	8—22					
Послевоенные годы	*Средняя*	44,1	8,1	18,6	16,1	22,4	3,8	6,6	4,0	6,0
	Интервал колебаний	35—53	4—11	10—32	9—26	18—24	1—7	4—10	1—7	2—12

Примечание. Исследовались лишь наиболее часто встречающиеся виды обособлений.

Нет у дочки ни знания жизни, ни опыта, ни слов, чтобы возразить матери, но не принимает сердцем она такого «счастья», не верит ему. Скучное это счастье, бедненькое, вымученное... («Юность», 1960, № 5); *А если бы все наши газеты столь же регулярно, глубоко и широко освещали культурную жизнь, как они освещают спортивную. Право же, искусство заслуживает не меньшего внимания, чем футбол и шахматы* (А. Райкин, Цена оценки, «Известия», 1966, № 43); *Что стало бы с человечеством, если б каждое новое поколение просто копировало своих предков? Остановился бы прогресс* («Семья и школа», 1963, № 3); *Кто же во мне чаще ошибается — родитель или педагог? Вряд ли кому-либо здесь можно отдать предпочтение* (Там же); *Но разве дети всегда уважают родителей, проживших безупречную, чистую, честную жизнь? К сожалению, далеко не всегда* (Там же); *Что же заставляет его поступать так? Сначала робко, а потом уверенно пришел ответ — уважение к человеку. Умение видеть в ребенке формирующуюся человеческую личность* (Там же); *И одни ли они такие?* («Семья и школа», 1964, № 5); *Часты ли в семье беседы с подрастающей дочерью — какой она должна быть, когда станет замужней женщиной, матерью?* (Там же); *А сколько таких «песчинок» может встретиться на пути к счастью супругов!* (Там же); *Что мешает им наслаждаться своим счастьем? Чаще всего это пустяки, мелочи (*Там же); *В сущности, что произошло? Колхознику дали возможность по-настоящему хозяйствовать на земле* («Известия», 1966, № 29).

Очень характерны вопросы, обращенные как бы к самому себе:

Но, может, так было не всегда, может, просто затянула людей обыденность, проза жизни, а где-то в глубине сердца хранит каждый из них память о других днях, других отношениях? (Там же); *А с голодной скотины какой спрос?* («Известия», 1966, № 29); *Но, может быть, пора считать научиться не только колхозникам, а и финансистам, плановикам, экономистам?* (Там же); *Почему же мечется по городам и весям председатель колхоза? Или свинина, помидоры, молоко — не нужны?* (Там же); *Отмеченные наградами на различных конкурсах музыканты собрали: пианист А. Скавронский — 132 слушателя, скрипач — М. Русин — 188. Не слишком ли мало для 160-тысячного населения города?* («*Известия*», 1966, № 117).

Типично также введение в авторское повествование прямой речи (диалогов) и использование несобственно-прямой речи:

Мать искренне возмутилась: что за молодежь пошла — сегодня свадьба, завтра — развод! («Юность», 1960, № 5); *Блажит, мол, старый чудак, а нам-то что, нас такие пустяки не касаются, и ничто нас не тревожит* («Семья и школа», 1964, № 2) и т. д.

Особое развитие получили некоторые приемы, лишь изредка встречавшиеся в прошлом, а теперь ставшие отличительным и обязательным признаком жанра «раздумий». Прежде всего это присоединение с повтором:

И это радость. А такие, как Рэна, проходят мимо. Мимо радости («Юность», 1960, № 6); *Хуже, когда с водой выплескивают ребенка; Хуже, когда за одеждой не замечают человека. Хуже, когда человека обижают. Обижают незаслуженно, несправедливо* («Юность», 1961, № 8); *Когда-нибудь потомки с трепетом прочтут наши газеты и журналы. Прочтут и изумятся* (Там же); *Но для того, чтобы дать этот бой, они должны стать примером для молодежи. Примером во всем. И в одежде тоже* (Там же).

Такое (постепенное, ступенчатое) развитие мысли, с одной стороны, подчеркивает в ней основное, помогает восприятию ее читателями, а с другой стороны, придавая всей статье характер размышления, раздумья, как бы проясняет, оттачивает самую мысль и для автора.

Часто подобным присоединением с повторами заканчивается вся статья:

Давайте судить о человеке прежде всего по его делам. Давайте говорить не о штанах, а о человеке. Только о человеке («Юность», 1961, № 8).

Повторы, усиливающие, раскрывающие основное содержание мысли, широко распространены и в синтаксических конструкциях другого типа.

Ср., например, приложение с определением:

Никому не придет в голову защищать этих людишек, потому что совершенно ясно: они отбросы нашего общества, общества, давшего миру Юрия Гагарина («Юность», 1961, № 8); *Оно лишь наступает, это время, — время духовного и материального совершенствования нашей жизни* (Там же); *Неплохая пара. Но на беду живут вместе с родителями — его родителями* («Семья и школа», 1964, № 5).

Или повтор нового:

... только скучно, очень скучно молодежи в этом Доме культуры, («Юность», 1960, № 9); *Но есть еще тормоза, которые многому мешают в жизни деревни. Надо, очень надо их как можно скорее снять* («Известия», 1966, № 29). Очень часто повтор пронизывает весь абзац:

Было время, мы пили чай из чайника с прямой трубкой. Неудобно, чай проливался через верх, но пили. Такое время было. Но это время прошло. Мы обращаем свой взор на мелочи не потому, что время великих дел отгремело. Оно лишь наступает, это время,— время духовного и материального совершенствования нашей жизни, когда невозможно уже отмахиваться от больших и маленьких потребностей человека («Юность», 1961, № 8).

Но еще чаще встречается раскрытие, усиление мысли путем уточнения местоимения приложением-существительным:

Шут с ними, с пижонами! («Юность», 1961, № 8); *Ему, чиновнику, казалось странным, что в клуб приходят каждый день* («Юность», 1960, № 9); *...хотя они, эти книги, не посверкивали*

золотыми корешками сквозь стекло его книжного шкафа («Юность», 1960, № 6); *Вот она какая, любовь!* («Юность», 1960, № 5); *Очень уж они простые, обыкновенные, эти отношения!* (Там же); *А он, муж, вместо того, чтобы оградить интересы жены, напускается на нее же* («Семья и школа», 1964, № 5); *Эта тема волнует их так же глубоко, как и нас, взрослых* («Семья и школа», 1963, № 3); *Вот она, ее горькая, тяжкая плата, за годы «тайного счастья». Да и было ли оно — счастье?* («Семья и школа», 1964, № 2).

К сожалению, это действенное, экспрессивное средство в последнее время уже становится штампом. Конструкции типа: «Шут с ними, с пижонами», «Ему, чиновнику», уместны там, где существительное выражает авторскую оценку, его отношение к излагаемому, т. е. где существительное «характеристично». Но когда оно фактически ничего нового не сообщает («они, эти книги»), весь оборот утрачивает свою особую значимость.

В еще большей степени это относится к оборотам с местоименным определением. Они встречались в дореволюционных статьях о молодежи[13], но достаточно редко.

Широкая же их распространенность и во многих случаях необязательность в современных статьях рассматриваемого жанра ведет к досадному штампу[14]. Ср.:

«Юность», 1960, № 6: *Для него это было такое счастье — стоять на сцене; Однажды в театре произошел такой случай;*

«Юность», 1961, № 8: *может бросаться таким словом — «убью»; по такому нехитрому рецепту; такие вот штаны; такой работник; такое время;*

«Юность», 1960, № 9; *с таким воодушевлением, что...; с таким заманчивым названием; такой дом для молодежи, где...; билет на одну такую встречу; был такой парень — Лешка-киношник; такого прочного и дружного коллектива.*

---

[13] Ср.: *Нигде, кажется, нет таких угрюмых, скучных детей, как в наших учебных заведениях. Нигде, кажется, подрастающее поколение не опутано такой цепкой бессмыслицей, как в наших школах и гимназиях* («Современный мир», 1909, № 9).

[14] Начиная с военных лет эти обороты широко распространены и в международных обзорах:

Заслугой Черчилля является та ясность и решительность, с которыми он выразил чувства всего английского народа, уже в тот самый день, когда гитлеровские вооруженные банды вторглись на советские территории, а немецкие воздушные пираты без всякого предупреждения бомбили мирные советские города («Новый мир», 1942, № 9); *Приезд в Москву главы британского правительства г. У. Черчилля составляет одно из тех важных событий, которые имеют огромное значение для наиболее эффективного и успешного ведения войны против фашистских агрессоров. Все помнят те ухищрения и темные махинации, на которые пускалась гитлеровская дипломатия, чтобы помешать созданию мощной антигитлеровской коалиции трех величайших держав мира: СССР, Великобритании и США* (Там же); *Такой рычаг, как американские капиталовложения; такие крупные предприятия промышленности Франции, как, например, ...* («Новое время», 1965, № 36); *в таком вопросе, как доступ* (Там же) и т. д.

Однако в международных обзорах их все же меньше, чем в «раздумьях».

Новым приемом является употребление одиночного местоимения «такой» (без дальнейшей конкретизации) и местоимения в роли определения с дальнейшей конкретизацией:

Любое истинное искусство не для таких, как она; не таким, как Рэна, улыбалась Кабирия, и не для нее сражался с морем старик Сантьяго. (...) А такие, как Рэна, проходят мимо («Юность», 1960, № 6); *Ну, а друзья и товарищи Лены и Виктора? Те, что веселились у них на свадьбе, те, что учатся вместе с ними?* («Юность», 1960, № 5); *Но нечего издеваться и над теми, кто...* (Юность, 1961, № 8); *...Они измеряют ценность эстрадного произведения не тем, насколько глубоки идеи, мысли, чувства, в нем заложенные* (А. Райкин, «Известия», 1966, № 43); *Я имею в виду подлинного критика-марксиста, а не того, кто скрывает интеллектуальную робость* (Там же); *То, что горит лампочка, видят все, а то, что горят сердца, видно не всегда и не каждому* (Там же); *Но друг — это тот, кто не скрывает своего мнения, кто вовремя может помочь советом* (Там же).

Появляется и подобный же оборот с прономинализованным существительным:

И вот далеко не образцовая Надя стала женой Николая — парня, чей портрет уже столько времени не снимался с заводской Доски почета («Юность», 1960, № 5).

Широкое развитие получает эмфатическое построение предложений с выносом «нового» в начало. Если в дореволюционных статьях о молодежи (как и в 20-е годы) на 100 предложений приходилось 1—4 эмфатических, то сейчас их 13—18, т. е. почти пятая часть:

Есть в Москве на одной тихой, зеленой улице Дом культуры промкооперации. Он кажется заброшенным и пустым. Тускло светятся окна, редко открывается тяжелая массивная дверь («Юность», 1960, № 9); *Может, кого-нибудь это и устраивает, только скучно, очень скучно молодым в этом Доме культуры* («Юность 1960, № 9); *Сушит, приземляет человека такой семейный союз* («Юность», 1960, № 5); *Вот и вырастают иногда молодые люди и девушки с самыми превратными взглядами на человеческие отношения* («Юность», 1960, № 5);

Нет, опять не утешила, не обрадовала Лену материнская мудрость («Юность», 1960, № 5); *Очень уж скоро все совершилось* (Там же).

С этим связано и широкое распространение постпозиции коммуникативно незначимого подлежащего, идущее из разговорной речи:

Очень уж скоро все совершилось, так скоро, что по-настоящему узнавать друг друга начали они, кажется, только став мужем и женой («Юность», 1960, № 5); *И вот студенткой, в девятнадцать лет, встретилась девушка со своей любовью* (Там же); *Рассказала мне кое-что и Анна Петровна, мать Николая. Человек она*

словоохотливый, простой и вещи называет своими именами (Там же); *Знаю я одну чету* («Семья и школа», 1964, № 5).

В своей совокупности перечисленные лексико-синтаксические признаки создают ведущее положение разговорных элементов в образовании стилистической характерности данного жанра. Однако окончательное формирование последней определяется не столько самим наличием и частотностью разговорных элементов, сколько их свободным и равномерным соединением с элементами книжной речи.

Например, рядом с элементами разговорной речи располагаются анафорические построения с синтаксическим параллелизмом. Они создают впечатление некоторой патетичности, торжественности высказывания; но благодаря тому, что лексическое наполнение таких синтаксических конструкций образуется за счет разговорного пласта, сам характер этой патетичности приобретает особый оттенок, присущий интимно-фамильярной «раскованной», «доверительной» речи, в высшей степени свойственной современным взаимоотношениям писателя-публициста и читателя: Ср.:

А что, если еще в стенах университетов и пединститутов комплектовать молодежные коллективы для новых школ в сельских местностях! Чтоб дружные и энергичные ребята, знающие друг друга со студенческой скамьи, ехали вместе работать, вместе жить. Чтоб они могли привить своим ученикам не только знание таблицы умножения, но и любовь к красоте («Юность», 1961, № 8); *Но это героини не для Рэны. Это искусство не для нее. Другие переживают, другие волнуются, пусть даже плачут, после кино часами молча бродят по дремлющим улицам. Другие не спят по ночам, широко раскрытыми глазами глядя в темноту. Другие, увлеченные своими героями, за тысячи километров уходят от родного дома туда, где пахнет таежной хвоей и асфальтом новых шоссе. И это радость* («Юность», 1960, № 6); *Они жили в Москве, и каждый год он приезжал к ним в отпуск. Им, да еще своему престарелому отцу, за которым ухаживала его сестра, посылал он бо́льшую часть заработка, оставляя себе лишь на самое необходимое. Им писал письма. О них тосковал. Большая любовь его к жене прошла через все испытания, не дрогнула, не остыла* («Семья и школа», 1964, № 2).

Таким образом, хотя ведущими в «раздумьях о молодежи» становятся разговорные элементы, только в своеобразном сочетании с книжными, часто подчеркнуто патетическими, приемами речи они создают особый жанр публицистики, резко отличный от жанра международных обзоров и статей о молодежи прошлых лет.

Характерно, что стиль «раздумий о молодежи» резко отличается от статей очеркового характера, также посвященных молодежи. Очерковым статьям типа «Герой эпохи» свойственна книжность лексики (*меч возмездия, чувство восторга, рядовой науки, дар экспериментатора*), более сложные синтаксические конструкции, отсутствие типичных для «раздумий» свободно-разговорных оборотов и построений.

Вместе с тем «раздумья» как особый, недавно сформировавшийся жанр публицистического стиля имеют характерные черты, объединяющие молодых авторов (например, в журнале «Юность») и делящихся с молодежью опытом более ранних поколений писателей-публицистов (журнал «Семья и школа»); авторов, пишущих о молодежи, и авторов, предметом размышления которых являются другие стороны и явления нашей жизни: судьбы искусства, общественных форм быта, экономики и промышленности и т. д. (см., например, статьи И. Бессонова и Ю. Феофанова «Рычаги и тормоза». —«Известия», 1966, № 29, упомянутую статью А. Райкина и др.).

* * *

Развитие публицистического стиля — это, очевидно, прежде всего формирование новых жанров, которое целиком и полностью связано с социальными изменениями: общий характер новых жанров публицистики (что наглядно подтверждают статьи, выдержанные в жанре «размышлений») отражает такие новые черты нашего общества, как, например, сближение личных и общественных интересов, стремление увидеть большое в малом, подчеркнуть социальную значимость «мелочей». Вместе с тем, для этих жанров характерна индивидуализация и психологизация (всегда конкретные люди, факты и рассуждения не вообще, а только по поводу конкретных статей, стремление к интимной, откровенной беседе с каждым отдельным читателем). Отсюда и стилистическая новизна: элементы «художественности» (введение диалога, несобственно-прямой речи), широкая употребительность разговорной речевой стихии, специальные приемы «интимизации» речи (вопросно-ответное построение текста, сегментированные конструкции и т. д.)[15].

Общие для всех жанров тенденции развития публицистического стиля (устранение книжности и сближение с разговорной речью), обусловленные расширением и изменением круга пишущих и читающих, как уже было отмечено, проявлялись на разных этапах развития русского языка в советскую эпоху неравномерно.

20-е годы — период наиболее острых стилистических контрастов. С одной стороны, наблюдается как бы всплеск «книжности»,

[15] См. раздел «О проникновении разговорных форм предложения в письменную речь» в кн. Н. Ю. Шведовой «Активные процессы в современном русском синтаксисе» (М., 1966), где намечены две ступени «вхождения» разговорных конструкций в систему письменной речи. «Вторая ступень» представляет собой стабилизацию разговорных элементов на правах внутренних членов системы письменной (т. е. книжной) речи. Это явление, наблюденное в современной газетной речи по «месту» происхождения, несомненно, связано со стилевыми особенностями публицистических жанров, подобных «размышлениям о молодежи».

являющийся следствием продолжения прошлых традиций, результатом неумения писать по-новому — во-первых, и общего высокого колорита литературы эпохи, которая отмечена грандиозностью исторических событий,— во-вторых. С другой стороны, массовое проникновение жаргонно-просторечной стихии. Результат — столкновение книжной и просторечной лексики (рядом: *благосостояние и буян*, *гулянка; внедрение* и *мордобой; пассивность*, *пессимистический* и *самогонка*, *с гиком*), столкновение книжного синтаксиса и разговорной лексики и т. д.

30-е годы — господство нейтрального стиля во всех областях речевой деятельности. Соответственно приостанавливается дальнейшая экспансия разговорной речи и в публицистическую речь.

Годы войны усиливают общее «повышение» публицистической стилистики. Здесь можно говорить о втором «всплеске книжности». Но одновременно в этот период активизируется и тенденция к лаконичности и простоте изложения, достигаемых как средствами книжной, так и средствами разговорной речи.

И, наконец, послевоенные годы — энергичное взаимопроникновение разговорных и книжных речевых пластов, с преобладанием первых, в новых публицистических жанрах.

В развитии публицистического стиля на протяжении всех рассматриваемых периодов наблюдается действие двух противоположных тенденций: 1) тенденция к образованию типичных для данного стиля конструкций и оборотов, к типизации словоупотребления, что, естественно, ведет к возникновению функционально-прикрепленных штампов; 2) тенденция к устранению штампов, к оживлению повествования свежими словесными оборотами.

В результате действия противоположных тенденций каждый период характеризуется своими «функциональными стандартами».

Для начала века, например, в качестве штампов характерны «пустые» отвлеченные существительные на *-ость* и *ство*; в 20—30-е годы казенные обороты типа *вопрос о*, *руководящие указания*, *центральное звено* и т. д. В наше время в публицистике легко становятся штампами еще недавно «свежие» разговорные слова и конструкции (местоименные обороты; «необычные» только поначалу определения типа *большое искусство*, *большой разговор*; структуры типа *дом, что стоит у обочины* и т. д.)

Основные качественные изменения в публицистическом стиле происходят в военные и главным образом в послевоенные годы. Это годы, когда уже полностью сложилась новая, советская интеллигенция, что, видимо, сказалось и на круге авторов и, разумеется, привело к изменению круга и культурного уровня читателей. Общая грамотность, широкое распространение высшего образования привели к подъему культурного уровня и литературного вкуса населения, а это не могло не сказаться и па стилистике публицистической речи. Простота стала основным признаком хорошего слога.

Исследование некоторых частных особенностей двух публицистических жанров показало также характерную черту в изменении соотношения элементов жанрового состава публицистического стиля, обусловленную закономерностями его развития в советское время. Различие в составе публицистических жанров и размежевание их языково-стилистических свойств ведет, с одной стороны, к более отчетливой жанровой дифференциации и, с другой стороны, к оформлению стилистического единообразия внутри резко обозначившихся жанровых разновидностей.

Если дореволюционный период дает приблизительно одинаковую стилистическую и языковую картину для международных обзоров и статей о молодежи, то в наше время эти два жанра стилистически противопоставлены.

В этом отношении достаточно показательны количественные данные распределения классов слов по 21 выборке на 1000 слов из статей того и другого жанра, распределенные по четырем синхронным срезам (I — дореволюционный период: II — 20—30-е годы; III — годы войны; IV — современность) (см. табл. 4).

Ср., например, резкое увеличение разницы количества существительных в современный период по сравнению с дореволюционным: I — для международного обзора — 326; для статей о молодежи—309; IV — для международного обзора—373, для статей о молодежи — 259.

Ср. также одинаковое количество глаголов в выборках по международному обзору для всех четырех срезов и увеличившееся их число (за счет уменьшения числа существительных) в выборках по статьям о молодежи современного периода: для международного обзора I и IV периода — соотношение существительных и глаголов — 326 и 118; 373—119; для статей о молодежи: I — 309—155; IV — 259—163.

Рост «глагольности» (с точки зрения обслуживания определенной речевой сферы глаголами за счет отглагольных имен[10]), а также такие факты, как уменьшение количества причастий в статьях о молодежи и их постоянное количество в международных обзорах и, наоборот, уменьшение местоимений (прежде всего личных) в последних на фоне их увеличения в первых — говорят о несомненном стилистическом расхождении этих двух, ранее близких, жанров и об изменении стиля в жанре «размышлений о молодежи».

И то и другое явление иллюстрируют общую для языка нашей эпохи стилистическую тенденцию к взаимопроникновению стилей и внутристилевой дифференциации.

См. таблицы распределения классов слов для международного обзора и для статей о молодежи:

[10] См. о стилистических свойствах глагола и отглагольного имени: А. М. Пешковский. Сборник статей (ст. «Глагольность как выразительное средство»). Л., 1925; Г. О. Винокур. Глагол или имя. «Русская речь», III, 1928.

Таблица 4

Распределение классов слов в публицистическом стиле (на 1000 слов)

А. Международный обзор

Период	№ выборки	Существительные	Прилагательные			Местоимения					Числительные	Наречия	Глаголы					Служебные слова	Предикативы	Вводные слова
			качественные	относительные	всего	родовые	неродовые	переходные	пропонимальные	всего			знаменательные	вспомогательные	причастия	деепричастия	всего			
I	1	345	60	38	98	58	28	4	11	101	30	29	73	16	32	9	130	232	18	2
	2	313	53	78	131	44	18	11	7	80	17	44	94	20	15	5	134	245	14	8
	3	319	56	87	143	45	12	6	10	73	41	47	62	4	13	10	89	237	8	16
	Среднее	326	56	68	124	49	19	7	9	85	29	40	76	13	20	8	118	238	13	9
II	1	344	55	102	157	35	15	7	7	64	37	59	94	3	12	9	118	209	3	4
	2	355	43	73	116	58	25	9	6	98	9	22	88	2	23	7	120	236	33	10
	3	366	59	106	165	38	14	8	4	64	43	28	66	—	25	4	95	225	6	5
	Среднее	355	52	94	149	44	18	8	6	75	30	36	83	2	20	7	111	223	14	6
III	1	394	20	74	94	21	15	10	8	54	71	27	90	—	11	8	109	231	15	—
	2	355	58	76	134	65	22	6	4	97	16	28	75	2	21	4	102	248	17	—
	3	343	52	112	164	39	21	10	3	73	14	19	73	—	17	4	94	261	22	1
	Среднее	364	43	87	131	42	19	9	5	75	34	25	79	1	16	5	102	247	18	—
IV	1	380	35	87	122	24	13	13	9	59	12	31	97	4	16	4	121	232	11	6
	2	351	46	85	131	26	17	12	9	64	35	26	102	—	18	4	124	235	25	3
	3	387	45	69	114	34	11	6	8	59	26	37	77	—	31	5	113	235	14	4
	Среднее	373	42	80	122	28	14	10	9	61	24	31	92	1	22	4	119	234	17	4

* Примечание. Для I периода знаменательных слов — 744, служебных — 238; для II периода знаменательных слов — 776, служебных — 223; для III периода знаменательных слов — 740; служебных — 247; для IV периода знаменательных слов — 761, служебных — 231.

Таблица 4 (окончание)

Б. Раздумья о молодежи

Период	№ выборки	Существительные	Прилагательные			Местоимения					Числительные	Наречия	Глаголы					Служебные слова	Предикативы	Вводные слова
			качественные	относительные	всего	родовые	неродовые	переходные	пропонимальные	всего			знаменательные	вспомогательные	причастия	деепричастия	всего			
I	1	262	71	13	84	37	52	17	9	115	21	71	119	4	40	20	183	240	20	13
	2	349	36	38	74	41	16	4	9	70	10	46	96	22	25	2	145	247	23	4
	3	315	50	22	72	56	32	17	8	113	11	44	97	9	28	3	137	254	19	16
	Среднее	309	52	24	77	45	33	13	9	99	14	54	104	12	31	8	155	247	21	11
II	1	310	56	48	104	53	21	9	11	99	10	49	89	—	14	1	104	291	17	10
	2	283	68	42	110	58	50	19	5	132	3	65	90	—	14	5	109	256	32	6
	3	337	95	49	144	36	22	5	14	77	4	49	81	—	21	7	109	248	12	14
	Среднее	310	73	46	119	51	31	11	10	103	6	54	87	—	16	4	107	265	20	10
IV	1	235	41	15	56	52	84	24	8	168	—	71	148	—	12	11	171	259	26	10
	2	248	65	14	79	49	59	30	6	144	6	54	144	—	17	4	165	272	30	2
	3	293	65	42	107	36	59	11	9	115	10	46	132	—	16	4	152	245	23	3
	Среднее	259	57	24	81	46	67	22	8	142	5	57	141	—	15	6	163	259	26	5

Примечание: Для I периода знаменательных слов — 740; служебных — 247; для II периода знаменательных слов — 729; служебных — 265; для IV периода знаменательных слов — 738, служебных — 259

Таблица 4

Распределение классов слов в публицистическом стиле (на 1000 слов)

А. Международный обзор

Период	№ выборки	Существительные	Прилагательные			Местоимения					Числительные	Наречия	Глаголы					Служебные слова	Предикативы	Вводные слова
			качественные	относительные	всего	родовые	неродовые	переходные	прономинальные	всего			знаменательные	вспомогательные	причастия	деепричастия	всего			
I	1	345	60	38	98	58	28	4	11	101	30	29	73	16	32	9	130	232	18	2
	2	313	53	78	131	44	18	11	7	80	17	44	94	20	15	5	134	245	14	8
	3	319	56	87	143	45	12	6	10	73	41	47	62	4	13	10	89	237	8	16
	Среднее	326	56	68	124	49	19	7	9	85	29	40	76	13	20	8	118	238	13	9
II	1	344	55	102	157	35	15	7	7	64	37	59	94	3	12	9	118	209	3	4
	2	355	43	73	116	58	25	9	6	98	9	22	88	2	23	7	120	236	33	10
	3	366	59	106	165	38	14	8	4	64	43	28	66	—	25	4	95	225	6	5
	Среднее	355	52	94	149	44	18	8	6	75	30	36	83	2	20	7	111	223	14	6
III	1	394	20	74	94	21	15	10	8	54	71	27	90	—	11	8	109	231	15	—
	2	355	58	76	134	65	22	6	4	97	16	28	75	2	21	4	102	248	17	—
	3	343	52	112	164	39	21	10	3	73	14	19	73	—	17	4	94	261	22	1
	Среднее	364	43	87	131	42	19	9	5	75	34	25	79	1	16	5	102	247	18	—
IV	1	380	35	87	122	24	13	13	9	59	12	31	97	4	16	4	121	232	11	6
	2	351	46	85	131	26	17	12	9	64	35	26	102	—	18	4	124	235	25	3
	3	387	45	69	114	34	11	6	8	59	26	37	77	—	31	5	113	235	14	4
	Среднее	373	42	80	122	28	14	10	9	61	24	31	92	1	22	4	119	234	17	4

Примечание. Для I периода знаменательных слов — 744, служебных — 238; для II периода знаменательных слов — 776, служебных — 223; для III периода знаменательных слов — 749; служебных — 247; для IV периода знаменательных слов — 751, служебных — 234.

Таблица 4 (окончание)

Б. Раздумья о молодежи

Период	№ выборки	Существительные	Прилагательные			Местоимения					Числительные	Наречия	Глаголы					Служебные слова	Предикативы	Вводные слова
			качественные	относительные	всего	родовые	неродовые	переходные	прономинальные	всего			знаменательные	вспомогательные	причастия	деепричастия	всего			
I	1	262	71	13	84	37	52	17	9	115	21	71	119	4	40	20	183	240	20	13
	2	349	36	38	74	41	16	4	9	70	10	46	96	22	25	2	145	247	23	4
	3	315	50	22	72	56	32	17	8	113	11	44	97	9	28	3	137	254	19	16
	Среднее	309	52	24	77	45	33	13	9	99	14	54	104	12	31	8	155	247	21	11
II	1	310	56	48	104	53	21	9	11	99	10	49	89	—	14	1	104	291	17	10
	2	283	68	42	110	58	50	19	5	132	3	65	90	—	14	5	109	256	32	6
	3	337	95	49	144	36	22	5	14	77	4	49	81	—	21	7	109	248	12	14
	Среднее	310	73	46	119	51	31	11	10	103	6	54	87	—	16	4	107	265	20	10
IV	1	235	41	15	56	52	84	24	8	168	—	71	148	—	12	11	171	259	26	10
	2	248	65	14	79	49	59	30	6	144	6	54	144	—	17	4	165	272	30	2
	3	293	65	42	107	36	59	11	9	115	10	46	132	—	16	4	152	245	23	3
	Среднее	259	57	24	81	46	67	22	8	142	5	57	141	—	15	6	163	259	26	5

Примечание: Для I периода знаменательных слов — 740; служебных — 247; для II периода знаменательных слов — 729; служебных — 265; для IV периода знаменательных слов — 738, служебных — 259

О. А. Лаптева

ВНУТРИСТИЛЕВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ПРОЗЫ

I

Научный стиль выделяется среди других функциональных стилей современного русского языка высокой степенью определенности своих языковых характеристик. Его положительные и отрицательные показатели лежат и в области собственно структурной (ср., например, обязательное наличие длинных цепочек последовательно прикрепляющихся генитивов и обязательное отсутствие возникших на базе диалога построений и т. д.), и — преимущественно — в области реального распределения языковых средств в речевой деятельности. Исследователи не раз называли в качестве особенностей научного стиля его насыщенность сложными предложениями с союзной связью, причастными и герундивными оборотами, предложениями с прямым порядком слов, отмечали его именной характер, отсутствие показателей экспрессивности и эмоциональности, слабо выраженный модальный план, высокую среднюю длину предложения и т. д.[1]

Если стиль — это система, обнаруживающая стремление к замкнутости, то стилевые качества научной прозы обладают весьма высокой степенью реализации этого свойства системы. В этом научный стиль сближается с разговорным, образуя в паре с ним своего рода биполярную комбинацию [2]. Не случайно большинство исследований функциональных стилей посвящено именно этим двум.

Особенно охотно и интенсивно показатели научного стиля исследуются на романо-германском материале. Научные стили современных романо-германских языков позволяют исследователям выделять некоторые общие категории, оперировать набором отвлеченных понятий. В этом смысле научный стиль представляет собою весьма благодарный материал для изучения[3].

Вместе с тем интенсивный процесс межстилевых сближений и взаимодействий, в наше время все более активизирующийся и расширяющийся, создает значительные трудности для выявления специфических характеристик отдельного стиля. Так, научный стиль обнаруживает, например, большую близость с канцелярско-деловым. Эти два стиля, имея во многом общий генезис, будучи родственными по происхождению, в период своего становления в качестве самостоятельных стилей наряду с процессами дивергенции всегда показывали и много пунктов конвергенции, сближения, в результате чего образовался сложный конгломерат исходных общностей и позднейших схождений и взаимопроникновений. Например, общее для обоих стилей стремление вместить в пределы одной фразы максимум необходимой информации ведет к насыщению конструкции субстантивами, обычно выстроенными в виде цепочки последовательно прикрепляющихся генитивов, причем такие цепочки, становясь все более и более показательными для научного стиля, не менее показательны и для канцелярско-делового (хотя в научном они имеют обычно более пространные размеры). Приведем подряд несколько примеров из обоих стилей, имеющих структуру и глагольной фразы, и номинативной фразы-названия:

Вероятно, подобная спорадичность поселений сурков не вытекает только из особенностей размещения благоприятных мест обитания у пределов распространения; О результатах относительно возможности опубликования представленной статьи прошу сообщить по указанному адресу; Тезисы и план докладов на VII Международном семинаре преподавателей русского языка высших учебных заведений социалистических стран; К изучению состояния и развития национальных литературных языков народов Советского Союза; XXII съезд КПСС и задачи изучения закономерностей развития современных национальных языков Советско-

[1] На русском материале см., например: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 2. М., 1955, стр. 262—267; Г. А. Лесскис. О размерах предложений в русской научной и художественной прозе 60-х годов XIX века.— ВЯ, 1962, 2; Он же. О зависимости между размером предложения и характером текста.— ВЯ, 1963, 3; Он же. О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста.— ВЯ, 1963, 3; Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки. М.— Л., 1964; Н. Э. Беркович. Страдательный оборот в разных стилях современного русского языка. «Вопросы русского языкознания». Саратов, 1961; В. А. Богданова. Именное сказуемое в художественном и научном стилях. «Вопросы стилистики», вып. 2. Саратов, 1965; Г. Г. Полищук, Б. Ф. Игнатов. Распространенное несогласованное определение в разных стилях речи. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Саратов, 1965; Н. И. Ильминская. Обособленные обороты со значением добавочного сообщения в разных стилях современного русского языка.— Там же

[2] Эти вопросы занимали большое место в трудах представителей Пражской школы. Вопрос о «слоях», возникающих при структурном членении литературного языка, в частности о разговорном и научном «слоях», рассматривается в теоретическом плане в работе: Б. Гавранек. О функциональном расслоении литературного языка. «Пражский лингвистический кружок». Сборник статей. М., 1967, особ. стр. 433—436.

[3] Обзор литературы см.: Н. С. Бухтиярова. Об изучении стиля научной прозы. «Особенности языка научной литературы (романо-германская филология)». М., 1965.

го Союза; Комиссия государственного контроля Совета Министров РСФСР; Управление совхозов нечерноземных областей; О случае снижения скорости жидкофазного окисления под влиянием избытка кислорода; Разброс значений концентраций отдельных измерений в каждой серии не превышал ± 1%; Во избежание попадания в гребенку не ставьте вещи на ступени; В случае падения пассажира, защемления одежды и обуви останавливайте эскалатор ручкой «стоп».

Как видно из этих примеров, информативно-повествовательный способ изложения в научном тексте или директивно-указательный слог объявления, конечно, проявляются и в соответствующих языковых приметах, однако экспансия субстантивов, сопровождающаяся их стереотипным последовательным выстраиванием, налицо и там и здесь. Положение таких субстантивов все более упрочивается благодаря росту массы юридически-законодательной, официально-документальной, директивной, инструктивной, программно-методической, справочно-информационной, внутриведомственно-циркулярной и т. п. литературы, с одной стороны, и научной — с другой.

Задача выявления специфических языковых характеристик стиля еще более усложняется, если обратиться к изучению эволюции, и особенно эволюции на сравнительно коротком отрезке времени. Возникающие здесь дополнительные трудности в основном связаны со следующими обстоятельствами.

1. Эволюция стиля, естественно, определяется прежде всего общеязыковой эволюцией. Отмирание старых языковых средств, вхождение в речевой оборот новых охватывает литературный язык в целом, во всей совокупности его функциональных стилей, чем и достигается единство литературного языка на каждом отдельном этапе его развития и обусловливается последовательная смена языковых состояний. Однако в применении к микроистории положение оказывается сложнее.

Отдельный функциональный стиль, отражая общеязыковые диахронические процессы (постольку, поскольку в нем оказываются употребительными соответствующие общеязыковые средства), в основном изменяется по некоторым, лишь ему свойственным, специфическим направлениям. Эти направления прежде всего определяются тем, что отдельному функциональному стилю, например научному, на протяжении короткого периода оказывается свойственной не столько смена отдельных средств языкового выражения, сколько изменение некоторого их комплекса. Комплекс этот изменяется неотвратимо и непрерывно, в то время как отдельные языковые средства в его составе могут оставаться в основном теми же. Изменение его облика обусловлено прежде всего разной степенью реальной представленности отдельных языковых явлений, разной степенью привлечения тех или иных средств языкового выражения (это в свою очередь оказывается тесно связанным с языковой модой, в данном случае с внутристилевой модой на наиболее употребительный набор средств выражения). Упрощая, можно сказать, что если при эволюции языка в целом на каком-то отрезке удобно говорить о смене отдельных явлений, то при эволюции стиля на этом же отрезке приходится говорить не только и не столько о смене отдельных явлений, сколько об изменении некоего целостного их комплекса.

2. Меняется также и характер соотношения специфически стилевого и общелитературного (в сторону увеличения удельного веса первого), что связано с ростом самостоятельности и качественной определенности функциональных стилей, с усилением межстилевой дифференциации, укрепляющейся по мере развития литературного языка.

В области научного стиля рост его самостоятельности и сопряженных с ней нормативных качеств, выработка своего рода условного языка науки связаны и с экстралингвистическими факторами, и прежде всего с развитием самой науки, со степенью познания и расчленения ее объекта, с непрерывно растущей специализацией и спецификацией ее отраслей, со все более повышающейся точностью исследования и описания, с пуристическим отказом от всяческих уступок в научном исследовании всему инородному, органически не связанному с наукой. Наука приобретает все большее и большее значение в общественной жизни, и это сопровождается ростом специфических качеств ее языка, усилением стремления системы языковых средств научного стиля к замкнутости.

Комплекс средств выражения научного стиля чутко отзывается на все колебания в темпах развития науки. Общее убыстрение темпа жизни и развития науки сказывается на скорости изменения этого комплекса. Так, для английской научной журнальной прозы XIX в. оказалось возможным принять за точку на синхронном срезе целое тридцатилетие[4], в то время как в современной русской научной журнальной прозе однородность слога в строгом смысле слова наблюдается приблизительно в пределах десятилетия.

3. Для языка научной литературы, как и для языка художественной литературы, остро стоит проблема соотношения общестилевых и индивидуальных особенностей, поскольку обе эти разновидности литературного языка связаны с письменным творчеством. В научной литературе соотношение общего и индивидуального чрезвычайно изменчиво, оно, в целом развиваясь в направлении безусловного преобладания общего, показывает в своем изменении, однако, отнюдь не прямую, а скорее зигзагообразную линию, отступая под воздействием, например, отдельной ярко одаренной в литературном отношении личности (здесь надо ого-

[4] См.: Н. М. Разинкина. Элементы эмоционально-субъективной оценки в стиле английской научной прозы (автореф. канд. дисс.). М., 1965.

вориться, что мы имеем в виду лишь собственно научный, но ни в коем случае не научно-популярный стиль, поскольку последний весьма близок к беллетристике и показывает совсем иное развитие соотношения общего и индивидуального), а иногда и под воздействием общественных условий и, конечно, жанра научного произведения. Наступлению общего, с другой стороны, способствует такое экстралингвистическое обстоятельство, как все более расстраняющееся коллективное творчество. Для соотношения «общее — индивидуальное» в его историческом развитии в научной прозе существенной оказывается антиномия «монография — статья» (если понимать под последней произведение среднего размера или небольшое сообщение информативного характера).

Эволюция научных жанров — это тема, заслуживающая самостоятельного изучения. Здесь отметим лишь в качестве иллюстрации, что если, например, в русском периодическом научном издании начала нашего века возможно было и крупное, очень близкое к монографии, сочинение, и крошечная заметка размером в половину полосы, то в наши дни научный журнал помещает как правило лишь статьи заданного объема, что, конечно, способствует унификации их композиции и слога. Здесь приходится упомянуть еще и такой, казалось бы, малозначительный, а на деле весьма приметный фактор унификации слога, как литературная вычитка, все более активизирующаяся в наши дни.

Говоря о соотношении «общее — индивидуальное», приходится вспомнить и еще об одном аспекте проблемы. Если и в художественной прозе не каждый пишущий — писатель, то в научной прозе процент «писателей» в общей массе пишущих еще гораздо ниже. Речь идет о степени владения нормами литературного языка. С количественным ростом науки и армии научных работников растет и число людей, не вполне совершенно чувствующих современные общелитературные нормы. Как это ни парадоксально, владение внутристилевой научной нормой у этой категории людей обычно выше, чем понимание общенормативных качеств того или иного языкового средства. Гораздо реже можно встретить погрешность против требований данного функционального стиля, чем против требований литературной нормы (а ведь в любом стиле скрещиваются требования обеих разновидностей нормы — общелитературной и внутристилевой). В современной редакции научного, особенно негуманитарного, журнала никого не удивит, если автор принесет текст с такими, например, ошибками:

По этим результатам лодка могла, не всплывая, иметь представление о силе ветра на поверхности; Сопоставляя фаунистический состав планктона Ионического моря с черноморским, нельзя не подчеркнуть несравненное его разнообразие; Но, в связи с тем, что в использованных методах точность определения периодов невелика, то, возможно, полученная величина периода в 16 часов соответствует периоду инерционных колебаний 14,6 часа; ... наибольший уровень радиоактивности регистрируется в представителях иглокожих (морские звезды); Сосредоточение большого поголовья сельскохозяйственных животных и обилие грызунов повлекло к формированию массивных очагов переносчика клещевого сыпного тифа клеща Dermacentor nutalliolen; Рыба, не достигнув необходимой жирности, созревает не вся, а часть рыб, впервые нерестущих, остается не созревшими к двухлетнему возрасту; Автор увязывает это с меньшей амплитудой колебания их укороченного бура, тогда как общий размах движения конечности восполняется за счет удлиненного метатарза. С другой стороны, у козлов удлиненная подвздошная кость и соответствующая длина ягодичной мышцы способствуют большему размаху бедра.

Нельзя сказать, чтобы погрешности в слоге, так называемые стилистические ошибки, не были свойственны и выступающим в жанре научной прозы в начале нашего века. И тогда не всегда умело сочетались слова в словосочетании, строилась фраза, употреблялись союзы и т. п. Но некоторые ошибки тогда заведомо не встречались. Речь идет о случаях типа приведенных: *повлекло к формированию, регистрируется в представителях*, — которые представляют собою плохо усвоенные канцеляризмы. Пишущему в начале нашего века благодаря меньшей сформированности и строгости внутристилевой научной нормы приходилось прежде всего в каждом отдельном случае решать общестилистические задачи. Если и писали плохо, то всякий раз по-своему. И каждому приходилось становиться стилистом. Сейчас задача пишущего упростилась: ему прежде всего приходится иметь дело с требованиями внутристилевой нормы, а они значительно у́же, чем требования общелитературной. Тем самым слог среднего пишущего становится более «правильным», но и более однообразным и стертым. Чтобы написать в наше время научную статью, не нужно вообще уметь писать: достаточно иметь в своем распоряжении лишь некоторый (сравнительно ограниченный) набор языковых средств. Если микроистория научного стиля нашего века связана с историей создания новой научной интеллигенции, то тем самым она связана и с отступлением от требований общелитературных норм под натиском все более крепнущих внутристилевых.

Укрепление «общего» за счет «индивидуального» влияет и на то, как оказывается представленной в русском научном стиле рассматриваемого периода проблема выражения эмоционального. Стиль научных работ становится все более и более строгим, все менее и менее эмоциональным, что связано, конечно, с ростом и развитием объективных методов познания. Подробнее об этом будет сказано в следующем разделе работы. Здесь заметим лишь, что исчезновение живости и эмоциональности изложения шло не всегда строго последовательно: иногда более поздние работы пи-

шутся более вольным слогом, чем писанные несколькими годами прежде. Так, в «Журнале русского физико-химического общества при Петроградском университете. Часть химическая» в 1921 г. помещена статья Б. В. Бызова и М. К. Поповой «Вулканизация в растворах серы» (т. III, вып. 1—2—3), выдержанная во вполне современных беспристрастно-объективных тонах, а в том же журнале в 1927 г. помещена статья Ю. С. Залькинда и О. П. Уткиной «О действии бромистого водорода на диметилдифенилбутиндиол» (т. LIX, вып. 3—4), по вольности своего слога сближающаяся скорее с научной литературой самого начала века, хотя идентичные объекты изучения обеих статей не дают оснований для различных стилистических трактовок.

Все сказанное побуждает с особым вниманием отнестись к методам исследования русской научной прозы в ее эволюции на протяжении нашего столетия. В принципе можно было бы представить себе разные способы такого исследования. Весьма надежные результаты дало бы фронтальное и последовательное изучение реального распределения всех языковых явлений научной прозы на всех этапах ее развития. Но это — дело будущего. Затем можно было бы обратиться к вероятностно-статистическому изучению отдельных языковых явлений научной прозы на отдельных этапах ее развития. Применительно к современному ее состоянию такие попытки имеются [5]. Но для наших целей это означало бы дробление задачи, отказ от качественной, внутренней характеристики некоего искомого комплекса в его эволюции.

Мы полагаем, что было бы целесообразно вычленить некие два пункта в состоянии объекта — условно начальный и условно конечный, и подвергнуть их взаимному сравнению по некоторой группе показателей. В качестве таких пунктов избираем ориентировочно 1901—1905 гг. и 1963—1964 гг. Условность вычленения этих пунктов, конечно, сомнений не вызывает, но, с другой стороны, выбор именно этих пунктов связан и с известными реальными обстоятельствами развития самой науки. Для того чтобы избежать несравнимости объекта, с одной стороны, и его излишнего однообразия, с другой, избираем язык зоологии (из естественных наук более близкой по языку к гуманитарным наукам) и химии (стоящей ближе к физико-математическим наукам) с привлечением данных и некоторых других наук.

Обе избранные нами науки, как известно, насчитывают в России по крайней мере два столетия своего существования. Их становление на первых порах, как и становление других наук, сопровождалось выработкой специальной терминологии. Энциклопедическая образованность ученых старших поколений, их принадлежность к культурной верхушке не способствовали разработке системы специфических языковых средств, принятых только в научных произведениях. Первые пишущие в этих (и других) областях науки хорошо владели письменно-литературной речью в широком смысле слова (которая, кстати, в те времена обладала менее строгой нормативностью, чем сейчас). Контингент их был достаточно однороден. Для этого времени не всегда удается провести языковую грань между беллетристическим и научным произведением [6].

Да и самый предмет науки был, естественно, менее исследованным и потому менее расчлененным. С течением времени меняются научные понятия, их отношения, способы их описания. Зоология, например, начала свое письменное существование с описаний путешествий и экспедиций, что само по себе, конечно, весьма роднило ее с беллетристикой. Систематические описания фауны различных губерний, широко ведшиеся в XIX в., начинают по мере накопления материала и количественного роста науки соседствовать с описаниями морской фауны, фауны отдельных областей (Восточной Сибири, Хевсуретии, Дагестана, Талыша, Карабаха, Закаспия, Хорасана); развиваются энтомология, орнитология, зоопсихология, эволюционная эмбриология, сравнительная анатомия животных. В XX в. количество частных отраслей зоологии еще более увеличивается — здесь уже можно назвать исследования по морфологии и сравнительной анатомии животных, по морфологии позвоночных, по эмбриологии, паразитологии, экологии, зоогеографии, исследования отдельных групп животных и т. п. Множится количество специальных учреждений, кафедр, научных обществ; зоологией занимаются в министерствах, заповедниках. Резко возрастает количество зоологических изданий и научной продукции, появляется все большее количество коллективных работ. Подобная картина характерна и для химии, которая разделилась на ряд самостоятельных дисциплин, и для других наук.

Мы взяли в качестве условных пунктов обследования самое начало и 60-е годы века, потому что наблюдать эволюцию стиля по более мелким этапам очень трудно, она почти незаметна. Казалось, естественно было бы ожидать, что в эпоху революции или, может быть, несколько позднее в языке науки определится некоторый сдвиг, более или менее заметные изменения. Однако в действительности подобного скачка не наблюдается. Преемственность традиции оказалась в научном стиле весьма устойчивой.

Таким образом, при исследовании интересующего нас языкового комплекса в двух его состояниях приходится иметь в виду и разный уровень трактовки объекта, выражаемого этим комплек-

[5] Ср., например: С. И. Кауфман. Об именном характере технического стиля.— ВЯ, 1961, 5; Г. А. Лесснис. Указ. соч.

[6] Подробнее см.: О. А. Лаптева. О некоторых синтаксических тенденциях в стиле современной научной прозы (по материалам редакторской правки). «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966.— О сходных явлениях в развитии французского научного стиля см.: М. Б. Воробьева. Об этапах развития французского математического языка. «Особенности языка научной литературы».

сом, и развитие жанров, и разную представленность проблемы индивидуального (последнее осложняется еще и тем, что в ряде случаев на авторский индивидуальный стиль наслаивается редакторский индивидуальный стиль, в других же случаях редакторы охотнее следуют шаблону). Все это сильно затрудняет сравнение, нарушает параллелизм сравниваемых состояний. Чтобы максимально отвлечься от названных факторов, мы избираем предметом сравнения журнальные статьи, преимущественно рядовых авторов. Для начала века подверглось обследованию все кажущееся необычным для научного стиля с точки зрения современного языкового восприятия, для 60-х годов — результаты редакторской правки авторского текста (этот материал хорошо отражает тенденции развития современного научного стиля). К сравнению привлекались и некоторые произведения, написанные в другие годы.

Привлечение рукописного материала позволяет сделать сопоставление источников более показательным. Этот материал, представляющий собою авторский текст, подвергнутый редакторской обработке, дает возможность принять во внимание сразу и начальный и конечный вариант, подготовленный для печати; последний, выработанный при вмешательстве редактора, в языковом отношении является как бы результатом отталкивания от всего стилистически не нормированного, содержащегося в начальном варианте, которое, таким образом, наглядно демонстрируется в редакторской правке [7].

Вот список обследованных изданий и рукописей:

«Труды Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Отделение зоологии и физиологии»:

Вл. Вагнер. Об окраске и мимикрии у животных, т. XXXI, вып. 2, 1901 (В). Разделы I—IV расписаны сплошь, остальные выборочно;

В. Вагнер. Биологический метод в зоопсихологии, т. XXXIII, вып. 2, 1903 ($В_1$). Расписано выборочно;

П. И. Козловский. К вопросу о нервах пищевода у млекопитающих животных, т. XXXII, вып. 2, 1902 (К). Расписано выборочно;

К. К. Сент-Илер. Наблюдения над обменом веществ в клетке и ткани, т. XXXIII, вып. 2, 1903 (С). Расписано выборочно;

И. Куницкий. Происхождение и развитие кутикулярных волосков на лапках геконов (Platydactylus mauritanicus), т. XXXIV, вып. 2, 1904 (Кун). Расписано выборочно;

С. Аверинцев. Исследования над паразитическими простейшими, т. XXXVIII, вып. 1908 (Авер). Расписано выборочно.

Другие зоологические издания:

Н. М. Воскресенский. О нахождении в Черном море у Севастополя рода Salmacina (vermes, serpulidae). «Труды Особой зоологической лаборатории и Севастопольской биологической станции Импер. АН», серия II, № 2. Пг., 1915 (Воскр). Расписано сплошь;

Э. И. Хотько. Морфологические особенности куколок некоторых видов совок (Lepidoptera, Noctuidae) подсемейства Hadeninae. «Зоологический журнал», т. XLIII, вып. 1, 1964 (Хотько). Расписано выборочно;

Л. Н. Домашевский. Некоторые особенности межвидовых отношений щуки и основных видов рыб в цимлянском водохранилище.— Там же (Дом). Расписано выборочно;

С. И. Медведев. О личинке пластинчатоусого жука Brenskea (?) (Coleoptera, Scarabaeidae) из Туркмении.— Там же (Мед). Расписано выборочно.

«Журнал русского физико-химического общества при Императорском Санкт-Петербургском ун-те»:

В. Н. Ипатьев. Пирогенетические контактные реакции с органическими веществами, т. XXXIII, вып. 8, 1901 (Ип.). Расписано сплошь;

П. Г. Меликов. Отношение перекиси водорода к некоторым солям, т. XXXIV, отд. I, 1902 (Мел). Расписано сплошь;

З. А. Погоржельский. О действии хлора на изобутилен, т. XXXVI, вып. 8, 1904 (Пог). Расписано выборочно;

К. В. Харчиков. К вопросу о разделении нефти на фракции посредством дробного осаждения.— Там же (Харч). Расписано выборочно;

Л. А. Чугаев. К методике получения ксантогеновых соединений. Там же (Чуг). Расписано выборочно.

А. Бутлеров. Введение к полному изучению органической химии. СПб., 1864 (Б). Расписано выборочно.

Рукописный материал:

«Журнал структурной химии», 1963, № 5, 6. Около 50 статей (СХ 5, СХ 6). Расписано сплошь;

«Океанология», 1963, №1,2. Около 50 статей (О 1, О 2). Расписано сплошь;

«Зоологический журнал», 1964, № 2. 28 статей (З). Расписано сплошь;

«Вопросы языкознания» разных лет (ВЯ). Расписано выборочно.

II

На протяжении рассматриваемого шестидесятилетия резкого скачка в развитии русского научного стиля не произошло. Это, естественно, объясняется тем, что комплекс языковых средств, характеризующих научный стиль, принадлежит к той устойчивой языковой общности, которую принято называть «современный русский литературный язык». В основной своей массе набор языковых средств, характеризующих научный стиль на протяжении сравнительно короткого периода микроистории, изменениям не подвергается.

Однако, если фиксировать лишь различающееся, лишь подвижное, изменчивое[8], то в микроистории научного стиля можно заметить явное движение по некоторым основным линиям, к которым оказываются прикрепленными те или иные языковые характеристики. Эти линии, образуя довольно сложный рисунок, отчетливо показывают два основных направления:

1) языковые изменения внутристилевого характера;

2) языковые изменения, связанные с общим развитием литературного языка.

Языковые изменения первого рода имеют преимущественно экстралингвистическую обусловленность; языковые изменения

[7] Подробнее обоснование метода использования редакторской правки изложено в работе: О. А. Лаптева. Указ. соч. стр. 191—192.

[8] Такой подход к изучению явлений стиля практикуется. Он представлен, например, в ряде сообщений, помещенных в сб. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи» (Горький, 1966).

второго рода — как экстралингвистическую, так и лингвистическую.

В этой работе целесообразно остановиться подробно на изменениях первого рода, обусловленных действием экстралингвистических факторов, поскольку именно ими определяется специфика внутристилевого развития и поскольку именно они составляют основную массу происшедших изменений.

Здесь следует сделать ту оговорку, что изменения в области терминологии, составляющие существенную сторону развития научной лексики, представляют самостоятельный предмет исследования, имеющего главным образом словарную направленность. При изучении интересующего нас комплекса языковых средств они во внимание не принимались.

Итак, рассмотрим более подробно языковые изменения внутристилевого характера, вызванные действием внеязыковых факторов.

Чем дифференцированнее наука, тем унифицированнее ее язык. Развитие научного стиля есть развитие некоего метаязыка, сопровождающее развитие науки. Становление такого метаязыка осуществляется не за счет языковых изменений структурного характера, а прежде всего за счет некоторых перемещений, перераспределений языковых средств, определяемых внутристилевым узусом. Происходит упрочение своего рода языковых условностей, которые входят в практику функционирования научного стиля и приобретают нормативные качества. Результаты формирования метаязыка науки лежат в области реальной употребляемости языковых средств. Развитие точных методов исследования, рост степени объективности познания, наконец, центростремительные тенденции в науке (т.е. стремление оградить ее от проникновения ненаучных методов познания)—все это сопровождается стремлением к объективности, точности и лаконичности при построении научного текста. Эти моменты внеязыкового характера оказываются определяющими при закреплении целого ряда языковых характеристик.

Требование объективности изложения ведет к складыванию некоторой группы синтаксических и лексических особенностей.

Элиминация средств выражения эмоциональности и экспрессивности

Усиление межстилевой дифференциации ведет к полному отказу в научной журнальной литературе от публицистических элементов, от всего, что могло бы способствовать эмоционально-экспрессивному накалу изложения[9]. В начале века в научном тексте обычным явлением было употребление разного рода вопросительных и восклицательных фраз, служащих целям обострения полемики, фраз, насыщенных авторской экспрессией и перенесенных в научный текст из контекстного окружения иных стилей, а также многочисленных лексических элементов, придающих живость изложению. Вряд ли это была осознанная манера столкновения в одном тексте стилистически разнородных элементов: их появление не носит закономерного характера, да и стилистическая их разнородность остро ощущается лишь с точки зрения современного читателя. Скорее это был результат свободного оперирования с самыми различными элементами в условиях еще нечеткого размежевания стилей.

Вот фразы, легко входящие в ткань научного текста начала века:

В самом деле: где у него доказательства о древности одних бабочек, о переходности форм других? Где данные, чтобы утверждать, будто конвергенция форм под влиянием местных условий представляет дело ясное, простое и совершенно понятное?! В 15; *Играют ли глаза какую-нибудь роль в этом процессе изменчивости окраски? Ни малейшей, ибо глаза Epeira, если бы и допустить у них способность различать цвет, расположены таким образом, что...* В 13; *.. но потерянное в этом отношении пауком, может быть им возмещено помощью ног, челюстей и инстинкта самосохранения; будь иначе, проигрывай от выбора станции не паук, а кокон,— наверстать потерю было бы нечем* В 37—38; *Будь иначе, самец-тарантул, разумеется, не мог бы заметить самки, находясь непосредственно перед нею* В 23—24.

Как показывают последние два примера, стилистическая маркированность необычного для современного научного текста способа оформления синтаксических связей в сложноподчиненном предложении вряд ли была отчетливой; очевидно, она слабо проявлялась на фоне свободной сочетаемости составляющих текст элементов.

Здесь каждая черта заслуживает внимания, каждая мелочь учит В 63; *...рассуждение Пиперса о «знаменитой легенде Уэллса» само представляет скорее легенду, чем серьезное возражение* В 15; *...проблематичность его положений гораздо более сбивает на беллетристическое повествование, чем на аргумент, способный поколебать научные объяснения явлений, которые могут быть истолкованы законами мимикрии или не будут иметь никаких объяснений* В 15—16; *Все наши попытки... не увенчались успехом* Мел 208; *Ничего подобного, однако, Пиперс не доказал, ибо сам этого не знает* В 10; *...ему предстоит опровергнуть самую «знаменитую*

[9] Приходится высказать несогласие с мнением Н. М. Разинкиной о необходимости эмоционального элемента в научных произведениях, обратив внимание на исторический характер появления этого элемента. См.: Н. М. Разинкина. О преломлении эмоциональных явлений в стиле научной прозы. «Особенности языка научной литературы» (особ. стр. 45).

легенду», изобретенную Уэллсом, о миметизме полиморфных самок Papilionidae В 14—15; *Но это не все!* В 5.

Мы далеки от утверждения, что в условиях свободной совмещаемости различных по происхождению и стилистической окраске элементов подобные фразы лишены экспрессивности. Конечно, это не так, но поскольку экспрессивно-эмоциональные свойства языкового средства снижаются с ростом частотности его использования и, наоборот, возрастают вместе с возрастанием его необычности [10], появление подобных фраз в современном научном тексте, где их практическая встречаемость равна нулю, имело бы несравненно больший эффект.

В научном тексте начала века широко используются и отдельные вводные лексико-фразеологические единицы, несущие определенную экспрессию, типа *ни на йоту, очень жаль, короче говоря, в конце концов, между прочим, безусловно* (ср. К 5—2р., С 254, В 12, В 17 и др.), а также разного рода усилительные наречия, частицы и местоимения, ср.:

Теоретически рассуждая, у ж е мы должны допустить это... С 308; *...а на континенте она, подражая уже другой бабочке (P. Doubledayi), с красными пятнами, выработала себе не желтые, а и м е н н о красные пятна* В 15; *Во внутренней клетке находим о п я т ь - т а к и ядро и две зародышевые клетки* С 255; *...не нашли в нем н и к а к о г о фермента и пришли к заключению, что он не играет роли в пищеварении* С 139; *Это ведь своего рода фагоцитоз, т о л ь к о не лейкоцитов, а эпителиальных клеток; они поглощают своих умирающих соседок* С 308.

Широко используются и разного рода суперлятивы, ср.:

Итак, отбор решил задачу с а м ы м с о в е р ш е н н ы м образом: ровно столько, сколько паук в известных случаях проигрывает от выбора станции, его потомство выигрывает В 37; *Таким образом, опытным путем доказывается в ы с ш е й с т е п е н и важное положение о том, что...* В 11; *...которая представляет для поставленной задачи объект к а к н е л ь з я более подходящий...* В 11; *и потому р е ш и т е л ь н о н и ч е г о не опровергает в учении об изменяющейся покровительственной окраске* В 10; *Надлежащая оценка представленного факта г л у б о к о поучительна* В 12; *«Несколько часов», о которых с такою небрежностью говорит Пиперс, для интересов вида имеют, ничего не преувеличивая,— о г р о м н о е значение, г о р а з д о больше, чем несколько дней пребывания гусеницы среди зеленых частей растения: чем ближе к цели, тем дороже каждый из переживших экземпляров* В 9; *...учение об охранительной окраске не имеет за собой ничего научного и представляет с п л о ш н о й вымысел* В 9; *...где разрушающихся частей растения, покрывающих почву, м н о г о е множество* В 8; *Ч р е з в ы ч а й н о похожие поперечно-исчерченные полоски рисует в своей работе Кеппен и считает их за мышечные волокна* С 254; *Недавно исследованиями нашей лаборатории была констатирована з а м е ч а т е л ь н а я способность оксимов тетрагидропиновых соединений давать многочисленные двойные соединения с разными органическими растворителями.* 1901 * [11].

Возможны и иные вкрапления, ср.:

Ясно, что указанные и другие им аналогичные факты — с а м и п о с е б е, а роль солнечного света при определении окраски некоторых животных — с а м а п о с е б е... В 12; *Величина этих волосков по его вычислению около 127* μ, *они расположены правильными рядами, тесно д р у г в о з л е д р у г а.* Кун 3.

Характерно, что в современном научном тексте и авторы и редакторы стремятся к уничтожению любого оценочно-экспрессивного слова. Приведем для примера первый и окончательный варианты авторского заглавия статьи:

Об ошибочно-смысловой связи слов → О факторах, обусловливающих смысловое выделение слов.

Свободное оперирование эмоционально-экспрессивными элементами в начале века и полный отказ от них к 60-м годам не могли не затронуть и более широкого плана — общей манеры представления в слоге тематически сходного сюжета. Вот как представляется сообщение описательного характера в 1901 и 1964 гг.

И вот в течение всех лет моих наблюдений я нашел паука этого вида только однажды и нашел совершенно случайно: глядя на ветку с другою целью и заметив быстро мелькнувшее по ветке существо, тотчас же исчезнувшее из глаз; после тщательных поисков на месте исчезновения животного я наконец заметил паука — почку В 7; *Я занимаюсь наблюдением над этими животными много лет, мой глаз очень изощрился поэтому в способности их видеть там, где огромное большинство не заметит их даже тогда, когда на место нахождения паука обращено внимание наблюдателя* В 7; *Я двадцать лет занимаюсь биологичес-*

В отличие от сазана молодь щуки, особенно более крупная, перемещается от берега на глубины 0,5—1,5 м...
Отход молодой щуки на более глубокие места не связан с ухудшением условий питания у берега, так как часто в этих случаях более крупные экземпляры попадают в худшие кормовые условия и даже переходят на питание беспозвоночными. Следовательно, районы обитания молоди щуки и сазана с конца мая до июня не совпадают. Этим и объясняется его отсутствие в пище щуки Дом 73—74; *В хорошо прогреваемых и богатых кормом мелководных заливах молодь сазана растет лучше,*

[10] Об этом см.: Г. О. Винокур. Культура языка. Изд. 2. М., 1929, отд. 2, III. (Мнение это восходит к Ш. Балли.)

[11] Этот пример, как и некоторые другие единичные примеры, обозначенные звездочкой, извлечены из источников, не указанных в общем списке.

кими наблюдениями над жизнью животных нашей фауны и никогда не видел, и никогда не мог бы себе представить, чтобы птицы известных видов питались добычей, которая у них констатирована была многочисленными вскрытиями их желудков В 6; *собаки от самых приятных духов чихают и фыркают, как от запаха самого противного на обоняние предмета* В 6; *Выделяющаяся вода, встречая металл, способный ее разлагать, разложится на водород, а кислород ее образует окись металла; окись металла, легко восстанавливаемая, будет окислять частицу спирта, образуя алдегид и воду, а сама превращается в металл; вода опять разложится металлом и даст водород и окись металла, которая окислит спирт в алдегид, обратится в металл и т. д.* Ип 642; *По окончании опыта латунь приобрела в весе в обоих опытах около одного грамма и была покрыта легким налетом угля и, кроме того, в трубке кое-где замечался беловатый налет, вероятно окиси цинка* Ип 641.

быстрее выходя из-под пресса одновозрастных с нею щук. Поэтому обитание сеголетков сазана на мелководье соответственно снижает величину их выедания щукой Дом 74; *Сазана привлекает сюда богатая кормовая база, а щуку — наличие укрытий: стволов деревьев, пней, кустарника* Дом 73.

Приведенное сопоставление наглядно показывает, что если в старом тексте допускается подробный рассказ о состоянии, чувствах и действиях самого исследователя (ср. в особенности первый пример В 7), а при описании даже химических объектов можно было строить изложение в виде последовательной смены сообщений о состояниях объекта, представленных как действия этих объектов и выстроенных по методу параллельного сцепления (что очень напоминает сказку про курочку и бобовое зерно, ср. в особенности Ип 642),— то в новом тексте «наукообразие» захватывает и те области описания, которые в силу свойств самого описываемого объекта вполне поддаются трактовке в более легком слоге (ср. первый пример Дом 73—74).

Замена личной манеры изложения на неличную

Близость научного повествования в начале нашего века к простому рассказу о событии или к будничному описанию виденного побуждала авторов широко вводить в текст авторское «я», вести изложение от 1-го лица во всех случаях, когда автор действительно участвовал в эксперименте, наблюдении, фиксации факта, а также при сообщении читателю авторских размышлений или намерений. Этому способствовало отсутствие специальных приемов построения научного текста.

Повествование от 1-го лица ведется всеми без исключения обследованными нами авторами начала века, а также и другими авторами, чьи статьи помещены в рассмотренных нами журналах. Ср.:

Результаты произведенного мною гистологического изучения нервов пищевода я и излагаю в настоящем сообщении К 3; *Воспользовавшись этим указанием, я испробовал реакцию мантии различных асидий* С 220; *Мне кажется возможным присутствие и той и другой кислоты.* С 220; *Я ничего не имею добавить к описанию Зелигера* С 221; *Я ограничиваюсь этими представителями, т. к. имел под руками только указанные виды головоногих. Начну с опытов над живыми животными* С 248; *Для решений данного вопроса я прибегнул к инъекции* С 157; *Я думаю, что эти образования ввели его в заблуждение. Мне не удалось по крайней мере видеть ничего подобного мышечным волокнам ни на свежих препаратах, ни на фиксированных* С 254; *Я не могу утверждать, что это отверстия, но думаю, что во всяком случае оболочка в некоторых местах тоньше, в других толще* С 254; *Для меня было бы весьма важно подтвердить это описание, но, к сожалению, я не нашел ничего подобного* С 255; *Что до меня, то я склонен думать, что признакам инстинктивной породы в таких случаях должно отдавать предпочтение* B_1 25; *Я заметил на опыте, что вода разлагается в железной трубке при 620°—660°* Ип 638; *Последние соединения были исследованы мною совместно с Л. В. Писаржевским; как мне кажется, нам удалось доказать, что надкислоты способны соединяться с перекисями металлов и давать солеобразные соединения* Мел 208; *В заключение этой статьи я упомяну, что мною произведена целая серия опытов...* Ип 643; *Верхнюю часть кольца я буду называть дорзальной* Кун 1; *По на препаратах с удачной окраской метиленовой синькой мне никогда не удавалось видеть в сплетении ганглиозных клеток* К 24; *С другой стороны, в ганглиях пищевода я встречал и такие нервные волокна, которые не могли быть прослежены мною до их начала: на означенные волокна я тоже обратил свое внимание, и их-то я имею в виду в настоящем изложении* К 37; *В ганглиях пищевода присутствия означенных клеток мне констатировать не удалось* К 44; *Не бе-*

р у с ь судить, отчего бы это могло зависеть — от действительности ли факта или же от недостаточности окраски К 42.

Личная манера изложения позволяла авторам подробно останавливаться на истории своих изысканий и размышлений, давала возможность непосредственно беседовать с читателем, говорить о своих колебаниях и сомнениях, даже о личных трудностях:

Летом 1913 г., когда я собирал на Биологической станции в Севастополе эмбриологический материал по Pileolaria militaris Clprd., м н е попалась форма из того же семейства Serpulidae, принадлежащая по всем признакам к роду Salmacina Воскр 1; *Исходя из этих противоречивых данных, а также разногласий авторов в даваемых ими рисунках, я затрудняюсь причислить описываемую форму к тому или иному виду и, определив род, оставляю вопрос о более точном систематическом положении животного открытым* Воскр 4; *Метод исследования. М о и исследования нервов пищевода у млекопитающих животных были произведены исключительно с помощью метода Ehrlich'a. Правда, я применил также и метод Golgi, но не мог при помощи этого метода добиться каких-либо положительных результатов. Для получения надлежащей окраски нервных элементов пищевода с помощью Ehrlich'овского метода м н о ю, прежде всего, старательно устанавливался срок времени максимальной окраски таковых; в то же время я старался поставить этот орган в условия, благоприятные для непосредственного соприкосновения его с атмосферным воздухом* К 20.

Мы появляется в начале века как форма приглашения читателя к совместному рассмотрению фактов (своего рода «лекторское» *мы*) и может соседствовать с *я*:

В дополнение к сказанному, я укажу здесь на относящиеся к вопросу наблюдения м о и над пауками. Рисунки 3, 4, 5, 6 и 7 представляют н а м сделанные с натуры снимки В 12; *Из имеющегося у м е н я материала я опишу здесь 10 случаев; сначала м ы изучим в подробностях каждый из них, а затем сравним их между собою и перейдем к общим выводам... Резюмируя все сказанное, м ы должны обозначить и этот случай как несомненное двойное уродство* (В. Н. Т о н к о в. Развитие двойных уродств из нормального яйца. «Труды Импер. СПб. об-ва естествоиспытателей», т. XXXV, вып. 2. Отд. зоологии и физиологии, 1905).

Местоимение *мы* в этот период эпизодически появляется у тех же авторов, у которых гораздо шире используется *я*. Заметить индивидуальное предпочтение в использовании одного из этих местоимений, кажется, не удается.

Очень редко встречается безличная конструкция, соотносительная с личной. В нашем распоряжении имеется только пример: *Так, с первых же опытов п р е д в и д е л о с ь, что...* Ип 642.

Несколько чаще глагол выступает при существительном, обозначающем объект исследования; он имеет при этом форму страдательного залога прошедшего времени:

Из 140 гр. этилового спирта при t=800°—820° р а з л о ж и л о с ь 50 граммов спирта Ип 634; *Количество полученного при реакции алдегида о п р е д е л я л о с ь в виде алдегидаммиака* Ип 634; *В данном случае, чтобы сделать опыты сравнимыми, время б ы л о и с к л ю ч е н о и б ы л а у с т а н о в л е н а такая скорость прохождения паров, чтобы в один час перегонялось около 150 гр. спирта* Ип 633; *...оставшиеся газы п р о п у с к а л и с ь через бром и с о б и р а л и с ь в газометр для анализа. Перед опытом воздух из колбы со спиртом и трубки в ы т е с н я л с я углекислотой* Ип 633; *В других случаях в чашечки к л а л с я пищевод, разрезанный предварительно по своей длине,— к л а л с я так, чтобы его слизистая оболочка была обращена книзу* К 21; *По окончании инъекции метиленовой синью животное о с т а в а л о с ь с невынутым органом в течение 5—30 минут. Пищевод в ы н и м а л с я по возможности так, чтобы не запачкать орган инъецированной жидкостью* К 21.

Манера личного построения повествования держалась довольно долго. Если обратиться к «Русскому зоологическому журналу» 1916—1918 гг., в котором статьи пишутся уже вполне современным слогом, то окажется, что я там представлено столь же широко, как и в изданиях начала века, хотя есть и 1 л. мн. ч. глаголов (типа *обратимся, определим*). В 1927 г. я также распространено еще достаточно широко, но уже можно говорить об индивидуальном предпочтении этой манеры на фоне неличной.

В «Зоологическом журнале» за 1964 г. полностью господствует манера безличного или обобщенно-личного представления авторской работы, причем эта манера употребляется при оформлении тех тематических линий, которые в начале века вводились путем изложения от 1-го лица, ед. числа ср.:

Из других видов, рассматриваемых н а м и, наибольшего внимания заслуживают сетчатая садовая и буро-серая ранняя совки... Н а м и гусеницы данного вида в природе не обнаружены... Однако в литературе м ы находим описание лишь немногих видов совок Хотько 65; Хотько 65; *О п и с а н ы куколки пяти видов совок* Хотько 65; *Материалом данного исследования п о с л у ж и л и сборы гусениц, бабочек и куколок совок, проводившиеся...* Хотько 65; *В основу этой работы п о л о ж е н ы материалы, собранные в период с 1953 по 1961 г. на Цимлянском водохранилище. Наблюдениями о х в а ч е н ы все сезоны года* Дом 71.

Все же личное местоимение 1-го лица, почему-то пропущенное редактором, иногда появляется и в 1964 г., ср.:

Среди личинок пластинчатоусых жуков, полученных м н о ю для просмотра от научного сотрудника Института зоологии АН Туркм. ССР М. Г. Мушкамбаровой, оказалось 36 личинок, собранных М. Сапергельдыевым близ Иолатани, в сарае для скота, в песчаной почве под навозом 8 июня 1961 г. Мед. 140.

Обычно оно вычеркивается при редакторской правке текста.

Впрочем, авторы сейчас не стремятся к его употреблению, почти полностью перейдя на безличный и обобщенно-личный способ представления текста. Нам среди почти 3000 случаев редакторской правки текста встретилось лишь два случая уничтожения местоимения 1-го лица (в других случаях не было повода для этого).

В современных научных текстах наблюдается стремление еще дальше отойти от личной манеры изложения. Редакторы обычно уничтожают и местоимение 1 л. мп. ч., если далее следует глагол в личной форме, тем самым приближая изложение к обобщенно-личной манере:

(мы) [12] *постулируем ту или иную геометрическую модель* СХ 5; *функцию числа изомеров* (мы) *выразим* СХ 5; (мы) *будем рассматривать* СХ 5; *Наконец, при дальнейшем рассмотрении* (мы) *будем пренебрегать концевыми эффектами* СХ 5.

Редакторы отказываются от употребления местоимения *мы* и в тех случаях, когда в результате правки исчезает личное значение конструкции:

В качестве примеров отдельных ГК из двойных и более сложных соединений взяты (мы брали), *в частности, и такие* ... СХ 5; *Задача, которую* (нам) *нужно решить* СХ 5; *В настоящей статье* (нами) *были рассмотрены* СХ 5; *Сокращение* (сокращения) *числа ПСТ и соответственно их комбинаций будет достигнуто* (мы получили), *если вместо этого понятия воспользоваться* (воспользуемся) *понятием гиттеркомплекса*... СХ 5; *если взять*..., *получается следующее* (мы получаем) СХ 6; *Известно (Trouessart, 1895)* (нами выяснено), *что* З; *Теоретические значения коэффициента асимметрии* (нами) *были рассчитаны по следующей формуле*... О 2; *Для проверки релаксационных теорий* (мы) *при постоянной температуре изучали зависимость ширины линии ЭПР ионов* Gd^{3+} *в водных растворах от вязкости* СХ 6; *Такое обилие... было бы* (для нас) *не вполне оправданным*... З; Все же время от времени редакторы возвращаются к местоимению *мы*, иногда в целях улучшения слога, ср.:

Учитывая эти недостатки в изучении внутренних волн, мы (нами были) *использовали* (использованы), *наряду с данными по плотности и температуры, материалы по течениям и атмосферному давлению* О 1; *Как правило, мы* (нами) *исследовали* (исследовались) *радиоактивность массовых форм данных организмов* О 1; *Насколько нам известно* (знаем)... З; *Мы* (нами) *неоднократно отмечали* (отмечалось)... З;— а иногда (правда, редко) и помимо этой задачи, ср.:

Итак, м ы *приходим к заключению*... З; *Во-вторых, проведенное* н а м и *исследование точности приближения показало преимущество этой формулы перед другим применяемым приближением в виде полиномов соответствующих степеней* СХ 6.

В ряде случаев наблюдается восстановление личной формы глагола в 3-м лице:

Но М. М. Камшилов (Камшиловым) *средние биомассы для 30-мильной области, для сокращенной сетки и для одного только Дальнезеленецкого разреза сравнивает* (сравниваются) *как равнозначные величины* О 2;

Однако персонификация не поощряется:

По этим результатам можно было (лодка могла), *не всплывая на поверхность, составить* (иметь) *представление о силе ветра* О 2; *В августе к л е с т ы н а ч и н а ю т п о е д а т ь еще недозрелые семена* (из) *сосновых шишек* (начинают потребляться клестами) З; (В обзорной статье С. С. Бацанова) *Бацанов справедливо указывает* (указано), *что*... СХ 6.

Вообще следует отметить, что 3-е лицо пока прочно сохраняется в научном тексте, не уступая своего места безличным конструкциям, и воспринимается как стилистически более нормативная форма.

В целом же для современных научных текстов как наиболее типичные формы представления лица в предложениях с личной формой глагола должны быть отмечены формы 1 л. мн. ч. глагола при отсутствующем местоимении — типа *будем ставить, воспользуемся, получим циклический индекс группы октаэдра, имеем общую формулу* и т. п. СХ 5.

С к л а д ы в а н и е у с л о в н о й с и с т е м ы у п о т р е б л е н и я г л а г о л ь н ы х ф о р м

Если в начале века выбор глагольных форм в научном повествовании в общем не знал ограничений и диктовался морфолого-синтаксическими требованиями текста, то к нашему времени складываются некоторые новые требования — требования унификации залогово-временных форм глагола. Их возникновению соответствовал переход от личной манеры изложения к безличной или обобщенно-личной. Современная редакторская правка рукописей научных статей четко показывает некоторые тенденции в проявлении этих требований.

В современном научном тексте при описании эксперимента или наблюдения широко употребляются возвратные формы глагола (или страдательного причастия) прошедшего времени, которые позволяют представить объект эксперимента как испытывающий действие со стороны экспериментатора или наблюдателя. Если речь идет о непосредственном действии самого этого объекта, оно оформляется аналогичным образом. Вот характерный пример:

Имеющиеся материалы п р и в е д е н ы на рис. 2. Как видно, Calanoides acutus б ы л строго п р и у р о ч е н к антарктической воде и к северу от конвергенции н е в с т р е ч а л с я. Calanus

[12] Здесь и далее в примерах из современных журнальных рукописей в скобки заключаются слова, зачеркнутые редактором; они даются прямым шрифтом. Прямой разрядкой даются слова, дополнительно вставленные редактором (это обозначение вводится в тех случаях, когда редакторская правка не явствует непосредственно из контекста.)

propinquus тоже обитал в антарктической воде и в основной массе распространялся до станции 249. Далее на север он встречался в промежуточном холодном слое. Последний раз наблюдался на ст. 252. Calanus simillimus встречался к северу от антарктической конвергенции. Rhincalanus gigas был распространен (распространялся) *в водах Восточного и Зап. дрейфов* О2.

Однако редакторы нередко проявляют стремление изменить такой пассивно-страдательный план изложения на обобщенно-личный. Ср.:

Для контроля правильности определения интенсивности в области главного максимума применяли (применялся) *фильтр из алюминиевой фольги, которым прикрывали* (прикрывалась) *одну половину* (одна половина) *пленки. Исследуемый раствор помещали* (помещался) *в тонкостенном полиэтиленовом капиляре* СХ 5; *В следующей серии опытов птиц* (птицы) *помещали* (помещались) *в специальную камеру* З; *...мест, где раньше брали* (брались) *куколок* (куколки) *для экспериментов...* З; *Весной и летом птиц* (птицы) *отлавливали* (отлавливались) *на гнездах, взвешивали* (взвешивались) *и выпускали* (выпускались), *реже отстреливали* (отстреливались); *осенью и зимой птиц отстреливали* (отстреливались) З; *...для сравнения морфометрических данных брали* (брались) *именно особей* (особи) *такого размера* З; *...на территориях, где с весны выпасали* (выпасался) *скот* З; *Для этого в песок вкапывали* (вкапывался) *небольшой ящик...* О2; *Образцы для съемки диаметром 0,3 мм готовили* (готовились) *наслаиванием мелкоизмельченного* (тонкого) *порошка на стеклянную нить* СХ 5.

Характерно, что не встретилось ни одного случая обратной правки. Подобная же правка встречается и при глаголе в форме настоящего времени, причем обратной правки также не отмечено: *...хелицеру* (хелицера) *отделяют* (отделяется) *от гнатосомы тела, кладут* (кладется) *боком на предметное стекло и покрывают* (покрывается) *покровным стеклом* З; *...подсохший корм удаляют* (удаляется)... З; *...При решении задач используют* (используется) *метод сеток. Область, в которой меняется решение, разбивают* (разбивается) *сеткой взаимно перпендикулярных прямых* О2; *...анализ производят* (производится) *из растворов сложного и разнообразного состава* О 2; *Пока здесь промышляют* (промышляется) *ставриду* (ставрида), *но слабо используется сардина* О 2.

В современных научных текстах широко используются конструкции с кратким страдательным причастием прошедшего времени, которые хорошо отражают стремление представить объект описания в пассивно-неличном плане. Вот, например, фраза, характерная для резюме-аннотации:

Исследована кинетика реакции совместной поликонденсации аминоэнантовой и аминопеларгоновой кислот с низкомолекулярными продуктами конденсации диметилтерефталата и этиленгликоля в твердой фазе в зависимости от температуры и соотношения исходных соединений в реакционной смеси. Определена зависимость температуры плавления полимеров от соотношения реагентов. Рассчитаны энергии активации.

Конструкциями со страдательными причастиями нередко заменяются не только личные, но и обобщенно-личные и безличные конструкции с возвратным глаголом, ср.:

Рассмотрены (рассматриваются) *частотные спектры льда и воды, построенные по данным о неупругом рассеянии холодных нейтронов. Предложено* (предлагается) *сопоставить* ...СХ 6; *Дейтерид меди синтезирован* (синтезировался) *дейтерофосфорной кислотой в тяжелой воде 97%* D_2O СХ 5; *На установке, описанной в* [7], *нами произведено* (производились) *исследование* (исследования) *контуров линий ЯМР* СХ 5; *Результаты исследования приведены* (приводятся) *в табл. 1* СХ 6; *Методом измерения диэлектрических проницаемостей E*[1] *исследована* (исследовалась) *стабилизация структуры воды молекулами метилового спирта* СХ 6; *Интенсивности рефлексов оценены* (оценивались) *визуально...* СХ 5; *Не исключена* (не исключается) *возможность, что...* СХ 5; *(Здесь также не исключена* (не исключается) *возможность, что...* СХ 5.

Стремление к безличному плану может даже повести автора к ненормативным построениям, отмеченным в первом разделе статьи.

Появление безличной конструкции на месте личной может быть достигнуто и иным путем, ср.:

При этом можно выделить (выделяются) *два основных направления* О 1; *В настоящее время методом фотометрии пламени можно определять* (могут определяться) *свыше 30 элементов периодической системы в довольно сложных сочетаниях* О 2; *Проще всего к этому можно прийти* (это может быть получено) *следующим путем...* СХ 5; *...и поэтому фазотронные миграции можно было бы не принимать во внимание* (не принимались) О 2.

Обратной правки не наблюдается.

Отказ от конкретного выражения категории лица сопровождается в современном научном тексте и обобщением плана времени — насколько это в возможностях временной системы русского глагола. В этих условиях происходит своеобразное ослабление определенности грамматических свойств глагола, рост возможностей синонимических взаимозамещений для глагольных форм. Внутренний смысл этого процесса близок к тому, что будет отмечено ниже для «пустой» и «полупустой» лексики, стремящейся к утрате своего реального значения. Редакторы в целях

уничтожения конкретности временного плана нередко отказываются от связки прошедшего времени:

...молекулярный вес, показатель преломления и удельный вес (были) *взяты из справочника Оболенцева* СХ 5; *Уточнение структуры* (было) *проведено методом наименьших квадратов* СХ 5; (Было) *Предложено несколько вариантов структуры* СХ 5; *Точность определения* (в определении) *периодов решетки* (была) *0.001 кх* СХ 6; *В работах [1—5]* (были) *исследованы различные явления...* СХ 6.

Наблюдаются и случаи обратной правки, свидетельствующие о недостаточной определенности выражения этой тенденции, ср.: *Позднее, при исследовании систем BaO — WO_3 и BaO — MoO_3,* б ы л и *получены Ba_3WO_6 и Ba_3MoO_6; также сообщалось* (сообщено) *о получении и изучении структуры соединений $Sr_2 Me W(Mo)O_6$, где $Me = Co, Ni$* СХ 5; *Rhincalanus gigas на Керченском разрезе по 20° в. д.* б ы л *распространен* (распространялся) *в антарктической и субантарктической воде повсеместно* О 2; *Самый низкий процент встречаемости паразита (.....)* б ы л *у речных уток* З.

В первом из этих трех примеров восстановление связки оправдано стилистически, оно диктуется требованиями общелитературной нормы.

Меньшая конкретность в смысле отнесения к определенному моменту у форм прошедшего времени, большая их емкость и многозначность сравнительно с формами настоящего времени приводит к замене последних первыми, к предпочтению форм прошедшего времени. Заметим, что такая замена никак не отражается на смысле текста, что еще раз свидетельствует о «подчиненном положении» грамматических характеристик глагола в современном научном тексте, о стирании их определенности. Вот некоторые примеры:

Аннотация. П р е д л о ж е н (предлагается) *способ априорного определения относительного числа различных паолинговских полиэдров в кристаллических структурах, производных от типа CaF_2—CeO_2. Действенность метода иллюстрируется рядом примеров* СХ 5; *...в трех центральных лунках п о м е щ а л а с ь антисыворотка, а в шести лунках, расположенных на периферии от них, п о м е щ а л с я* (помещается) *антиген* З; *Отсутствие чистого препарата н е п о з в о л и л о* (не позволяет) *надежно определить интенсивность отражений* СХ 5; *...особенно трудное положение с о з д а л о с ь* (создается) *с определением видов фауны Средней Азии, Южного Казахстана, Кавказа, Восточной Сибири и Дальнего Востока* З [13].

[13] Иные наблюдения над употреблением глагольных форм см.: В. А. Б о г д а н о в а. О видах глагольного сказуемого в художественном и научном стилях. «Вопросы стилистики», вып. I. Саратов, 1962; Л. П. И в а н о в с к а я. Личные односоставные предложения в научной речи. «Общественные науки. Русский и иностранные языки. Доклады на XXII Научной конференции». Л., 1964.

Т р е б о в а н и е т о ч н о с т и при о д н о в р е м е н н о й к р а т к о с т и и з л о ж е н и я, как и требование объективности изложения, ведет к складыванию некоторой группы синтаксических и лексических особенностей.

И з м е н е н и я в с ф е р е ф у н к ц и о н и р о в а н и я р а з л и ч н ы х т и п о в п р е д л о ж е н и й и и х с т р у к т у р н ы х э л е м е н т о в

Сложные и осложненные предложения и в начале века, и в наше время предстают как наиболее характерные для научной прозы. Это и понятно, так как сложная аргументация авторской мысли, постоянное обнаружение причинно-следственных отношений неизбежно связаны с употреблением предложений сложного состава, которые выступают как наиболее емкая форма средоточения информации и при изложении констатирующе-описательного характера. Все же следует заметить, что научной прозе начала века свойственно было большее количество кратких предложений простого состава. При этом инвентарь предложений сложного состава был разнообразнее, специфически «научных» предложений еще не было. Практически тип фразы в научном тексте не отличался от общелитературного, и в научном произведении допускалось использование в общем всех или почти всех типов русского предложения, с предпочтением предложений сложного состава.

Это не означает, что на протяжении первой половины нашего столетия изменения при преимущественном использовании наиболее характерного типа предложения касались в основном увеличения его размера. Прежде всего следует обратить внимание на некоторые качественные изменения, затронувшие самый характер организации «научного» предложения.

В начале века в научном тексте могли использоваться предложения вполне «беллетристического» характера, не чуждые приемов интимизации, усиления экспрессивного плана. Соответствующий материал приводился в разделе об утрате эмоциональности.

Вместе с тем сложные предложения, так же в полном соответствии с практикой русской беллетристики (ср. сложные предложения, например, у Достоевского и Толстого), нередко имели довольно внушительные размеры, создаваемые за счет весьма свободного соединения в рамках сложного предложения самых различных элементов, находящихся между собою в самых различных отношениях. Вот несколько характерных фраз:

Так как у всех позвоночных эпидермис вначале состоит из двух слоев и верхний слой сбрасывается до или после рождения частями и постепенно или же как сложная оболочка, то я назову его эпитрихием, т. к. он вполне гомологичен с тем клеточным слоем, который Welker назвал эпитрихий и т. к. под эпитрихиальным слоем я понимаю тот наружный эмбриональный слой эпидермиса, который постепенно сбрасывается до или после рождения (млекопитающие,

птицы) или же срастается с собственно роговым слоем и вместе с последним сбрасывается после рождения при первой линьке (рептилии, амфибии) (Пер. с нем.) Кун 8; *Характер пирогенетического разложения этилового спирта в платиновой трубке такой же, как и в стеклянной трубке. Только, по-видимому, разложение в платиновой трубке совершается при более низкой температуре, чем это имеет место в стеклянной трубке; однако надо иметь в виду, что платиновая трубка, прогреваемая непосредственно газовыми горелками, может иметь в некоторых местах низшую температуру, но зато в других частях может быть сильнее нагрета* Ип 636—637; *Итак, знаки O, S, C, N, Cl выражают те наименьшие количества кислорода, серы, угля, азота и хлора, в которых эти элементы должны быть взяты для того, чтобы удовлетворить стремление к соединению одной единицы водорода; из числа этих знаков C, O, N выражают вместе с тем наименьшие количества, которыми насыщаются 35,5 ч. хлора (=Cl) и, в то же время, 3 части по весу углерода, выражаемые знаком C, представляют minimum этого элемента...* Б15.

Как видно, «сложность» сложного предложения была весьма высокой, и употреблялись подобные предложения достаточно широко. Однако — как это ни парадоксально — приходится говорить об их «малооформленности» в начале века — в том смысле, что, обнаруживая большое разнообразие в своем конкретном составе, они не показывают склонности к предпочтительному оформлению по какому-либо или каким-либо наиболее излюбленным типам.

Таким типом построения, все более и более стандартизирующимся и завоевывающим все большую популярность в научной прозе, к нашему времени становится предложение с большим количеством зависимых, последовательно нанизываемых субстантивов [14]. Собственно синтаксическая структура такого предложения не обнаруживает признаков усложнения, напротив, она характеризуется кристаллизацией своей основной конструктивной схемы, пояснением и упрощением своего синтаксического каркаса [15]. Зависимые субстантивы (и — чаще — в форме родительного падежа, и в формах других падежей) становятся основным «наполнением» простых и осложненных предложений (которые при этом, как и сложные предложения, получают довольно значительные размеры — в отличие от предложений начала века) [16]. Такая

[14] Ср. у А. Н. Гвоздева: «в научной речи господствует существительное» (Указ. соч., стр. 267).

[15] Приходится высказать несогласие с мнением А. Г. Гвоздева о том, что сложные предложения встречаются в научной речи «в исключительно большом количестве» и что они «очень разнообразны по своей структуре» (указ. соч., стр. 262).

[16] Субстантивные цепочки, особенно цепочки последовательно нанизываемых генитивов, не перестают быть предметом острых пуристических нападок. В частности, им подвергался журнал «Вопросы языкознания» со стороны украинского писателя Л. Новиченко (см.: «Літературна Україна», 25 ноября 1966 г. № 93). Ср. еще: За последние десятилетия стиль филологических исследований на русском языке стал громоздким и крайне избыточным. Отсутствие общепринятых грамматических сокращений создает такие неудобоваримые цепочки, как «форма родительного падежа единственного числа женского рода от причастия настоящего времени действительного залога» и т. п. (А. В. Исаченко. Два пособия по исторической грамматике русского языка.—ВЯ, 1965, № 4, стр. 135). Против пуристического упрощения требований к научному изложению еще в 1932 г. предостерегал акад. Б. Гавранек (Б. Гавранек. Задачи литературного языка и его культура. «Пражский лингвистический кружок», стр. 357 и сл.).

роль субстантивов связана с общей экспансией имени за счет глагола в научном и канцелярско-деловом, а также в некоторых иных стилях в нашу эпоху (ср. *сеять → вести сев, отчитаться → сделать отчет* и под.) — экспансией, сопровождающейся ослаблением семантики глагола, его роли в передаче информативной нагрузки фразы (словосочетания) и вызванной в конечном счете стремлением к точности номинации, а также попытками уместить необходимую информацию в рамки возможно более простой синтаксической структуры. Экспансия имени имеет своим следствием возникновение огромного количества отглагольных существительных, часто создающихся вопреки запретам литературной нормы, ср.: *Закрытие чемодана на замок не обязательно* (Объявл.).

Приведем характерные для современного научного стиля фразы со скоплением субстантивов. Обратим внимание на то, что они являются простыми или осложненными (но не сложными) предложениями:

Облучение кроликов и крыс летальными дозами вызывает изменение характера электронного спектра раствора оксигемоглобина в видимой, ближней ультрафиолетовой и ближней инфракрасной областях спектра («Радиобиология»); *Наблюдаемые изменения спектра оксигемоглобина после облучения вызваны, вероятно, возбуждением дополнительных электронных уровней либо железа гема, либо азота амидазольного остатка гистидина белковой части молекулы* («Радиобиология»); *Процесс формирования аккумулятивного профиля подводного склона тесно связан с третьим направлением в исследовании береговой зоны приливных морей — изучением особенностей перемещения и аккумуляции наносов. Вместе с тем в непосредственной близости от промысловых районов на протяжении ряда лет осуществляется систематический сброс радиоактивных отходов в море* О 62; *На основании экспериментально определенной из рентгенографических данных радиальной функции распределения молекул в воде рассчитаны квадратичные флуктуации числа частиц и корреляции флуктуаций чисел частиц в смежных объемах для микроскопически малых участков в воде* СХ 6; *Наличие постоянной во времени скорости полимеризации пропилена в этой системе свидетельствует об определенном механизме ограничения роста полимерных цепей диэтилцинком. Очевидно, он должен заключаться в обмене алкильной группы диэтилцинка на полимерную цепь каталитического центра (*«Журнал

физической химии»); *Не менее интересным является способ излучения рыбами звуков, отличающийся высокой эффективностью. Биофизическое изучение живых моделей совершенных излучателей и приемников звука может представить интерес для гидроакустической техники* («Океанология»).

Что касается сложного предложения, то оно, будучи очень характерным для современного научного текста, является менее удобной конструкцией для оформления цепи зависимых субстантивов (включение такой цепи в состав сложного предложения, и тем более сложного предложения с неодиночным придаточным и с вводом осложняющих оборотов, грозило бы сделать размер предложения совершенно не годным для восприятия). Являясь прямым преемником сложного предложения начала века, современное сложное предложение научного текста, обычно, как и прежде, не содержащее развернутых субстантивных групп, отличается от своего предшественника начала века более ясным логическим строением, большей четкостью в организации основного каркаса. Вот характерный пример современного сложного предложения:

О распространении тех форм его, которые уже не могут в силу ряда превращений быть использованы гетеротрофными микроорганизмами, растущими на белковых средах, но доступны микробным видам, не способным размножаться на обычных микробиологических сферах, можно судить по распространению микроорганизмов, открываемых лишь при помощи спектров прямой микроскопии О 1.

Конечно, отсутствие субстантивных цепочек в сложных предложениях не является строгим правилом, однако такие цепочки, попадая в сложное предложение, обычно располагаются в независимой его части, которая обнаруживает наибольшее сходство с нетрансформированным простым предложением, ср.:

Устойчивость пород, технические движения суши и ряд других факторов также определенным образом влияют на форму профиля, но эти факторы действуют и на неприливных морях, поэтому наибольший интерес представляет изучение зависимости формы образионного профиля подводного склона от соотношения величины прилива и высоты штормовых волн,— или же в той зависимой его части, которая является зависимой лишь формально и несет в себе основную информацию предложения, ср.:

Известно, что на бесприливном море длительное повышение или понижение уровня вызывает смещение зоны подвижного равновесия частиц наносов по профилю подводного склона, что в свою очередь влечет за собой перестройку профиля подводного склона.

В начале века в научных текстах употребляется довольно большое количество логически неточно составленных фраз, хотя внешняя их структура как будто правильна. Здесь и употребление разделительного союза с отступлением от логического требования в отнесении его к определенному слову фразы, ср.:

...причем исследования их имеют в виду или переоценку сделанных наблюдений, или касаются основных принципов учения В 3; *Раковинка С. представляет или эллипсоид вращения, или слегка сужена к переднему, ротовому концу* 1906*,—и оформление в виде сложноподчиненного предложения с придаточным условным сообщения, не являющегося по сути дела условным суждением, ср.: *Если предположить, что весь полученный этилен произошел от разложения спектра на этот углеводород и воду, то вычисление показывает, что по такому направлению должно было разложиться около 12 грам. спирта* Ип. 634; *Если пары этилового спирта пропустить через раскаленную до 700° стеклянную трубку, то опыт показывает, что спирт перегоняется почти без разложения...* Ип 633; *Если температуру нагревания трубки поднимать, то около 800° замечается разложение этилового спирта, что сказывается в выделении газов и образовании алдегида* Ип 633,— и нечеткое проявление основного значения подчинительного союза, ср.: *...для этой цели полученная при разложении спирта жидкость первой и второй колб перегонялась до 70° и перегон по разбавлении эфиром насыщался аммиаком; из полученного кристаллического алдегидаммиака вычислили количество алдегида, к которому еще прибавлялся привес в промывных склянках, т. к. отдельные опыты показали, что в них задерживается алдегид, не успевший сгуститься в приемнике* Ип 634,— и не оправданное логической структурой суждения параллельное повторное употребление предлогов и предложных сочетаний, ср.:

Мы видим, что состав смеси по вычислению, на основании качества полученных тел на основании предложений относительно хода разложения спирта, довольно близко подходит к анализу полученной газовой смеси Ип 635; *...трубки, которая нагревалась до красного каления до 780°* Ип 637,— и отсутствие части предложения, вводимой противительным союзом, ср.:

...миметизм своим возникновением обязан не пользе, которую может доставлять животному, и развивается не путем естественного отбора В 4,— и возможность двоякого истолкования синтаксической прикрепленности некоторых членов предложения, ср.:

...она питается исключительно цветами самых разнообразных красок В 11; *Известно, что Уэллс в своих книгах отмечает два различных рода изменений цвета у животных в зависимости от окраски среды* В 10,— и логически неточное строение противительной конструкции, ср.:

Поэтому, не обращая даже внимания на другие стороны предмета, никоим образом нельзя объяснять образование алдегида из спирта превращением последнего с потерей частицы воды с переваа в простой эфир, и уже потом распадением образовавшегося эфира на алдегид и предельный углеводород Ип 636 и др. под.

В современных научных текстах подобного расхождения логической и синтаксической структуры фразы нет или почти нет.

Редакторская правка направлена на прояснение исходного значения подчинительного союза, на максимальную дифференциацию семантики подчинительных союзов, на уточнение места разделительного или противительного союза, ср.:

Второе предположение более правдоподобно, поскольку (т. к.) *параметры образующейся кубической фазы несколько больше, чем у* $UO_{2,25}$ СХ 5; (Если считать, что) *На подъячейку приходится 1 атом* U *или* V, *поскольку ее* (то) *объем* (подъячейки) (оказывается) *примерно равен 1/4 объема ячейки* UV_3O_{10}, *рассчитанного, исходя из* (из суммы) *объемов ячеек окислов* (V_2O_5, UO_2 *и* U_3O_8) СХ 5; *...он нашел, что расчет, если исходить* (исходя) *из экспериментально определенных констант скорости реакции, дает полное потребление кислорода в течение примерно 10 суток, в то время как сам эксперимент обнаруживает потребление кислорода вплоть до 220 суток* О 2; *С увеличением размеров иона* $M^{(3)}$ *октаэдры, поочередно «заселенные» ионами* $M^{(3)}$ *и W, начинают различаться по размерам, а* (вставлено)... *структура соединения приближается к типу* (NH_4) $Fe\,F_6$ *и становится таковой, когда...* СХ 5; *Эти вольфраматы* (Названные вольфраматы) *в зависимости от природы ионов M могут иметь структуру или ...типа перовскита, или типа* (NH_4) F_6Fe_3, или типа (и структуру) *пирохлора* СХ 5; *В. К. Солдатов (1932)* не только не *разделял* (не выделял у) *карпов на* (не только) *расы, но* (он) *не выделял* (разделял) *даже сазана и карпа* З.

Если в начале века в научной прозе деепричастный оборот в соответствии с характером общелитературной нормы того времени обнаруживал весьма широкие возможности в своей конкретной прикрепленности во фразе и в этом напоминал соответствующие разговорные построения, ср.:

...что составляет выход алдегида около 80%, считая на разложенный спирт Ип 639; *Сравнивая надкислоты одного и того же ряда, напр., ванадия, ниобия и тантала, наиболее прочной надкислотой между ними является надтанталовая* Мел 208; *Выступая в большинстве случаев в виде длинных, тонких и гладких нитей, которые лишь иногда покрыты крайне незначительным количеством варикозных утолщений, протоплазматические отростки и все их разветвления легко смешать с нервными отростками клеток* К 31; *Рассматривая свойства химических веществ, легко отличить два типа и причислить к тому или другому из них значительную часть из этих веществ* Б,— то в современных текстах употребление деепричастного оборота регламентируется строгими правилами, нарушение которых побуждает изменить конструкцию и одновременно яснее выразить логическую структуру высказывания. Ср. приведенный выше пример редакторской правки О2, а также:

Радиус гафния принят равным радиусу циркония 0,81А° с учетом (учитывая) *лантаноидного сжатия* (лантаноидное сжатие) СХ 6; *Характеристика* (состав) *выполненных опытов дана* (приведен) *в табл. 1, где использованы* (используя) *опытные данные и* (добавлено) *помещены результаты вычисления по рекомендуемым формулам* О2; *Это подтверждается совпадением рисунка изолиний на картах распределения характеристик ядра промежуточного слоя пониженной солености с положением изолиний на рис. 1—2, с учетом* (имея в виду), *что последние подобны линиям тока геострофической циркуляции вод* О1; *Было рассмотрено образование одинарной связи при помощи* (с помощью) *двух экспериментов*; (пренебрегая) *воздействием остальных электронов пренебрегли* СХ 6.

В начале века определительные придаточные, вводимые посредством союзного слова *который*, также в соответствии с общелитературной нормой того времени, могли иметь довольно вольное с современной точки зрения строение, проявляющееся и в расположении союзного слова, и в выборе соотносительного с ним местоимения, и в избрании падежной формы союзного слова и относящегося к нему предлога (или в ограничении беспредложной формой), и в употреблении именно придаточного определительного, а не синонимичного ему оборота, ср.:

...нередко блестящая окраска совпадает с полигамией у видов, самцы которых борются за обладание самкой, и которой выбор отнюдь не бывает свободным В 17; *Неверно, что существует такая изменчивая окраска животных, которой назначение служить их обладателям охраной в разных условиях среды* В 3; *Наконец, существуют формы, которых самки и самцы живут порознь и у которых последние обладают украшениями* В 17; *...его можно поставить между вторым и третьим эмбрионом, которых исследовал Braun* Кун 7; *...к отрицанию таких случаев би- и полиморфизма в окраске или форме животных, которые могли бы рассматриваться как явления мимикрии или охранительной окраски в смысле дарвинизма...* В 14; *Автор говорит между прочим, что половой диморфизм (цветной, например) обнаруживается у таких низших животных, предполагать у которых артистические чувства — безусловно невозможно* В 17; *Я определил паука принадлежащим к роду Drassus, которого он, по моему мнению, составляет новый вид...* В 7; *...и такие повадки животного, которыми смысл и значение сходства выясняется до совершенной очевидности* В 7; *...неверны факты, которыми пытаются доказать, что...* В 3; *Дуглас приводит данные, которыми доказывает, что...* В 17.

Современная редакторская правка показывает прояснение структуры придаточного определительного, заключающееся в ограничении возможностей его прикрепления к главному предло-

жению, в ограничении предложно-падежных модификаций союзного слова, а также в широком привлечении синонимических заменителей придаточного определительного, ср.:

Это хорошо видно на графике (рис. 1), г д е (на котором) *сопоставлены полученные разными авторами энергии гомосвязей в зависимости от порядкового номера (атомного веса)* СХ 6; *Не укладывается в аддитивную схему GaF_3, п р и в о д я щ и й* (из которого) *для радиуса галлия к величине* (получается величина) 0,77 А°СХ 6; *В смесях, содержащих два* (из двух) *двухвалентных металла* (металлов) *и в т о м ч и с л е* (в которой) *избыток* (в избытке) (содержится) *окиси* (окись) *карбоната* (карбонат) *или вольфрамата* (вольфрамат) *кадмия* СХ 5; *Различие* (Отличие) *структур* (структуры) WO_3(Р) (от структуры) *моноклинной модификации трехокиси вольфрама может быть объяснено влиянием фосфора, содержание к о т о р о г о* (который имеется) *в WO_3(Р) достигает* (в количестве) *до 1 вес. %* СХ 5; *...существование в стекле структур, в к о т о р ы х титан имеет координационное число 5 и к о т о р ы е проявляются* (проявляющихся) *спектроскопически в полосах с частотами 700—780 $см^{-1}$*... СХ 5; *...одной из таких перспективных групп оказались некоторые виды муравьев, к о т о р ы е могут* (могущие быть) *использоваться* (использованными) *в борьбе с вредителями садов и леса* [17] З.

Заслуживает внимания отказ в современных текстах от злоупотребления в использовании части *t* при союзной связи типа *t — k*; в ранних текстах часть *t* употреблялась шире, ср.:

делать из них т о заключение, которое им сделано и которое он формулирует словами... В 6.

Местоименный коррелят *то*, а также *то* в составе сложного союза (не всегда нормативное) в современных текстах редакторской правкой нередко уничтожается, ср.:

В предположении аксиальной симметрии тензора д-фактора это указывает (на то), *что ширина индивидуальной линии...* СХ 6; *Поскольку, однако, обрамление имеется не у каждого атома цепи (как в случае цепей ординарных связей), а через один атом,* (то) *рассматриваемая заторможенность не может иметь существенного значения* СХ 5.

Вообще следует отметить, что в ранних текстах допускалась большая свобода в выборе союзов и иных средств связи предложений, во вводе этих союзов в предложение и в соотнесении оформляемых таким образом частей предложения, в соединении соотносительных частей сложных союзов, в самом употреблении союзов (нередко они выступают на месте нынешнего бессоюзия). При этом нередко возникал эффект простоты, непринужденности и даже разговорности (с точки зрения современного восприятия), который усугублялся вводом разного рода построений, не укладывающихся в рамки требований строгой письменной нормы. В дополнение к данному выше приведем еще некоторый материал:

Гусеница, пока она держалась в зеленых частях растения, была зеленого цвета В 8; *...гусеница в это время находится не в покое, а в движении, так что, если бы ее новая окраска и могла скрывать ее от врагов, она теряет всякое значение в этом смысле* В 9; *Лягушки обладают до некоторой степени той же способностью так же, как и некоторые ракообразные* В 10; *Ясно, что явление изменчивости стоит в связи с процессами дермическими. Какими именно и поскольку приложима к этим явлениям идея Штрудера, сказать трудно* В 13; *Но если нет возможности найти естественную границу между ними и минеральными веществами, то тем не менее легко, в видах удобства, условно отличить оба класса* Б 12; *1-й грудной сегмент лишен uncin, зато его chaet'ы отличаются своими размерами; направлены они вперед, тогда как chaet'ы остальных сегментов почти перпендикулярны к поверхности тела животного или отстранены немного назад.* Воскр. 3—4; *Число работ в этом направлении, с одной стороны, крайне незначительно, а с другой — все они не отличаются достаточной степенью обстоятельности* 1906*; *Температура нагревания трубки определялась посредством пирометра Лешателье, причем пирометр вводился в середину трубки и в это же время пропускались пары спирта* Ип 633; *Различие это, по Раньве, заключается, во-первых, в том, что в plexus oesophagi имеются — и притом в значительном количестве — мякотные нервы, тогда как в plexus intestinalis таковых вовсе нет* К7.

Подобные более свободные построения обеспечивали несравненно более ограниченное, сравнительно с современным, употребление причастных оборотов, а также групп субстантивов. Эти построения, воспринимающиеся теперь как иностилевые, если они и вошли в каком-то минимуме в авторский текст современного научного произведения, уничтожаются редакторской правкой:

Однако трудность (дела) *заключается не только в том, чтобы достичь взаимопонимания между биологами и математиками* (биологи и математики понимали друг друга), *но и в том, чтобы организовать их совместную работу* З; *Наконец, при дальнейшем рассмотрении* (мы) *будем пренебрегать концевыми эффектами. При необходимости* (Если нужно) *их легко учесть подобно тому, как это было сделано ранее для органических кумулентов* СХ 5; *При одинаковой* (В рамках одной и той же) *кратности ПСТ различаются* (друг от друга разным) *расположением точек в пространстве — что* (это) *будет второй основной характеристикой ПСТ (или ГК)* СХ 5.

[17] Наблюдения над соотносительностью различных определительных конструкций приводятся в работе: С. А. Б а х. Некоторые наблюдения над определительными конструкциями в художественном и научном стилях современного русского литературного языка. «Вопросы стилистики», вып. I.

Впрочем, редакторы как правило сейчас не злоупотребляют синтаксическими канцеляризмами. Напротив, если таковые в изобилии встречаются в авторском тексте, редактор стремится заменить их синтаксическими средствами более нейтрального звучания:

...именно эти два вида функций применяются до настоящего времени для (с целью) *аналитического представления атомных факторов* (рассеяния) СХ 6; *...это указывает на то, что в открытых районах Черного моря водная толща беднее нестойкими формами органического вещества, чем* (по сравнению с) *вода* (водой) *в Севастопольской бухте* О 1; *Если же* (при наличии) *в смеси...* СХ 5; (За этим последовала) *Летом 1761 г.* (поездка) *Паллас поехал в Англию* З; *Возможно* (частично могло иметь место) *также, что происходило расселение с запада на восток.* О 2; *...охарактеризовали ИК спектр отражения твердых образцов гидрида лития* (в области) *200—5000 см$^{-1}$ имеет* (как имеющий) *интенсивную полосу отражения в области 550—1100 см$^{-1}$* СХ 5; *Нагревание Na-соли до температуры 400°С не изменяет структуры,* (которая является) *характерной для солей 12-фосфорновольфрамовой кислоты* СХ5.

Достижение некоторого равновесия в глагольно-именной сфере

Если стремление к точности номинации повело несколько десятилетий назад к неограниченному росту в некоторых стилях сферы субстантивов за счет активизации употребления уже имеющихся и генерации новых отглагольных, росту, сопровождающемуся сведением глагола на полуслужебное положение,— то теперь избыток отглагольных субстантивов признается для научного стиля в известной мере ненормативным. Отглагольные субстантивы становятся безусловным достоянием лишь канцелярско-делового слога. Ср. такую правку:

Найденное значение волнового числа 1300 см$^{-1}$ (находится в) *соответствует* (соответствии) *литературным данным* (с данными, имеющимися в литературных источниках) СХ 5; *...даже полностью свободное вращение связей в случае их прямолинейной конфигурации не может изменить* (привести к изменению) *длину* (длины) *закрученной цепи* СХ 5; *Исследователи предполагали* (исходили из предположения), *что внутренние волны имеют приливное происхождение...* О 1; (Это обусловливает направление) *Геострофический* (геострофического) *ветер* (ветра) *при этом направлен с запада на восток,* (и увеличение) *плотность* (плотности) *воды увеличивается к северу...* О 2; *Личинки белые, с зеленым кишечником, живут в галлах клещевников на черемухе, окукливаются* (окукливание) в земле З; *Как следствие всего этого возрастает* (возрастание) *вес* (веса) *птиц с максимумом в январе* З; *Намечено было пригласить* (приглашение) *иностранных ученых, но привлечь* (с привлечением) *и русских студентов* З; (Начало) *Откладка* (откладки) *яиц намечается* (происходит) *в течение первого часа после окончания спаривания* З; *...двухэтажным студенческим общежитием, где можно* (с возможностью) *одновременно разместить* (одновременного размещения) *около 80 человек* З; *Рассчитанные по этим координатам проекции электронной плотности обнаружили значительное* (показали наличие сильного) *перекрывание* (перекрытия) *легких атомов* СХ 5; *...на кафедру эмбриологии и динамики развития, где преподавал* (преподавание в Киевском университете продолжалось) *до 1937 г. В 1937 г. он* (когда И. И.) *переехал в Москву* З.

Впрочем, стремление к точности номинации может поддерживаться требованием структурной четкости конструкции или ее стилистической безупречности — и возникает обратная правка:

Энтомология вносит в это свой немалый вклад сохранением урожая продовольственных и прядильных культур, обеспечиванием (обеспечивает) *более высокой* (высокую) *продуктивности* (продуктивность) *лесного хозяйства, избавляет нас от ряда болезней и докучливых врагов* З; *...затрудняет понимание того* (понять), *что чему подчинено...* З; *Далее будет показано, что предположение* (говорить) *о равенстве* (об одинаковости) *гидратации двух ионов разного знака принципиально неверно* СХ 6.

Предпочтение субстантивных форм в целях точности номинации сказывается и на замещении ими в ряде случаев имен прилагательных и иных адъективных форм. Случаев обратного замещения не отмечено:

Но тесную связь между (температурными) *изменениями температуры и продуктивностью нельзя свести только к тому..* О2; *...деформация идеальной укладки* (кислородных) *атомов кислорода не приводит к изменению координационных чисел катионов* СХ 5; *...потеря одного атома кислорода* (кислородного) СХ 5; *Так же две орбиты d_{xy} рения могут комбинироваться с орбитами p_x и p_y* (такими же) *кислорода* (кислородными орбитами) СХ 6; *...данные об угловом распределении и энергетическом спектре рассеяния* (рассеянных) *медленных нейтронов в воде* СХ 6.

Отказ от употребления маркированной иностилевой и общелитературной лексики конкретного значения.

Стремление к точности номинации затронуло прежде всего, конечно, лексическую сферу. В начале века научный текст строился с привлечением широких пластов общелитературной лексики. В ткань научного текста органически входили общелитератур-

ные слова, имеющие преимущественное распространение за пределами научной прозы. Такие слова могли быть нейтральными, а могли нести в себе заряд иностилевой экспрессии или эмоциональности. Их выразительность обеспечивалась их прочным положением вне научной литературы. В научном тексте такие слова выполняли все свои обычные функции, ничего не теряя, но и ничего не приобретая в своей семантике. Научный стиль не мог полностью получить их в свое распоряжение из-за их ясной общелитературной принадлежности. Вот некоторые примеры:

Автор начинает с заявления, что миметизм — это р о м а н, основанный на ошибках в наблюдении и ошибках в заключениях из этих наблюдений В 4; *...другие утверждают, что все учения о микрии и охранительной окраске не более как р о м а н* В 1, *...едва ли один из десяти наблюдателей в состоянии отличить их от растения, которым они питаются т у т ж е н а и х г л а з а х* В 6; *На рис. 1 изображен паук на сухой ветке, до такой степени похожий на почку этой ветки, что заметить его, когда он не двигается, р е ш и т е л ь н о невозможно* В 7; *...на ней можно отличить д а ж е к а к б ы покровные чешуйки почки* В 7; *...и что подкожный пигмент у них ни что иное, как ц е л о е д е п о мочевины* В 12; *...дает животному возможность одерживать победу в конкуренции за самок, п л е н я я и х к р а с о т о ю своей окраски* В 1; *...одни считают его фактором—естественный отбор, другие категорически отрицают участие этого д е я т е л я* В 2; *...постараемся выяснить, в какой мере учение об окраске животных и мимикрии, к а к и м о н о в ы ш л о и з р у к и т в о р ц о в, может считаться дискредитированным позднейшими изысканиями.* В 3; *Неверно, что птицы являются б о л ь ш и м и п р е с л е д о в а т е л я м и дневных бабочек* В 3; *Неверно, что существует такая изменчивая окраска животных, которой назначение с л у ж и т ь и х о б л а д а т е л я м о х р а н о й в разных условиях среды* В 3; *...которые не обладают средствами охраны и путем естественного подбора п р и о б р е л и с е б е ч у ж и е н а р я д ы* В 4; *Говорят, что они будто бы обладают д у р н ы м запахом и вкусом, делающими их несъедобными для птиц.* В 4; *...эти и другие подобные им аргументы... е д в а л и ч т о - н и б у д ь м о г у т о т н я т ь от значения этого учения* В 6; *...период времени, в течение которого гусеница разыскивает себе убежище для превращения в куколку, слишком короток— е д в а несколько часов, а иногда несколько минут* В 8; *А из этого, по мнению автора, с н о в а следует, что...* В 9; *Исследования Фабра [Fabre] и особенно H. Gonland показывают, что гусеницы часто заимствуют свой р о с к о ш н ы й ц в е т н о й у б о р у мочевой кислоты* В 12; *...таким образом, что цвет кожи, в с п о к о й н о е в р е м я — грязновато-белый, изменяется* В 10; *Пауки эти светло-голубого цвета, сидя в паутине, напоминают цветок архидеи; при беспокойстве они падают на землю и здесь меняют свой цвет, становясь в к о н ц е к о н ц о в зеленовато-коричневыми* В 14; *...и говорит, что они окрашены приблизительно в цвета своего о б и т а л и щ а* В 13; *Наконец, существуют формы, которых самки и самцы живут порознь и у которых последние обладают у к р а ш е н и я м и, недоступными для зрения самок* В 17; *Платиновая трубка около 80 сант. длины лежала на газовой печи без жолоба, т а к ч т о пламя п р я м о соприкасалось с трубкой* Ип 637; *Таким образом данные анализа и вычисления д о в о л ь н о х о р о ш о совпадают и это может служить подтверждением правильного толкования пирогенетического разложения этилового спирта* Ип 637; *...лишь о т т е н я е т с я тот факт, что...* К 4; *Описание этих опытов будет сделано впоследствии, когда будет закончено количественное исследование всех продуктов разложения, а т е п е р ь т о л ь к о опишем опыты разложения этилового спирта в присутствии цинка, который оказался з а м е ч а т е л ь н о с п о с о б н ы м разлагать спирты при высокой температуре* Ип 639; *...они иногда разделяются под острым углом на длинные тонкие ветви, которые, в свою очередь, могут также распадаться на еще более тонкие в е т о ч к и* К 31; *По мнению Ранвье, мякотные нервы пищевода, проходя на своем пути через Ауэрбаховское сплетение, з а х о д я т в ганглии и п о к и д а ю т их вместе с безмякотными волокнами, выходящими из этих же ганглиев* К 7; *Каждая такая клетка п р о н и з а н а светлым пространством, п р о н и з а н н ы м протоплазматическими мостиками или отростками* Кун 6; *...мышечная оболочка н е о б ы к н о в е н н о богата нервными окончаниями (e'minences terminales) и в этом отношении уступает только лимфатическим сердцам пресмыкающихся* К 7; *Если заменить цинк в палочках цинковой пылью, то картина разложения с о в е р ш е н н о п е р е м е н я е т с я* Ип 640; *...эпитрихиальный слой, который я видел е щ е о ч е н ь я с н о на других местах кожи того же зародыша, здесь потерял свои ядра и с о в е р ш е н н о перешел в роговой слой, наружную часть которого он и представляет* Кун 5; *...сильно с к л о н и л и с ь к в е р ш и н е пальца* Кун 5; *Семейство гекконов привлекает внимание биолога о р и г и н а л ь н о в ы р а ж е н н о ю способностью к лазанию не только по стенам, но и по потолку, по стеклу* Кун 1.

Отметим возможность лексических плеоназмов, возникающих на базе введения в текст общеупотребительной лексики:

Что же касается классических уравнений термодинамики, то они на лекциях и в курсах термодинамики выводятся и с к л ю ч и т е л ь н о ч и с т о математическим путем 1903*; *...а з а т е м* часть алдегида разлагается *д а л е е на окись углерода и метан* Ип 640.

Как видно, в ряде случаев ввод общелитературной лексики в научный текст связан с задачами создания известной образно-

1/16 Заказ № 3690

сти изложения, в других случаях — это просто обозначение соответствующих понятий; нам важно показать сейчас ту свободу, с которой этот ввод осуществлялся. Да, пожалуй, в ту эпоху его и нельзя было избежать из-за отсутствия развитой системы собственных средств выражения научного стиля.

К нашему времени происходит решительный отказ от вторжения в научный текст иностилевой лексической стихии, достигаемый прежде всего прямым ее изъятием во всех возможных случаях (речь идет, конечно, не о всей массе лексики, общей всем стилям и объединяющей их в единый литературный язык, а лишь о некоторой группе лексики конкретного значения, имеющей преимущественное распространение за пределами строго научного изложения). Поскольку таким путем достигается и одновременное сокращение текста, это изъятие вдвойне отвечает современным тенденциям:

Это система рифовых ущелий на (в неровном) *африканском плато* О 1; *Эта полоса слабо проявляется в спектрах отражения, но сильно — в спектрах пропускания* СХ 6; *Менее требователен длиннопалый рак также к грунтам, т. к. он не всегда роет себе норы, как широкопалый рак, а часто* (довольствуется и хорошо) *использует естественные укрытия* З; *Это строение* (именовалось рестораном и) *служило единственной летней лабораторией* З; (Затем) *На заседании* (снова) *в Зоологическом ин-те АН СССР были заслушаны...* З; *в этом районе... следов былого обитания сурков пока не найдено* З; *...сохранив в неприкосновенности* (опять же) *специфику взглядов покойного автора* З; *Паллас занимался во время этой поездки медициной, но* (тут уж), *вероятно, уже по собственному влечению, занимался и с естественноисторическими коллекциями* З; *Интерпретация* (с интерпретацией) *соответствующих результатов* (дело обстоит) *несколько сложнее* СХ 5.

Отказ от введения в научный текст маркированного иностилевого лексического материала и всякого рода «негладкой», недостаточно семантически отшлифованной привычным употреблением в научном тексте лексики еще более широко осуществляется путем замены на специфически научную или нейтральную лексику. Пожалуй, такая замена — вообще один из самых распространенных способов редакторской (и авторской) правки. Случаев такой правки множество, ими пестрит любая научная рукопись. Приведем лишь некоторые характерные примеры:

...белело несколько палаток возле жилища (около маленькой хибарки) *рыбака* З; *Казахские зоологи* (товарищи) *привезли на выставку...* З; *...лев, конечно, мог свалить* (повергнуть) *наземь коня со всадником* З; *...спектры различных слоев одного и того же образца толщиной 12 мм, подвергнутого трехчасовому нагреву* (гретого) *при 620°С* (3 часа) СХ 6; *Семена ели и сосны появляются* (выпадают) *в лесу... с сентября, когда раскрываются первые шишки* З; *...это был единственный* (первый и последний из) *известный* (известных) *нам случай* (случаев) *встречи человека со львом* З; *...Восточная часть* (половина) *нынешней Казахской ССР* З; *Одна из шиповидных щетинок... заметно больше другой* (второй) З; *...значение слов «лютый зверь» оставалось* (осталось) *невыясненным* (открытым) З; *...доказать возможность подобных плаваний и произвести* (как можно) *возможно большую сенсацию* О 2; *Мы обременены ... недостатками, и эти недостатки тормозят* (не ускоряют) *наше* (нашего) *движение* (движения) *вперед* З; *...в виде отдельных пятен* (небольших мест), *меняющих свое местоположение во время различных рейсов* (от рейса к рейсу) О 2; *В глубинной зоне ниже* (Глубже) *500 м зоопланктон очень беден, его биомасса составляет* (величину порядка) *1—2 м/м³* О 1; *В целом* (Словом) *рельеф... показан более детально* О 1; *...между кристаллической коркой и внутренней частью* (срединой) *образца* СХ 6; *Равновесные расстояния между соседними частицами... в значительной* (большей) *мере зависят от того...* СХ 6; *...вызвало* (у меня) *и некоторые замечания* (недоумения), *подлежащие дискуссии* З; *Приходится* (нужно) *принять, что...* З; *Поэтому, принимая аппроксимацию эффективных зарядов изоэлектронным рядом, необходимо* (надо) *для переходных металлов определить константу С* СХ 6; *В заключение* (настоящей статьи) *представляется необходимым* (хочется еще раз) *отметить, что...* СХ 6; *Причину указанного различия следует* (нужно) *видеть в том, что...* СХ 6; *Если указанная интерпретация верна, в жидкой воде также необходимо* (нужно) *различать зеркальносимметричные и центросимметричные связи* СХ 6; *...гибридизация ренневых атомов должна быть иной* (другого рода), *чем d^2SP^3* СХ 6; *...численный коэффициент, одинаковый* (один и тот же) *для всех N* СХ 5; *J_{200} немного больше* (выше, чем) *J_{102}* СХ 6; *...расстояние в молекуле AgH на 0,16 А° больше* (длиннее), *чем в Cu H* СХ 6; *...зеркальносимметричные связи удлиняются меньше* (слабее), *чем центросимметричные связи* СХ 6; *...значительно больше повреждаются первые два и меньше* (слабее) *— дуб пушистый* З; *...их времена релаксации при 295° К очень малы* (коротки) СХ 6; *Так же как кетил бензофенола, он оказался хорошо растворимым в бензоле и дал спектр ЭПР с отчетливо* (хорошо) *разрешенной СТС* СХ 6; *По мере* (при постепенном) *увеличения* (увеличении) *содержания окиси натрия в стекле...* СХ 6; *...случаи II и III должны быть отвергнуты* («не проходят») *уже потому ...* СХ 5; *Рассматриваемые* (разбираемые) *производные структуры интересны еще в одном отношении* СХ 5; *...и это,* (по всем) *вероятно* (вероятиям), *послужило...* З; *...заставляет предполагать, что в гексагидрате* (по всей видимости) *ближайшие друг к другу протоны, вероятно, удалены на расстояния, превышающие обычные для молекул воды* СХ 5; *Раздел же «Инцистирование» перенесен* (удален) *из этой главы в другую* (другое место) З; *В современных работах по ЭО подчеркивается, что эта величина никоим образом* (ни под каким видом) *не может*

рассматриваться как неизменная характеристика элемента [8] СХ 6.

С особым тщанием подвергается замене иностилевой лексический материал, несущий элемент экспрессии, о чем уже говорилось выше.

Конечно, многочисленные замены подобного рода несвободны от проявления индивидуальности редактора, т. е. они могут определяться индивидуальным редакторским стилем. Одни правящие более склонны ко всякого рода канцеляризмам и шаблонам, другие, наоборот, в большей мере допускают общеупотребительную лексику (ниже будут приведены случаи такого характера). Но различия в индивидуальных стилях здесь не столь велики, чтобы повлиять на некую равнодействующую, которая направлена к снижению количества лексем, допускаемых к обращению в научном тексте (напоминаем, что вопросы терминологии в этой работе не затрагиваются), к общей унификации лексического материала.

Унификации подвергается и словообразовательный материал. Вот некоторые примеры:

Это обстоятельство было впервые показано в работе Бокия и Боцанова на о с н о в а н и и (основе) *рефрактометрических измерений* СХ 6; *При повышении поляризующей способности катионов... закономерно п о н и ж а е т с я* (снижается) *величина энтропии* СХ 6; *...п о н и ж е н и е* (снижение) *диэлектрической проницаемости* СХ 6; *Соединение Sc_3Si_5 образуется при минимальном о т н о ш е н и и* (соотношении) *размеров атомов* СХ 6; *О т н о ш е н и е* (соотношение) (содержания) *Si* (и) *О в этом минерале ...* СХ 5; *В существующем виде связевые рефракции, применяемые в органической химии, имеют тот недостаток, что не позволяют учитывать р а з л и ч и е* (разницу) (в молекулярных) *рефракций* (рефракциях) *изомеров* СХ 5; *...нами были произведены и з м е р е н и я* (промеры) *и в з в е ш и в а н и е* (провесы) З; *...по характеру очертаний спинного щита* З; *Если высаливатель* (электролит) *п р и в о д и т* (ведет) *преимущественно к упорядочению структуры раствора...* СХ 5; *...наиболее прочные водородные комплексы* (в отношении) (смысле диссоциации) *образуются при добавл е н и и* (добавке) *в водные растворы ванадила щавелевой кислоты* СХ 5; *...основные свойства ионов VO^{2+} убывают с в о з р а с т а н и е м* (ростом) *силы добавляемых кислот* СХ 5.

Нередко редакторская правка бывает вызвана нарушением со стороны автора привычных канонов сочетаемости слов, которые сложились к настоящему времени как нормативные и которые в начале века, в условиях большей свободы лексического окружения слова, вероятно, не вызвали бы протеста:

П р е ж д е (раньше) *в с е г о видно, что...* СХ 6; *...п о д р о б н е е* (ближе) *нами н е и с с л е д о в а н н ы м...* СХ 6; *...представляет б о л ь ш о й* (высокий) *и н т е р е с...* З; *Сурчин д и а м е т р о м б о л е е* (размерами крупнее) *10—11 м* З; *...м о ж е т п р и в е с т и* (вести за собой) *и х к г и б е л и* (гибель) З; *...что отрицательно с к а з а л о с ь* (отразилось) *н а ж и в о т н о й к о с т и не только гибридных личинок, но также молоди* З; *Ученые нашего времени несут огромную ответственность перед своим правительством, своим народом и всем человечеством в д о с т и ж е н и и* (выполнении) *этой цели* З; *...это возмущение и м е е т* (носит) *другой характер* СХ 5; *Анализ отклонений полученных результатов... позволяет п р и т т и к* (сделать) *р я д у з а к л ю ч е н и й* (следствий) *относительно кинетики теплового движения молекул в жидкой воде* СХ 6; *Следовательно, стабилизацил структуры воды в л е ч е т з а с о б о й* (ведет к) *о б е з в о ж и в а н и е* (обезвоживанию) *высаливаемого иона* СХ 5; *Сосредоточение большого поголовья сельскохозяйственных животных и обилие диких грызунов п р и в е л о* (повлекло) *к ф о р м и р о в а н и ю массивных очагов переносчика клещевого сыпного тифа — клеща Dermacentor nutalliolen* З; *...наибольший уровень радиоактивности был з а р е г и с т р и р о в а н у* (регистрируется в представителях) *и г л о к о ж и х* О 1; *Все ячейки, с которыми оперирует приставка А — В, обозначим буквами $r_0, r_1, r_2, ...r_n$. С р е д и н и х* (В этом числе) *н а х о д я т с я* (как) *ячейки, содержащие исходные величины и константы* (h, x, 2π, ...), (так) *и ячейки, содержащие промежуточные и окончательные результаты* СХ 6.

Унификация лексического материала идет и в области слов служебного и полуслужебного назначения, причем здесь особенно заметна условность в установлении внутристилевого узуса. Так, оборот *с помощью*, широко распространенный прежде, в новейших журнальных текстах правится многочисленными редакторами в полном согласии друг с другом на оборот *при помощи*! Эта правка зафиксирована нами в СХ 5, СХ 6, О 1, О 2, ВЯ; лишь в З *с помощью* почему-то (видимо, из-за индивидуального языкового вкуса редактора) иногда остается невыправленным. Всего случаев правки отмечено 42, но вообще их значительно больше. Обратной правки не наблюдается. Любопытно, что иногда *с помощью* в целях стилистического разнообразия заменяется его лексическим эквивалентом *посредством*, благодаря чему возникает синонимическая пара *при помощи — посредством*, однако *с помощью* лишается прав гражданства благодаря унификации предлога.

Другая условность связана с употреблением различных причастий с *выше*. Если раньше эта часть закономерно предваряла причастие (ср.: *Сохраняя в ы ш е п р и в е д е н н ы е знаки* Б 15 и т. п., ср. также: *Эпитрихий срастается у них с н и ж е л е ж а щ и м роговым слоем, вместе с которым и сбрасывается* Кун 8), то сейчас, видимо, в целях отталкивания от канцеляризма,

выше отрывается от причастия и ставится после него, в результате чего возникает такая правка, как:

Приведенная выше (Вышеприведенная) *последовательность орбит*... СХ 6; ... *также можно объяснить приведенной выше* (вышеприведенной) *последовательностью молекулярных орбит* СХ 6; ... *приведенные выше* (вышеприведенные) *категории*... СХ 5; ...*не противоречат выводу о химической индивидуальности приведенных выше* (вышеприведенных) *соединений* СХ 6; *Подставляя их значения в написанные выше* (вышенаписанные) *матрицы, получаем*... СХ 5; ... *картина в целом значительно сложнее, чем она представляется упомянутым выше* (вышеупомянутым) *авторам* СХ 6; *Все перечисленное выше* (вышеперечисленное) *доказывает, что* ... СХ 5; *Основываясь на сказанном выше* (вышесказанном), *считаем возможным принять для энергии гомосвязи металл — металл среднюю величину 40 ккал.* СХ 6; ... *между плоскостями групп* NO_2^- *и указанными выше* (вышеуказанными) *плоскостями симметрии октаэдра* СХ 6.

Несчастливым в научных текстах оказался и предлог *благодаря*, который охотно исправляется на *вследствие* (отмечено 11 сл.). Обратной правки не наблюдается.

Приведем ряд примеров замены служебных слов, вполне аналогичных приведенному выше материалу, иллюстрирующему замену знаменательных слов:

(Дробными яйцекладками) *В условиях Белорусского Полесья нужно считать дробными не менее 70% яйцекладок среди* (из) *расположенных на высоте свыше 100 см* З; *Много нового введено опять-таки* (же) *в связи с исследованиями под электронным микроскопом* З; ...*лишь спустя* (через) *несколько месяцев пребывания в тепле*... З; *Тогда видим, что* (так) *определенная таким образом сжимаемость воды*... СХ 3; *Эти промеры показали, что, вопреки* (в противовес) *ожиданиям* ... О 1.

Ср. также замену наречия:

Мы сначала (сперва) *определили азот по Кьельдалю* З; *Для опытов были сначала* (сперва) *получены три антисыворотки* З; *сыворотки сначала* (сперва) *разбавлялись для уравнения количества белка в них* З.

Огромный материал, иллюстрирующий различные способы и мотивы унификации лексики, имеет лишь незначительный противовес в виде случаев правки обратного характера, вызванной стремлением отойти от канцеляризма. Такая правка, хотя она по существу и противоположна приведенной выше, как это ни парадоксально, преследует в общем ту же цель — углубление межстилевой дифференциации, в данном случае дифференциации еще недостаточно четко различающихся научного и канцелярско-делового стилей:

При несоблюдении санитарных правил (мероприятий) З; *В большом отдельном доме* (помещении) *оборудованы* (оборудована) *кухня и столовая на 50 человек* З; ...*содержать сады под чернным паром и без* (в чистом от) *сорняков* (состоянии) З; *с карагано и без нее* (с ее отсутствием) З; *Имеющиеся материалы позволяют уже теперь* (в настоящее время) *наметить направление научно-поисковых исследований* О 2; *летом* (в летний период) О 2; *Из Голландии Паллас вернулся в Берлин, где его вскоре пригласили на* (а там и произошло его приглашение в) *службу в России* (создавшее перелом в его жизни) З; *кажется значительно обедненной из-за* (в силу) *невключения в нее ряда сведений* З; *Родственная связь... еле* (очень слабо) *устанавливается в пределах отряда между семействами* З.

Отказ от конкретности нетерминологической лексики не может не повести к десемантизации многих и многих лексем, имеющих самое широкое распространение в современной практике научного письма. Более подробно об этом мы уже имели случай говорить [18]. Здесь напомним только, что десемантизация большого числа имен и глаголов в научном тексте создает самые благоприятные возможности как для свободного их изъятия из фразы без какого-либо нарушения ее смысла, так и для чрезвычайно широкого и практически неограниченного взаимозамещения этих имен и глаголов. Редакторами совершенно безболезненно изымаются из текста такие, например, существительные и предложно-субстантивные сочетания, как *вид, внешний вид, значение, наличие, выполнение, применение, изучение, воздействие, величина, данные, характер, содержание, факт, в количестве, программа, работа, способ, способность, порядок, процесс, режим, профиль, существование, расхождение, распространение, приобретение, проба, к вопросу о, в форме, путем, методом, часть, со стороны, степень, по поводу, в связи с* и мн. др.; такие глагольные и причастные формы, как *является, имеется, находится, выступает в, встречается, являющийся, имеющийся, выступающий, соответствующий, рассматриваемый, происходящий, существующий* и мн. др.; из других частей речи это такие слова, как в *течение, в среднем, существенно, действительно, равен, так называемый, целый, конкретный* и мн. др. Очень легко и без изменения или почти без изменения смысла высказывания взаимозамещаются такие, например, глаголы и глагольные сочетания, как *является тот факт — заключается в том, приводится— сообщается, есть — наблюдается, имеем — получаем, происходит — имеет место — отмечается, выполнены расчеты — проведен анализ, связывают — объясняют, отличается — характеризуется, получали — снимались, принадлежать — находиться, будем рассматривать — проанализируем, возникать — проистекать, смещаться — отодвигаться, говорится —*

[18] См. О. А. Лаптева. Указ. соч., стр. 194—195, 205, 206 и др.

имеется в виду, измерил — снял, выполняется — вычисляется, оказывается — мы увидим, является — служит, определяется в размерах — будет равна, собирался — сосредоточивался, где берут начало — с которым связаны, возникает вопрос — встает вопрос, перемещаются — уходят, состоит из — представлена, полностью отсутствуют — нет, составляют — равняются, занимался — исследовал, производились—совершались, дал — привел, считает — объяснил, проявляется на примере — показано на примере, применил — предложил, находился — имел, измерен — установлен — выведен — выступает, был — изучался, совпадает — находится, дает возможность — позволяет, зная — судя по, встречаются — имеются, имеют место — применимы, даем — получаем, имеют — проявляют, быть — составлять, снижается — уменьшается, было — являлось, расположен — находится, должно — следует, меняться — колебаться, состоялся — проходил, упираются в — возникают при, излагая вопрос — говоря о, обнаруживаются — проявляются; причастные формы: *интересовавшими его — привлекавшими его внимание, показаны — представлены, выведенной — установленной, измерен — установлен — выведен — выступает, рассчитан — получен, наблюдаемое — имеющее место, поданы — показаны — построены, представленный — написанный, полученные — изготовленные, названный — упоминавшийся, базирующийся — основанный, происходящее — имеющее место, выступающий — проявляющийся, использованы — взяты, обнаружен — найден — вычислен*; различные именные формы: *рассмотрение — изучение — выяснение, наличие — существование, с этой стороны — из-за этой причины, значение — величина, связь — зависимость — изменение, база — фон — основа, изменение — явление — поведение, в связи — в зависимости от, вопрос о — изменение, ряд — некоторые* и т. д. [19]

На первый взгляд полная синонимичность подобных форм может показаться сомнительной. Однако их реальное лексико-синтаксическое окружение (приводить контексты мы здесь не смогли из-за отсутствия места) с несомненностью показывает широко развернувшийся в научной прозе процесс взаимопроникновения и взаимообусловленности лексических и синтаксических характеристик, забвения исходного синтаксического значения конструкции (ср. приведенное выше *с помощью* и *при помощи*) под влиянием ее конкретного лексического наполнения, с одной стороны, а с другой — уничтожения индивидуальных различий лексем под влиянием их реальной встречаемости в одном и том же синтаксическом окружении. Такие лексемы больше не являются полноправными единицами словаря с развитой системой значений, они становятся некой условной материальной оболочкой некоторых, весьма немногочисленных, семантических единиц. Подробнее обсуждать здесь эту тему не представляется возможным, так как она выходит за рамки стилистического исследования.

Вот почему наивными представляются, например, подобные попытки уточнения способа выражения заключенной в высказывании информации, уточнения общего значения фразы путем замены одного слова со стертой — из-за активного стилевого узуса — семантикой на другое такое же:

Так как объемы V_8, V_7 и V_6 соответственно равны 1, 5/6 и 4/6, (то) *для каждого из вариантов с п р а в е д л и в ы* (имеют место) *следующие уравнения...* СХ 5; *Но тогда ионы с отрицательной гидратацией, у в е л и ч и в а я* (усиливая) *j, должны были бы уменьшать поверхностное натяжение, что в о б щ е м* (в целом) *экспериментально не обнаруживается* СХ 6; *Причем отметим, что эти факторы в л и я ю т* (действуют) *на поверхностное натяжение в разных направлениях и результаты их воздействия могут, следовательно, в какой-то мере компенсироваться* СХ 6; *Результаты получились с х о д н ы е* (согласными) *для разных комбинаций антисывороток* З; *С о г л а с н о* (соответственно) [2], *оводнение какого-либо высаливаемого иона ...* СХ 6; *... атмосферные процессы вызывают в глубине стратифицированного океана интенсивные колебания, которые, подобно зыби, распространяются на б о л ь ш и е р а с с т о я н и я* (обширные районы) О 1; *Большое хозяйственное значение вредных дендрофильных насекомых и недостаточная их и з у ч е н н о с т ь* (известность) *в Молдавии* З; *Гурьянова считает возможным допустить в этот период с у щ е с т в о в а н и е* (наличие) *разновременных трансгрессий обоих морей* О 2.

Возникает вопрос, затрагивает ли стирание конкретных семантических очертаний слóва и понятийный план, иными словами, происходит ли одновременная шаблонизация выражаемого словом понятия? На этот вопрос приходится ответить скорее положительно: свободная взаимозамещаемость лексем свидетельствует, видимо, и о недостаточной определенности соответствующих понятий, переходящих на «служебное» положение своего рода «понятия-связки» (в случае глагольного слова) или «родового понятия», «понятия вообще», относящегося к данному «понятийному полю» (в случае субстантива). В полной конкретности, видовой определенности этих понятий, пожалуй, и нет нужды, так как основная область одно-однозначных соответствий между словом и понятием заполняется терминологической лексикой.

Вернемся ненадолго к «пустым» и «полупустым» глаголам. Огромное их количество в определенных условиях современного научного контекста является одним из характерных признаков современного метаязыка науки. Исторический экскурс показывает, что этот признак рано стал осознаваться как характерный для научной прозы. В научной прозе рано возникло стремление перебазировать основную информативную нагрузку сообщения

[19] Некоторый другой материал см.: О. А. Лаптева. Указ. соч.

в сферу субстантивов. Своеобразные, хотя и очень робкие, попытки создания метаязыка науки на базе, в частности, «пустых» глаголов наблюдались в начале нашего века. Конечно, этих глаголов несравненно меньше, чем сейчас. Большинство из них не закрепилось в дальнейшем в тех словосочетаниях, в которых они употребляются в ранних текстах, да и сам их ввод в текст зачастую носит печать индивидуального словоупотребления. Однако показателен самый факт обращения к этим глаголам в целях спецификации текста:

Опубликование этих исследований будет сделано в непродолжительном времени Ип 643; *Начатые еще в декабре месяце 1897 года эти исследования в настоящее время могут считаться уже приведенными к концу* К 3; *...ведут к образованию других продуктов, но последних получается очень немного, и потому можно и не входить в их рассмотрение* Ип 635; *...пары нагретых веществ входят в соприкосновение — в контакт* Ип 632; *... которым делает оценку* В 8; *Поэтому являлось необходимым исследовать причину такого легкого разложения спирта в присутствии железа* Ип 638; *...интересным являлось выяснить, будет ли цинк, находящийся в сплавах, точно так же способствовать разложению спирта на водород и алдегид* Ип 640; *... следует заметить, что состав газов близко подходит к составу газов, которые получаются при разложении в стеклянной трубке* Ип 641; *...одни клетки представляются окрашенными очень слабо, другие сильнее, третьи получают очень интенсивный ... цвет* К 25; *...не имеется никаких данных для суждения о количестве полученных алдегидов и этиленовых углеводородов, и потому представляется трудным составить себе понятие о направлениях разложения простых жирных эфиров* Ип 636.

Предположительно можно утверждать, что это один из очень немногих, если не единственный, прием, применявшийся в начале века для придания тексту «наукообразности» (напоминаем, что в этой работе вопросы терминологии не рассматриваются; впрочем, употребление специальных терминов в научном тексте нельзя, конечно, считать стилистическим приемом). Так ли это, окончательно можно будет установить, лишь опираясь на выяснение реального распространения подобных глаголов в других сферах литературного языка.

Преобразование манеры неполного словесного выражения

Стремление к предельной точности изложения, к тому, чтобы не осталось никакой недосказанности, которая могла бы повести к неверным предположениям или просто к не вполне адекватному пониманию, повлекло за собой складывание к нашему времени такой манеры изложения, при которой во фразе не остается ни одного неназванного члена, ставятся «все точки над i». Эта манера не проходит бесследно и для собственно синтаксической стороны фразы, для ее структурной схемы, а также и для схемы некоторых типов словосочетаний.

В начале века в научной прозе нередко встречались случаи отсутствия при глаголе или отглагольном существительном управляемой падежной формы, обязательной с точки зрения современного восприятия научного текста:

...собственно пирогенетические разложения органических веществ, которые совершаются под влиянием только тепла, т. е. когда оболочка сосуда, в котором происходит реакция, не принимает никакого участия (?) [20] Ип 632; *окраска и мимикрия, резко выделяя животное на фоне обитаемой им среды, предупреждают других животных о присутствии* (?), *что, разумеется, может иметь место лишь в том случае, когда предупреждающее о своем присутствии животное или хорошо вооружено, или подражает хорошо вооруженным, или, наконец, обладает дурным вкусом и запахом, делающими его несъедобным* В 1; *Из 54 гр. разложенного спирта получено около 32 гр. уксусного алдегида. Выход* (?) *более 60%* Ип 639; *...элементы, принадлежащие к четному ряду, образуют легко с* H_2O_2 *надкислоты; между тем как элементы, принадлежащие к нечетному ряду, не образуют* (?) *или образуют крайне непрочные перекиси* Мел 208; *Однако высказаться в том смысле, что все волокна второй группы участвуют своими концевыми разветвлениями в образовании «перицеллюлярного» сплетения, я не решаюсь. Напротив, при* (?) *изучении у меня сложилось впечатление, что ...* К 42.

Словосочетание *представлять собою* часто выступало также без зависимой падежной формы в виде *представлять* (С 153, Мел 209—2р., Кун 2, Кун 6 2р., Кун 7 и др.), хотя *представлять собою* также могло употребляться (например, В 13):

Соли угольной кислоты, образующиеся при действии H_2O_2, *представляют* (?) *углекислые соли* Мел 209; ср. также: *Самцы (пауков) часто представляют* (?) *более темную окраску* В 16 [21].

Нередко опускаются или предстают в неполном с современной точки зрения виде средства союзной связи и их местоименные корреляты, ср.:

Чешуи могут иметь форму бугорков, (?) *могут быть плоски и прижаты к коже* Кун 2; *Те металлы, которые легко разлагают*

[20] Знаком вопроса в скобках обозначаем место возможного эллипсиса.

[21] Своеобразную обратную аналогию этому словосочетанию составляет словосочетание *тому назад*, которое, сохраняясь в литературном языке в основном в этой форме, в языке радио сейчас последовательно утрачивает элемент *тому* (в дикторском тексте; характерно, что в радиоинтервью различных лиц этот элемент сохраняется; заметим, что в прозе Пушкина он может отсутствовать).

воду, (?) следовательно легко окисляются, и, кроме того, легко восстанавливаются, могли облегчать разложение спирта на алдегид и водород Ип 642; *Сосочки вначале радиально симметричны и перпендикулярны к поверхности кожи, затем они склоняются к ней, (?) делаются плоскими и двусторонне симметричными, т. е. дают чешуи в окончательной их форме* Кун 2; *Эти реакции ясно свидетельствуют (?), что кислота здесь минеральная* С 220; *Ответом на этот вопрос Пиперс считает (?) факт, что* ... В 5.

Мог быть пропущен также местоименный главный член зависимой части сложноподчиненного предложения:

...в животном, видящем цвет, которому (?) подражает В 10; *...который может быть то белым, то желтым или зеленым, смотря по цвету предмета, на котором (?) находится* В 10; *... каждая группа гусениц несла на себе более или менее ясно выраженное влияние цветных лучей, действию которых (?) подвергались* В 11; ср.: *эти соединения обладают выше приведенной особенностью: от действия воды (?) распадаются почти окончательно на фосфорнокислые соли и свободную перекись водорода* Мел 209.

Возможны были и некоторые иные случаи эллипсиса:

Сходны с (?) Braun'ом и наблюдения Haase Кун 5; *Из 100 гр. спирта разложилось 70 гр., из которых 10 грамм спирта (?) на этилен и воду, а остальные 60 гр. на алдегид и водород; около 5 гр. алдегида получено, а остальные 55 гр. алдегида разложились на окись углерода и метан* Ип 637; *Даже тогда, когда авторы сходятся принципиально во взгляде на мимикрию, и одинаково признают ее фактом, они нередко коренным образом расходятся между собою по вопросу о происхождении (?) явления* В 1—2; *Допустим, говорит Пиперс, что такие преследования бабочек птицами, которые предполагаются сторонниками миметизма, (?) существуют, доказано ли, что группы, будто бы владеющие иммунитетом, действительно таковым обладают?* В 5.

В современных текстах с подобными случаями эллипсиса могут быть сопоставлены самые различные типы вставок и уточнений [22]. Прежде всего широко вставляются приглагольные и присубстантивные зависимые слова:

...энергия связи Me в них лежит (между) *в пределах* 38—62 *ккал.* СХ 6; *...становятся достоянием всех народов, помогают им бороться за лучшую жизнь* З; *От чего зависит благосостояние народа, что нужно человеку? Пища, одежда, жилище, здоровье и мир. Энтомология вносит в это свой немалый вклад сохранением урожая продовольственных и прядильных культур, обеспечением более высокой продуктивности лесного хозяйства* З; *Как видно, в нашей литературе нет единого мнения по этому вопросу. Морфологические и биологические признаки не дают на него четкого ответа* З; *Так как в рассматриваемом случае изоэлектронного ряда нет, и последующим элементам, где в связи участвуют и 3d электроны* СХ 6; *Составленные нами карты...* О 2; *Структура этих карбонатов была изучена Брэггом и позже Уайковым, который показал, что они принадлежат к пространственной группе* D^6_{3d}. *Элементарная ячейка этих карбонатов представляет собой ромбоэдр* СХ 6; *Если принять, что количество пищи, необходимой фитофагам в сутки, составляет от 5—7% до 15% веса их тела ...* О 1; *В ряде работ автора настоящей статьи и других исследователей* З; *Направления и пути редукции головной капсулы в этих двух группах семейств настолько различны, что следует говорить в данном случае не о близости этих групп, а о параллельно идущих процессах развития* З; *В этом озере жили оба вида: в части, прилегающей к протоку, преобладал длиннопалый рак, в средней части встречались оба вида, в противоположной протоку части озера сохранился широкопалый рак* З; *...в корневой части косы отмечаются ... По направлению к дистальной части косы процентное содержание всех фракций прибрежных наносов постепенно становится примерно одинаковым* О 2; *совпадение очертаний атлантических побережий Африки и Южной Америки...* О 1; *...в тех местах, где после дождя трава была продолжительное время влажной. В этих местах самки перебрались в более сухое место, а* 6 *из них не были обнаружены (всего 17)* З.

Восполняться может существительное, уточняющее понятийный смысл высказывания:

...диаметры бутанов сурков З; *Об изучении распределения кислорода в водах морей на примере Южного океана* О 2; *Наиболее характерные изогипсы уровня получились в заливе Пярну, где поднятие уровня достигает 14 см* О 2; *При выполнении массовых структурных расчетов в математическом отделе Института химической физики* АН СССР... СХ 6; *Показано, что во всех исследованных системах донором является карбонильный атом кислорода молекулы сложного эфира, причем в комплексах типа II со слабовозмущенной частотой* $\nu_{C=O}$ *атом галогена находится в цис-положении к карбонильному атому кислорода* СХ 5; *...пятый атом* Z_r СХ 5.

Своеобразную противоположность такому восполнению представляют собою случаи восполнения глагольного слова ослабленной семантики, обычно осуществляемые с целью остаться в рамках привычной синтаксической схемы:

Если же в смеси имеется избыток окиси и другого двухвалентного металла... СХ 5; *Структурную формулу следует писать в виде* $Ba[B(OH)_4]_2$ СХ 5; *Расстояния B — O до*

[22] См. об этом еще: О. А. Лаптева, Указ. соч., стр. 203 и сл.

трех ближайших атомов кислорода составляют *от 1,40 до 1,55 А°* СХ 5; *расстояния В — О в четырех тетраэдрах* равны: *1,60; 1,60; 1,73 и 1,57 А°. Расстояния О — О в тетраэдрах* $B(OH)_4$ *лежат в пределах от 2,33 до 2,65 А° (среднее 2,50 А°)* СХ 5; *После аналогичных преобразований* получаем *для энергии делокализации ...* СХ 5; *Из рассчитанных ранее значений расстояний в молекулах... по аддитивной схеме* находим $R_{Fr} = 1{,}48 \pm 0{,}03$ А° СХ 6; *Кристаллохимические радиусы* Mg^{2+}, Ni^{2+} *и* Co^{2+} *равны соответственно 0,74, 0,74, 0,78; радиусы* Ca^{2+} *и* Cd^{2+} составляют *соответственно 1,04 и 0,99* СХ 6; *Ниже этого слоя температура и соленость постоянны с глубиной и* считаются *известными* О2; *Правильная мера таких оценок* состоит *только в том, насколько...* З; *...служивший затем много лет сторожем станции и первое время* бывший *ее единственным штатным сотрудником* З; *Объем ячейки (103 kx³) примерно равен сумме объемов окислов* ($2VO_2 + UO_2$), составляющей *108 kx³, т. е. на ячейку приходится ...* СХ5; *координаты U в* UV_2O_6 равны *000, а V* составляют *1/3 2/3 1/2 и 2/3 1/3 1/2* СХ 5.

Требование однозначности высказывания, уничтожения его возможной двусмысленности ведет к вводу различных лексических повторов — начиная от замены местоименного слова полнознаменательным или простого повторения этого полнознаменательного слова и кончая дополнительным вводом местоименного или полнознаменательного слова, которое уже «незримо» присутствует в контексте:

Можно предположить, что в этом случае соответствующие полосы будут менее интенсивны и сместятся в более длинноволновую область спектра. По-видимому, отсутствие полосы поглощения гидрида меди объясняется (ее) *весьма малой интенсивностью* этой полосы СХ 5; *Неподвижный палец клешни хелицер заметно шире подвижного; последний зубец на* (его) *внутренней поверхности* пальца *расположен позади прозрачного придатка* З; *...избран профессором Юрьевского университета. Вместе с этим университетом* он *летом 1918 г. переехал в Воронеж, где проработал 3 г.* З; *Брэгг и Чэпмен впервые сопоставили структурные параметры разных карбонатов типа кальцита. Эти авторы указали на близость значений ромбоэдрического угла α для всех рассматриваемых веществ, которая...* Брэгг и Чэпмен (Они) *показали, что...* СХ 6; *Между карпами и щукой не удалось установить кровного родства, очень слабое родство отмечается* у карпа *с сомом, более близкое — с карасем и тождество — между зеркальным и чешуйчатым карпами* З; *Вместо раздела «Индивидуальный жизненный цикл» введен* раздел *«Физиологические изменения на разных стадиях цикла»* З; *Гипотетическое изображение рельефа дна изобатами между промерными галсами... должно быть значительно ближе к существующей в природе картине и* должно

быть более вероятным с точки зрения передачи глубин океана О1; *У личинок короткоусых прямошовных двукрылых, так же как и у личинок длинноусых, проявляются элементы внекишечного пищеварения* З; *Отличие радиуса во фториде само по себе неудивительно; ...это же* отклонение *наблюдается и в подгруппе цинка* СХ 6; *Пупарии имеются у многих длинноусых двукрылых (Scatopsidae...),* у короткоусых — *Sratiomyidae* З; *Эмпирические радиусы* Si^{4+} *и* G^{4+} *рассчитаны по межатомным расстояниям в четырех галогенидах (15), (17),* радиус Sn^{4+} — *по трем галогенидам (17) (о фториде данных нет),* радиус Pb^{4+} — *из межатомного расстояния в хлориде (17)* СХ 6; *Последние* силикаты, *взаимодействуя с углекислотой воздуха ...* СХ 6; *Этим опытом хотели выяснить, имеются ли в печени и селезенке рыб антигены, родственные антигенам сыворотки крови, а если* они *есть, то как много их в этих органах* З; *Отсутствие естественных рубежей на юге области и защищенность горными хребтами от проникновения элементов сибирской фауны оказало и существенное влияние на формирование фауны Убсунурской котловины;* для нее *характерно обилие ксерофильных видов грызунов монгольского происхождения* З.

Отметим здесь еще случаи разного рода вставок указательных местоименных слов, союзов, предлогов, частиц, наречий, вводных слов и выражений уточняющего характера:

Наряду с анализом жирности, проводится рассмотрение упитанности наваги с целью наиболее полного освещения этого *вопроса* З; *Коэффициент жирности рыб в III стадии зрелости несколько более высокий по сравнению* с таковым у *рыб* (с рыбами) *II стадии зрелости в те же месяцы* З; *По Р. С. Сергееву...* Этот *автор отмечает...* З; *В области 12—13, 5 мк имеется вторая полоса,* также *относящаяся к основным колебаниям атомов кремния* СХ 6; *Об этом свидетельствует сопоставление с результатами наших наблюдений и имеющихся литературных сведений* З; *...известны на многих памятниках классической древности,* а также (и) *скифской и сарматской культур* З; *Как указывается в литературе, ... видовые признаки широкопалого рака чрезвычайно постоянны...* При этом *широкопалый рак и экологически менее пластичен...* З; *...спектры наружных частей закристаллизованных стекол, подвергнутых нагреву при 620—635° С* в течение *соответственно 3, 6, 12 и 288 часов* СХ 6; *Биологически выгодно, чтобы птенцы дуплогнездников дольше развивались, оставаясь в гнезде, ... а птенцы недуплогнездников оставляли бы доступные для хищников гнезда возможно раньше, даже иногда* еще *не приобретя способности к полету* З; *по Приуралью и Западной Сибири — в Екатеринбург (Свердловск)* и далее *до Тюмени и Тобольска* З; *Добыча производится* главным образом *с помощью жаберных сетей, ярусов и ловушек* З; *а весной 1963 г. он,* кроме того, (еще) *подвергся серьезной операции* З; *Мы полагаем, что... в организме овсянок,*

по-видимому, *происходит иммунная перестройка* З; *...ведущее значение приписывается другим факторам, например, обилию пищи в природе и т. д.* З; *В спектре эфиров в области (у) 1040 см*$^{-1}$ СХ 635.

Расширение смыслового согласования

Потребность в «логическом синтаксисе», в совмещении требований логики и грамматики, в выражении синтаксическими средствами логической структуры высказывания имеет одним из следствий сильно возросшую продуктивность так называемого смыслового согласования. Редакторы различных современных журналов согласно правят единственное число глагольного сказуемого на множественное, если это сказуемое относится к двум однородным подлежащим, соединенным союзом *и*, причем обратной правки не отмечено:

Фазовый анализ и определение структуры образцов проводи л и сь (-лся) *по порошковым рентгенограммам* СХ 5; *В спектре имею т ся* (-ется) *широкая полоса 400—600 см*$^{-1}$ *и узкий пик при 60 см*$^{-1}$ СХ 6; *В последнее время убедительно показано, что для лучшего разрешения спектра ЭПР в растворе большое значение име ю т* (-ет) *чистота растворителя и удаление следов растворенного кислорода* СХ 6; *... поскольку уменьша ю т с я* (-ется) *амплитуда и ангармоничность их колебаний...* СХ 6; *Поэтому уточнение и разработка отдельных деталей и выяснение противоречий этой системы оста ю т с я* (-ется) *и в настоящее время важными задачами* (важной задачей) СХ 6; *В лабораториях име ю т с я* (Лаборатории располагают) *необходимое химическое и оптическое оборудование* З; *Равенство времени релаксации протонов воды и гипофосфита в насыщенных растворах и его независимость от присутствия* K^+ *или* Na^+ *показыва ю т* (-ет), *что в этом случае эффекты гидратации не проявляются* СХ 6; *Кристаллохимические константы катионов и близкие к ним по значению в весьма ограниченной мере характеризу ю т* (-ет) *величины энергии образования* ΔH_{298} *и изобарно-изотермного потенциала* ΔZ_{298} *простых соединений* СХ 6; *Отмеча л и сь* (-лась) *большая пористость снега и льда и явление эрозии в летнее время* О 2; *Естественно, что замедление таяния льдов обусловлено адвекцией холода, а замедление нарастания—адвекцией тепла, котор ы е проявля ю т с я* (которое проявляется) *в летних похолоданиях и в зимних потеплениях* О 2; *В южной части западного берега Красноводского п-ва отсутству ю т* (-ет) *роговая обманка, биотит и андалузит* О 2; *Но подготовка и издание этих серий требу ю т* (-ет) *многих десятилетий настойчивого труда большого числа исследователей* З; *В этот период происход я т* (-ит) *дозревание половых продуктов от III—IV до V стадии зрелости и нерест рыб* З; *...и по-новому в связи с этим тракту ю т с я* (-ется) *механизм их движения и роль в нем всего придаточного аппарата* З; *... увеличение медианного диаметра и низкая степень сортировки на глубинах 2—3 м на Западном побережье Красноводской косы связа н ы* (-но) *с тем...* О 2.

Изменение формы числа глагола отмечено даже в том случае, когда союзом *и* соединены существительные полуслужебного характера, семантически неполноценные, со стершимся значением: *Следует ясно представить себе, что роль и значение химического метода борьбы с вредителями все более повыша ю т с я* (-ется) *по сравнению с агротехническими и организационно-хозяйственными методами борьбы с вредителями* З;

Форма числа сказуемого меняется и при нескольких однородных подлежащих:

Число полос в спектре, их структура, интенсивность, поляризация завис я т (-ит) *от структуры решетки* СХ 6.

Согласование по смыслу происходит и тогда, когда в состав подлежащего входит числительное количественного значения: *...практическое значение име ю т* (-ет) *только 2 вида* З; *у личинок ...сохраня ю т с я* (-ется) *еще 2 мандибулярных сочленения* З; *близ ее вершины име ю т с я* (-ется) *2 массивных шипа* З; *...у льда действительно име ю т с я* (-ется) *два типа связей* СХ 6; *В сыворотке сома име ю т с я* (-ется) *три антигена* З; *85% самок име ю т* (-ет) *размах крыльев...* З; *При температуре 226° К линии 1 и 2 сливаются в синглет, как если бы в решетке оста л и сь* (-лось) *лишь 7 неэквивалентных положений атомов хлора* СХ 5; *...наблюда ю т с я* (-ется) *7 линий* СХ 5; *...все 8 линий разбива ю т с я* СХ 5; *Таким образом, на полную ячейку приход я т с я* (-ится) *8 формульных единиц* UV_3O_{10} СХ 5. Отмечен даже и такой пример: *Наличие 600 двувидовых глаголов, из которых половина являю т с я словами общелитературного языка, свидетельствует о том,* что ...ВЯ.

Рассматриваемое явление — безусловный факт только письменной речи. Условный его характер сказывается и в том, что при устном произнесении оно имело бы весьма невыразительное фонетическое воплощение.

Изменение формы единственного числа на форму множественного числа происходит и у существительных, определяемых двумя или несколькими определениями:

...хохлатой и большой с и н и ц (синицы) З; *...на нижней и верхней ч а с т я х* (части) *членения* З; *часть стыка ареалов широкопалого и длиннопалого р а к о в* (рака) З; *цепи чередующихся атомов между основным и возбужденным состоян и я м и* (ем) СХ 5; *в которой кислород связан связ я м и* (-ью) *с и п с каждым из атомов рения* СХ 6; *...промысловые возможности зоны Антарктической конвергенции в Атлантическ о м* (-ого океана), *Индийском и Тихом о к е а н а х* О 2; *...гусеницы других видов листоверток, златогузок* (-ки), *пядениц, совок, жуки западного и восточного м а й с к и х х р у щ е й* (майского хруща) и *кравчика* З.

Смысловое согласование может распространяться и на определение:

...у личины... головная капсула представлена более удлиненными (-ой) *дорсальной и вентральной пластинками* З; *Вместе со статьей высылаю новые акты экспертизы и авторскую справку* СХ 6 (Письмо автора). *...говорят, что это их качество послужило причиной и явлений миметизма* В 4.

Активизация логического принципа в словорасположении

Нам уже приходилось говорить об особенностях словорасположения в современном научном тексте и о некоторых тенденциях этого словорасположения, основная направленность которых состоит в следовании «классической» схеме [23]. Здесь, не претендуя на какую-либо полноту описания, остановимся лишь на тех явлениях, которые показывают определенную соотносительность для срезов начала века и наших дней, образуют своего рода изоглоссы.

Прежде всего обращает на себя внимание расположение сильноуправляемого члена при глаголе. В начале века здесь была возможна значительно большая свобода, нежели сейчас. Сильноуправляемый член мог располагаться перед глаголом (~отглагольным существительным), мог отделяться от него другими словами (зависимыми от сильноуправляемого члена, слабоуправляемыми членами, обстоятельственными словами). При этом допускалось отступление от логического хода мысли, возникали своеобразные, подчас разговорные интонации:

Хотя бор принадлежит к элементам с небольшим атомным весом, тем не менее соли этой кислоты перекисью водорода окисляются и дают соли надборной кислоты Мел 208—209; *...изменение в окраске, претерпеваемое гусеницей* Sphingidae, *никакого отношения к покровительству насекомого не имеет* В 9; *Ничего нет удивительного в том, что ...* В 15; *6 грамм алдегида получено, а остальное его количество разложилось* Ип 637; *что не все металлы будут способны давать при сравнительно низких температурах хорошие выходы алдегида* Ип 642; *Для того чтобы определить, сколько образуется при разложении спирта этилена, был сделан опыт № 60 разложения 140 гр. спирта при 820—830°* Ип 634; *...гораздо важнее у этих самых животных другая форма кутикулярных образований, которые превосходят вышепоименованные не только величиной и мощностью, но позволяют также проследить их интересный способ образования — это кутикулярные волоски на лапках* Кун 3.

В современных текстах сильноуправляемый член располагается в непосредственной близости от управляющего слова, преимущественно после него. Звучание фразы становится строже, расположение ее членов — более логически обоснованным:

Вызывает возражения (Значительные возражения вызывает) *и метод использования М. М. Камшиловым материалов по планктону* О 2; *Для определения же интенсивности турбулентного перемешивания в волнах зяби пока еще нет освоенных приборов* (освоенных приборов пока еще не имеется) О2; *...то* (мы) *будем* (ее) *рассматривать ее как заполненную* СХ 5; *Авторы высказываются за введение в поправки координат на каждом цикле уточнения* (в поправки координат) *множителя* η СХ 5; *...материал главы I новой книги — о цитоплазме, хотя в ней, конечно, приведены новые данные* (в ней) З.

Стремление к фиксированности расположения в схеме фразы обнаруживают и обстоятельственные слова, относящиеся к глаголу или поясняющие предложение в целом. Общелитературная норма допускает вариативность в расположении этих слов во фразе (преимущественно это начало или конец фразы для распространенного обстоятельства, положение перед или после глагола для одиночного), что отразилось и на размещении обстоятельственных слов в научных текстах начала века. Здесь они довольно часто занимают во фразе конечное положение или располагаются после глагола:

...но если явлений мимикрии не оказалось в этой последней, то мы с полным правом можем полагать, что ее нет нигде на земной поверхности В 5; *простая конвергенция... объясняет это явление вполне ясно* В 15; *Опыт показал, что требуется поднимать температуру гораздо выше для разложения эфира, чем это требуется для спирта* Ип 641; *Так, например, замечено при этом образование ничтожных количеств оксиметилена и ацетилена* Ип 635.

В наши дни логическая схема научной фразы требует расположения обстоятельственных слов перед сказуемым. С точки зрения общелитературной нормы это условность, однако она довольно прочно вошла в практику научного письма и воспринимается как «дифференциальный признак» стиля:

За это время в Средиземном море было проведено свыше десяти экспедиционных рейсов советских научно-исследовательских кораблей (в Средиземном море) О 1; *Так, В. Н. Никитин нашел, что прибрежная полоса моря благодаря более глубокому и интенсивному перемешиванию вод, вызываемому сгоном и нагоном и системой прибрежных течений, и материковому стоку, богаче центральных районов вследствие сосредоточения большого количества биогенных веществ, а следовательно, и фитопланктона* (в первом варианте слова *благодаря... стоку* стояли в конце фразы — *О. Л.*) О 1; *...полюсные походы атомных подводных лодок в 1957—1960 годах в истории освоения Арктики явились по существу первыми длительными активными плава-*

[23] См.: О. А. Лаптева. Указ. соч. стр. 213 и сл.

ниями (в истории освоения Арктики) О 2; *Следовательно, при более хороших условиях нагула жирность мышц п е р е д н е р е с т о м снижается меньше* (перед нерестом) З; *Особенно важно отметить, что з и м о й и по численности и по биомассе* (зимой) *наиболее богатыми были глубоководные районы Черного моря* О 1; *K_5 и K— коэффициенты пропорциональности; в п е р в о м п р и б л и ж е н и и, можно принять* (в первом приближении)... СХ 6; *...районы постоянно возникающих противотечений, например, между мысами Тарханкут и Херсонес; в т е п л о е в р е м я г о д а северо-западное мелководье* (в теплое время года), *особенно приустьевые участки; в центральной части моря — между Крымом и берегами Анатолии...* О 1.

Последний пример показывает, что общая схема расположения обстоятельственных слов в инициальной позиции сохраняется и в безглагольных конструкциях (в данном случае в конструкции перечисления). При наличии во фразе нескольких групп обстоятельственных слов они располагаются в порядке сужения их конкретной отнесенности — чем более общую прикрепленность во фразе обнаруживает обстоятельственная группа, тем ближе к началу фразы она располагается:

В лаборатории Литологии ЧЭНИС ИОАН с е р е д и н ы 1 9 6 0 г. для определения механического состава морских осадков (с середины 1960 г.) *применяют водный анализ* О 2;

Однако пояснение, заключенное в скобки и не имеющее узкой прикрепленности к какому-либо отдельному слову, обычно относится на конец фразы, что лишний раз показывает условность построения текста, целиком ориентированного на зрительное восприятие:

Очень рано, в 1754 г. (Палласу было только 13 лет), *началась студенческая жизнь Палласа — е м у б ы л о т о л ь к о 13 л е т* З; *Размеры тела* (длина в микронах) *особей — д л и н а в м и к р о н а х* З; *у налима, у которого он также* (Сергеев, 1959) *достигает наибольших величин в мае и падает до минимума в июле — августе* — С е р г е е в, 1 9 5 9 З; *Большое значение в преобразовании мандибул имел переход от питания твердой пищей к питанию жидкой* п и щ е й — Becher, 1910, Schremmer, 1951 (пищей) З.

Логическая схема современной научной фразы не допускает разъединения частей сложного и составного сказуемого, в то время как в начале века такое разъединение было возможно, ср.:

Количество разложенного спирта, конечно, будет зависеть от времени, в течение которого б у д у т п а р ы спирта п р о х о д и т ь раскаленную часть трубки Ип 633; *...указывает, что ...вес у буроголовой гаечки* (был) *зимой б ы л меньше, чем л е т о м* З.

Различия в расположении определений и определительных оборотов не столь отчетливы, чтобы их можно было однозначно сформулировать. Прежде всего, пожалуй, следует обратить внимание на ряд случаев постпозитивного расположения в ранних текстах определений, чаще всего причастных с препозитивным пояснительным словом, в соответствии с нынешней препозицией:

...изменяют цвет, когда находятся в с р е д а х р а з л и ч н о о к р а ш е н н ы х В 11; *Чем меньше нужно воздуха, тем менее плотной может быть п а у т и н а е г о з а д е р ж и в а ю щ а я* В 63; *Ф о р м ы п о д р а ж а е м ы е суть формы древнейшие; Р. Метпоп — вид, находящийся в с т а д и и п е р е х о д н о й* В 15; *Еще интереснее, в смысле явлений, подтверждающих справедливость заключения о том, что покровительственная* (постоянная и изменчивая) окраска *пауков есть п р и з н а к д л я н и х п о л е з н ы й и потому обязанный своим существованием главным образом естественному отбору, представляют собою факты, доказывающие ...* В 13.

Ср. современное:

Трехатомный спирт — глицерин — представляет ч р е з в ы ч а й н о в я з к у ю с р е д у (среду чрезвычайно вязкую), и в *нем создаются условия для разрешения тонкой структуры линий ЭПР* СХ 6.

Напротив, препозитивным в ранних текстах могло быть такое распространенное определение (обычно выраженное прилагательным), которое сейчас стремится к постпозиции. Ср.:

Что касается до оснований, по которым я утверждаю, что пауки близко родственные между собою имеют в о с н о в н ы х ч е р т а х с х о д н у ю а р х и т е к т у р у п о с т р о е к, то это мое утверждение основывается на длинном ряде фактов, из которых приведу здесь наиболее характерные В 25; *Встречаются п р е д л о ж е н и я неясные в смысловом отношении* (предложения) З; *Для решения вопроса о «лютом звере» м а т е р и а л более конкретный, чем «Летопись»,* (материал) *дает...* «Поучение» З; *Недостаточное увлажнение периодически ослабляет н а с а ж д е н и я, особенно искусственные* (насаждения), *с поверхностной корневой системой* З.

В области расположения одиночного согласованного определения обратим внимание на нормативную для ранних текстов постпозицию указательного местоимения *этот*, ср.:

Клеточки э т и, при помощи мускулов к этому приспособленных, могут... В 10; *Род э т о т для Черного моря до сих пор не был указан, но животное было известно и принималось за молодых* Vermilia, *раковина которых имеет действительно некоторые сходства* с раковиной Salmacina Воскр 1; *В самой простой форме образования э т и имеются на спине в виде блестящих чешуек* Кун 2; *Сначала предполагали, что сок э т о т подобно желудочному соку позвоночных животных имеет пищеварительное значение* С 139; *Самый принцип э т о т встретил, как известно, столько возражений, что...* В 17; *Опровержение э т о заключается в следующем...* В 15; *... что э т а форма лучше других вооружена*

в борьбе за существование, и что пигментированность э т а должна соответствовать лучшим условиям питания В 17.

Несогласованное определение также встречается в постпозиции, ср.:

Спирт нагревался в колбе, из которой пары е г о поступали в раскаленную тугоплавкую стеклянную трубку Ип 632—633.

В современных текстах нормой в этих случаях является препозиция определения; вообще определение сейчас стремится занять это положение во всех случаях, где общелитературной нормой допускается колебание [24].

Привлекает еще внимание расположение наречных слов, которые в ранних текстах могли разъединять слова, связанные тесной синтаксической связью — согласованное определение и определяемое, подлежащее и сказуемое, союз и его местоименный кореллят:

Имеют окраску более или менее соответственную цвету того и м е н н о растения, на котором живут В 11; *небольшие вены имеет одно т о л ь к о широкопетлистое нервное сплетение, а залегающие в поверхностных слоях слизистой оболочки капилляры лишь сопровождаются тонкими безмякотными нервными волокнами* К 6; *...разница заключалась в том л и ш ь, что...* В 11.

Сейчас наречные слова имеют тенденцию располагаться по общей модели обстоятельственных слов:

...при учете (только) *расположения т о л ь к о атомов урана и ванадия* СХ 5; *Решающими* (по-видимому) *здесь, п о - в и д и м о м у, являются следующие обстоятельства. ..* СХ 6; *В этих условиях д а ж е сурчины* (даже) *диаметром более 9 м составили лишь 5% всех обнаруженных* З; *...состоит п р и м е р н о из 100* (примерно) *работ* З; *При D* (от) *примерно о т 10 А до...* СХ 6.

Если наречное слово относится к прилагательному, оно находится по отношению к нему в контактной препозиции:

(Не очень) *Оказалось н е о ч е н ь оправданным применение курсивного шрифта в заголовках* З.

Современный редактор стремится к логической прозрачности структурной схемы фразы, к достижению параллелизма в расположении ее частей там, где это возможно:

Из них снежному барану принадлежали 16 скелетов, архару — 10, азиатскому или степному муфлону — 8 и (8 скелетов) *сибирскому горному козлу — 8 с к е л е т о в* З; *Из них* (в первом случае) *было: в п е р в о м с л у ч а е вредных насекомых — 49 видов, полезных — 28, прочих — 55; во втором — вредных 50, полезных — 19, прочих — 74 вида* З.

Стремление к обнаружению принципа параллелизма в строении фразы может иметь лишь чисто зрительный эффект:

[24] См.: О. А. Лаптева. Указ. соч., стр. 219—220.

Таковы яблонная (стеклянница) (лат. назв.) и *темнокрылая* (лат. назв.) *с т е к л я н н и ц ы на тополе канадском* З; *мохнатый заболонник* (лат. назв.) и *плодовый* (заболонник) (лат. назв.) *з а б о л о н н и к и* З; *полевого* (и домового воробьев) (*Passer montanus*) и *домового* (*Passer domesticus*) *в о р о б ь е в* и *сойки* (*Garrulus glandarius*).

Условный характер такого эффекта находится в полном согласии с общей тенденцией научного стиля к выработке набора условных характеристик, что находит свое выражение также и в таких чисто графических приемах оформления разного рода примыкающих определителей, формул и под., которые опираются не на реальные факты произношения, но только на задачи удобства зрительного восприятия:

см. группу IIA (IIA группу) СХ 6; *в группе IIIA* (в IIIA гр.) СХ 6; *на полосах поглощения, принадлежащих скелетным колебаниям группы CCOO* (CCOO группы) СХ 5; *в происходящем усилении скалярного взаимодействия A1≈S* (A1≈S взаимодействия) *электронных и ядерных спинов* СХ 5; *Гидриды натрия и калия (чистота 96—98%)* (96—98% чистоты) *были получены непосредственным гидрированием щелочных металлов* СХ 5; *к водному раствору соли добавлялись 10% объемных* (10 объемных %) *спирта* СХ 6.

* * *

Мы сделали попытку дать обзор некоторых языковых характеристик научного стиля, которые на протяжении текущего столетия обнаружили изменчивость, показывающую процесс формирования и упрочения ведущих стилевых особенностей языка науки. Этот процесс был вызван к жизни развитием самой науки с характерным для него неуклонным ростом научной информации, неизбежно ведущим к уменьшению языковой избыточности, с развитием объективных методов исследования, с усиливающейся дифференциацией отдельных областей науки. С другой стороны, этот процесс находил полную поддержку в одной из основных тенденций стилевого развития самого литературного языка, общее движение которого направлено на усиление стилевой дифференциации и упрочение межстилевых границ. Намеченные нами языковые характеристики лежат как бы в стороне от общелитературного языкового развития и направлены на обслуживание лишь внутристилевых потребностей.

Наряду с этими характеристиками в языке научных текстов можно обнаружить и языковые изменения другого рода, которые следует рассматривать на широком фоне общелитературных изменений. Явления этой группы принадлежат к числу явлений общелитературного языкового фонда, представляющего собою общее достояние различных стилей современного русского литературного языка.

Прежде всего сюда относятся различные изменения в области сочетаемости лексем, в области возможностей реального окружения слова. В целом здесь следует заметить, что с течением времени происходит ограничение этих возможностей, рост фразеологизированности большого числа словосочетаний. В начале века, например, в научных текстах встречается большое количество словосочетаний, в настоящее время если и не невозможных со стороны их структуры, то во всяком случае реально в литературном языке не существующих. Широко представлено в начале века и весьма вольное (в смысле синтаксического окружения) употребление причастий, иное сравнительно с современным лексическое наполнение некоторых фразеологизмов, синтаксических штампов и т. д. Подобные факты, очевидно, нельзя отделять от общелитературных процессов изменения лексической сочетаемости.

Однако сужение возможностей лексической сочетаемости в значительном числе широкоупотребительных в практике научного письма шаблонизированных построений имело весьма важное следствие именно для научного стиля — мы имеем в виду чрезвычайное расширение синонимики широкого ряда словоупотреблений, вовлечение в круг синонимических взаимозамещений той лексики, которая за пределами научного стиля, в составе общелитературного языка синонимических свойств не обнаруживает (об этом подробнее говорилось выше).

Уже этот факт показывает, что граница между собственно стилевыми и общелитературными изменениями не всегда обладает достаточной определенностью. Некоторые явления, действительно, полностью принадлежат сфере научного стиля и прослеживаются в нем, и только в нем, без особого труда: из выделенных нами это элиминация средств выражения эмоциональности и экспрессивности, замена личной манеры изложения на неличную, складывание условной системы употребления залогово-временных форм глагола, отказ от употребления иностилевой конкретной лексики, выработка манеры «точного называния», факты смыслового согласования. Другие, принадлежа к сфере научного стиля и входя в состав его характерологических черт [23], в то же время в какой-то своей части имеют выход за его пределы в общелитературный язык или в какой-либо из его стилей, показывая тесную переплетенность явлений стиля и общелитературного языка и зыбкость отдельных их пограничных звеньев. Из отмеченных нами это некоторые изменения в сфере функционирования различных типов предложения, некоторые явления словопорядка, явления равновесия в глагольно-именной сфере. Лишь на широком фоне общелитературных изменений могут быть поняты факты изменения в предложно-падежном управлении, некоторые изменения фонетико-морфологического и словообразовательного характера.

Более подробно рассматривать здесь общелитературные изменения не стоит. Это уже задача не истории стиля, но общей истории литературного языка.

Вернемся к выделенным здесь собственно стилевым характеристикам. Вряд ли можно претендовать на то, что их комплекс нашел в нашей работе полное и исчерпывающее отражение. Аспекты исследования безграничны, и, конечно, можно будет назвать и ряд частных и ряд более общих явлений, могущих быть включенными в этот комплекс [24]. Мы выделили лишь наиболее очевидные с нашей точки зрения. Важно отметить их количественный рост, свидетельствующий о процессе стилевого обособления. Важно отметить также и высокое единство внутристилевых характеристик, усиливающееся несмотря на процессы дифференциации науки и охватывающее в равной мере гуманитарные и негуманитарные ее области (которые со стороны стиля имеют лишь частные различия) [25].

[23] О понятии «стилевой черты» см.: Э. Г. Р и з е л ь. Полярные черты и их языковое воплощение. «Иностр. яз. в школе», 1961, №3; О н а ж е. Der Stil der deutschen Alltagsrede. М., 1964; М.П. К у л ь г а в. Основные стилевые черты и синтаксические средства их реализации в современной немецкой научно-технической речи (автореф. канд. дисс.). М., 1964.

[24] Вероятно, весьма существенно было бы, например, для сферы синтаксиса предложения исследовать изменение средних размеров предложения, изменение частотности отдельных типов простого и сложного предложения и др. Но подобные исследования требуют применения иной методики и должны вестись при постоянном сравнении с общелитературными изменениями. Частные явления различных стилей в соответствии с такой методикой изучаются группой саратовских исследователей.

[25] Иное мнение см.: М. П. К у л ь г а в. Указ. соч.

Е. А. Логинова

ДЕЛОВАЯ РЕЧЬ И ЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

I

Функционально-стилистический состав современного русского языка включает в себя официально-деловой, или, как еще его называют, административно-ведомственный стиль. Официально-деловой стиль — это стиль государственных актов, законов, международных документов, уставов, инструкций, деловой переписки и т. п.

Социальная функция письменной деловой речи очень важна и своеобразна: деловая речь обслуживает общественные отношения людей, служит для связи органов власти с населением, для взаимосвязи учреждений, организаций и отдельных групп населения, для международных связей в области политических, экономических, социальных и культурных отношений.

Постановления, решения, распоряжения государственных учреждений, различные документы предприятий, а также общественных организаций составляются согласно правилам делового стиля. Учет денежных и материальных ценностей, взаимных обязательств в области трудовых, производственных и торговых отношений также обслуживаются деловой речью.

Из своеобразия функции деловой речи вытекает ее языковое и стилистическое своеобразие. Главной чертой деловой речи должна, в идеале, являться точность, лаконичность и конкретность. Продуманность и четкость формулировок, нормализация и стандартизация необходимы в деловом документе. Деловая речь характеризуется частой повторяемостью и единообразием речевых средств и служит, таким образом, питательной средой для возникновения языковых шаблонов.

Шаблоны и стандарты — характерная особенность делового стиля. Они вызваны тем, что тематический круг деловой речи строго определенен, ограничен, ситуации ее применения сравнительно немногочисленны и однотипны. Однотипные факты оформляются документами определенного вида, однородными по наименованию, форме и содержанию.

«Шаблон» в деловом документе чаще всего не враг, а помощник, так как он помогает конкретнее, лаконичнее и иногда общепонятнее выразить мысль. Следовательно, то, что принято называть «канцелярским штампом», есть вполне оправданная и даже необходимая примета определенной функционально-стилистической разновидности — деловой речи.

Лексические и синтаксические особенности делового стиля не могут быть, однако, абсолютно единообразными, так как находятся в прямой зависимости от жанра и содержания делового документа, т. е. в зависимости от принадлежности последнего к той или иной отрасли государственной и общественной деятельности. Каждое ведомство, каждая отрасль торговли и промышленности обслуживается своей деловой терминологией, имеющей несколько иную природу, чем терминология научная: она менее точна и более изменчива по сравнению с последней, так как деловая речь больше связана с повседневно-бытовой тематикой и поэтому больше подвержена изменениям под воздействием социально-исторических факторов.

Своеобразные черты имеет и синтаксис разных деловых жанров. Поэтому стиль закона может отличаться от стиля международного договора, стиль военного устава от стиля протокола или заявления.

Кроме того, естественно, что один и тот же жанр деловой речи в разные исторические эпохи претерпевает значительные стилевые изменения. Так, положение о том, что деловая речь очень далека от образно-экспрессивных, агитационно-пропагандистских и каких-либо других собственно «выразительных задач»[1], что в ней не употребляются средства литературно-художественного изображения — эпитеты, метафоры, гиперболы и др., не может быть применимо к любой эпохе. Социально-политическая характерность определенного периода может обусловить совмещение в простом деловом документе черт языка художественной литературы и публицистики. Так, все документы Советской власти времени Великой Октябрьской социалистической революции — декреты Советской власти, Устав РККА, международные документы того времени, а также некоторые документы времени Великой Отечественной войны — звучат агитационно, патетично, публицистично, включают в свой лексический состав и синтаксический строй экспрессивно-художественные средства.

История языка показывает, что еще в давние времена газетно-публицистический стиль начал взаимодействовать с деловым стилем. Это явление особенно усилилось в XIX в. «Газетно-публи-

[1] А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952, стр. 15, 69, 83, 327; Е. А. Бахмутова. Культура речи, Изд. Казанского ун-та, 1964, стр. 5.

цистические, а отчасти и научные стили литературной речи находились во взаимодействии с официальным, канцелярским языком, во всяком случае выражения официального языка вовлекались в них с разными оттенками экспрессии. И обратно: официально-канцелярский язык до известной степени впитывал внушения языка прессы»[2].

Итак, жанр и время — вот что определяет разнообразие речевых средств и стилистических приемов, применяемых в деловой речи.

Каковы же общие языковые черты деловой речи, формирующие ее стилистическую характерность?

Деловая речь — один из письменных видов литературного языка. Не изолированная от него, она в то же время имеет ряд специфических особенностей:

1) широкое, тематически обусловленное использование: а) профессиональной терминологии (юридической, дипломатической, военной, бухгалтерской и т. п.); б) сокращенных слов, сокращенных названий различных организаций и учреждений;

2) отсутствие (как правило)[3] диалектизмов, жаргонных и просторечных слов;

3) минимальное использование междометий, модальных слов и имен с суффиксами субъективной оценки, что объясняется функциональными свойствами деловой речи, задачей объективного, лишенного эмоционального и субъективного отношения к излагаемым явлениям (за исключением некоторых исторических моментов, когда отдельным деловым документам специально придается патетико-публицистический характер);

4) частотное употребление отглагольных существительных;

5) преобладание, вследствие замены глаголов отглагольными именами, пассивных форм выражения над активными; употребление новых слов-связок и нагромождение большого количества родительных падежей. Родительный падеж гораздо чаще употребляется при именах, чем при глаголах, и, так сказать, специализировался в своей применной роли [4];

6) преобладание существительных над местоимениями;

7) частое использование глаголов со страдательным значением, страдательных причастий и деепричастий;

8) строгий и определенный порядок слов в предложении: а) подлежащее чаще всего стоит ближе к началу предложения и как правило предшествует сказуемому; б) определения стоят перед определяемыми словами; в) дополнения ставятся после управляемого слова; г) обстоятельственные слова (наречия) стоят по возможности ближе к слову, к которому они относятся; д) вводные слова обычно ставятся в начале предложения.

Деловая речь носит как правило повествовательный характер. Поэтому вопросительные и восклицательные предложения встречаются в документах в виде редких исключений.

Определительные придаточные предложения обычно ставятся рядом с тем существительным, к которому они относятся.

Характерной особенностью деловой речи является также существенное преобладание сложных предложений: простое предложение не может отразить иерархическую последовательность взаимосвязанных фактов, подлежащих официально-деловой интерпретации.

Расстановка членов внутри предложения как правило следующая. Дополнительные придаточные предложения обычно стоят рядом со сказуемым. Обстоятельственные придаточные предложения располагаются перед главными предложениями или вслед за ними в зависимости от их назначения. Если акцент нужно сделать на обстоятельствах совершения действия, то придаточное предложение ставится впереди. Наоборот, если придаточное предложение только поясняет главную мысль сложного предложения, то оно ставится после главного.

В целях экономии и точности в деловой речи часто употребляют причастные и деепричастные обороты. Стилистической особенностью деловой речи является также преимущественное использование косвенной речи. К прямой речи в деловом стиле прибегают только в тех случаях, когда необходима дословная передача, цитирование законодательных актов или других документов.

Благодаря указанным (и им подобным) лексико-грамматическим особенностям современной деловой речи последняя оформляется в определенную стилистическую разновидность литературного языка, которой свойственны исторические изменения, обусловленные как внешними (внеязыковыми), так и внутренними причинами.

II

Россия имеет длительную традицию развития делового стиля. Как известно, язык законов и распоряжений власти, язык договоров и других документов был первым общим языком, из которого позднее выработался литературный язык. «Канцелярский язык — это рудимент культуры языка, это первая попытка человека овладеть языковой стихией, подчинить себе все эти непослушные частицы, союзы, местоимения, которые никак не укладываются в стройный плавный период»[5].

[2] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. М., 1934, стр. 249.

[3] В определенных жанрах «низовой» деловой документации отдельные случаи употребления просторечной и диалектной лексики возможны как следствие языкового опыта авторов данных документов.

[4] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1920, стр. 184.

[5] Г. О. Винокур. Культура языка. М., 1925, стр. 70.

Для деловой письменности «старшей поры» в истории русского литературного языка характерно было использование местных диалектов русского языка с отдельными вкраплениями элементов церковнославянского языка. Позднее в силу исторических условий на базе языка ведущего центра развивается общегосударственный деловой язык (в основе лежит язык московских приказов)[6].

В результате в Московской Руси создалось два параллельных книжных языка: церковнославянский и деловой язык приказов. Деловой язык московских приказов был очень близок к живому московскому наречию. В течение XV—XVI вв. Московская Русь пользовалась двумя этими языками, в зависимости от жанра речи. Они находились во взаимном влиянии и взаимодействии. В результате длительного процесса их взаимовлияния и взаимодействия общегосударственный приказной язык к концу XVII — началу XVIII в. приобрел качества, сделавшие его общим языком письменности Московской Руси, который и дал в дальнейшем современный русский литературный язык. Таким образом, деловой язык московских приказов сыграл большую роль в формировании современного русского литературного языка.

Петровская эпоха сформировала новый стиль деловой речи, так как в это время происходил процесс европеизации научной, технической, публицистической, а также общественно-бытовой и официально-деловой лексики и фразеологии, что нашло отражение на всей системе делового стиля письменно-книжного языка.

Таким образом, на деловой речи Петровской эпохи к 40-м годам XVIII в. лежал отпечаток латинского, украинско-польского и отчасти немецкого влияния. С другой стороны, в середине — конце XVIII в. деловой стиль сохранял и черты церковнославянского языка, который был более близким к архаическому строю приказной речи. Сложность делопроизводства и очень обширного медлительного письмоводства того времени была связана с попытками установить (в целях упорядочения) ряд формальных регламентаций для основных жанров деловой письменности: разных видов прошений на имя царя, высших и других учреждений, исковых прошений, договоров, завещаний и т. д.

С начала XIX в. появились попытки упрощения делопроизводства. Кроме того, реформа литературного языка, проводимая Карамзиным, коснулась и делового стиля, хотя и не отразилась на усовершенствовании письменной деловой речи сколько-нибудь существенно. Мир бюрократических канцелярий был замкнут и глух к литературно-языковым новшествам, а стиль деловой, сыгравший в свое время большую роль в формировании русского литературного языка, сохраняет в XIX в. окаменелые, устарелые языковые формы. Медленная изменяемость, сопротивляемость инновациям общелитературного языка определяется как характерная черта делового стиля, обусловленная функциональной спецификой речевой сферы канцелярского делопроизводства.

В конце 60—70-х годов в связи с пересмотром многих отделов законодательства в бюрократическом мире наступило некоторое оживление, которое не принесло, однако, деловому стилю освобождения от рутины.

Начало XX в. вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции — завершающий этап в развитии делового стиля царской канцелярии. Для деловой речи этой поры характерен создававшийся веками, канонизированный официально-бюрократический шаблон: витиеватость слога, сложные синтаксические построения, длинные обращения, архаическая лексика.

В статье «Борьба с голодающими» В. И. Ленин, оценивая стиль казенно-бюрократических документов царского правительства, иронически называл его «великолепным канцелярским стилем с периодами в 36 строк и с «речениями», от которых больно становится за родную русскую речь»[7].

«Язык буржуазного законодательства стремится быть монументальным, внушающим благоговение и потому нарочито торжественным и не совпадающим с обиходным. Обладание им рассчитано на посвященных. Общедоступность по отношению к нему ощущалась бы как вульгаризация. В лексике законодательства поэтому ревниво оберегалось традиционное достояние, вышедшее из употребления в разговорном языке или никогда в него не поступавшее, овеянное ореолом давности, лишь смутно схватываемое широкими массами, импонирующее своею необычностью и трудностью полного в него проникновения»[8].

Синтаксическую характерность деловой речи отмечает и В. В. Виноградов: «В официально-деловом стиле развивается своеобразная манера искусственно-книжного, перифрастического, синтаксически запутанного изложения»[9].

П. Сергеич (известный русский юрист П. С. Пороховщиков), критикуя стиль отрывка из законодательных материалов, писал: «В этом отрывке встречается только одно нерусское слово; тем не менее это настоящая китайская грамота. Необходимо крайнее напряжение внимания и рассудка, чтобы уразуметь мысль писавшего. В переводе это можно изложить так: «Служебные провинности, в отличие от служебных преступлений, заключаются в нарушении обязанностей служебной подчиненности и несоблюдения достоинства власти вне службы; за эти провинности уста-

[6] Л. Якубинский. Русский язык в эпоху диктатуры пролетариата.— «Лит. учеба», 1931, № 9, стр. 73.

[7] В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 5, стр. 278.

[8] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Киев, 1952, стр. 80.

[9] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 286.

навливается дисциплинарная ответственность». В подлиннике 47 слов, в переложении 26, т. е. почти вдвое меньше. Не знаю, есть ли преимущества в подлиннике, но в нем, несомненно, есть ошибка, замаскированная многословием» [10].

Итак, в буржуазном делопроизводстве последних предреволюционных десятилетий создается условно-книжный стиль канцелярской, юридической и т. п. речи, отличающийся консервативностью и нарочитой усложненностью. Свойственная ему плеонастичность высказываний приводит к тому, что язык деловых документов той поры утрачивает, казалось бы, самое необходимое для него качество — точность, определенность и однозначность выражения.

III

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом преобразовала государственное управление. В его сферу, в сферу ведения народного хозяйства, были вовлечены широкие народные массы. Старая государственная машина была сломана. Появились новые органы государственного управления, произошло полное обновление тематического круга функционального использования деловой речи, и вместе с этим началось разрушение канонов официально-бюрократического канцелярского шаблона. Демократизация деловой речи стала ощутимой. Вся специальная административная терминология, известная раньше лишь узкому чиновничьему кругу, обновленная и переосмысленная, стала достоянием народа, взявшего в свои руки управление государством.

Октябрьская революция пробила брешь в границе между речью интеллигенции и речью широких народных масс. «Литературный язык 20-х годов можно представить в виде двух концентрических окружностей. Меньшая — это строго нормативная речь, продолжающая традиции XIX — начала XX века. Бóльшая — это пестрая и неустойчивая речь, которую только в потенции можно было назвать литературной. Через условную границу, разделявшую эти два типа речи, шло интенсивное перемещение конструкций и моделей. Строго литературная речь поглощала полулитературную, ассимилировала ее, сама обогащаясь и внутренне преобразуясь» [11]. Расшатывание норм литературного языка вызывало необходимость определенных мер в «языковой политике», основной задачей которой в то время в области деловой, официальной речи была задача упрощения и в то же время стандартизации, регламентации стиля деловых документов нового типа. Естественно, что эта задача могла быть осуществлена в связи со становлением новых норм общелитературной речи и с борьбой за чистоту языка, которую вела советская общественность. Большую роль

[10] П. Сергеич. Искусство речи на суде. СПб., 1910, стр. 8.

[11] М. В. Панов. О развитии русского языка в советском обществе.— ВЯ, 1962, № 3, стр. 4.

в этой борьбе сыграла деятельность В. И. Ленина. Общеизвестна заметка В. И. Ленина. «Об очистке русского языка», напечатанная в 1924 г. В этой заметке В. И. Ленин призывал внимательно отнестись к языковым новшествам, которые внесла революционная эпоха. «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно»,— писал В. И. Ленин [12]. Это высказывание ничего общего не имело ни с пуризмом, ни с упрощенчеством. В. И. Ленин выступал здесь не вообще против иностранных слов, а против неоправданного и неправильного их употребления, так как это затрудняло влияние на массы. Поэтому В. И. Ленин считал необходимым и своевременным «объявить войну коверканью русского языка». Борясь за внедрение в народный речевой обиход литературного языка как орудия революционной борьбы, В. И. Ленин систематически критиковал языковой фетишизм, нарочитую запутанность, непонятность официальной речи. Еще в 1906 г. В. И. Ленин писал, что надо «уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений» [13].

В. И. Ленин боролся также против всяческой «фразы», т. е. таких выражений, за которыми «ничего реального, объективного нет», содержание которых исчерпывается «шумихой слов», пустыми декларациями. «Нет ничего более противного духу марксизма, как фраза» [14]. Все эти высказывания В. И. Ленина можно отнести и к деловой речи. В. И. Ленин вел беспощадную борьбу с бюрократизмом, волокитой и потоком бумаг, требовал установления надзора за упорядочением и упрощением делопроизводства в советских учреждениях. 30 декабря 1919 г. СНК был принят декрет «Об устранении волокиты», подписанный В. И. Лениным. Блестящий стилист и высокообразованный юрист, В. И. Ленин всегда требовал от других и сам работал над тем, чтобы доступно, толково и в то же время с соблюдением литературных норм были изложены постановления Советской власти и вообще деловые документы, обращенные к массам.

Так, В. Д. Бонч-Бруевич писал: «Когда Владимиру Ильичу приходилось работать над какими-нибудь сочинениями, декретами или заявлениями, которые должны были обращаться к широким массам, то он всегда помнил сам и требовал такой же памяти от других, что все это идет именно в массы, потому должно быть особенно тщательно просмотрено, особенно популярно, но отнюдь не вульгарно написано. Если он видел, что изложение страдает отсутствием популярности, то всегда спрашивал: «Неужели по-русски вы не можете изложить свои мысли так, чтобы они были дей-

[12] В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 40, стр. 49.

[13] Там же, т. 14, стр. 92

[14] Там же, т. 21, стр. 73.

ствительно доступны всем? Если вы этого не делаете, то виноваты вы сами, а не тот язык, на котором вы пишете»[15].

Это свидетельство В. Д. Бонч-Бруевича подтверждается текстами «Декретов Советской власти» и других документов, написанных самим В. И. Лениным или вышедших под его редакцией. Ясность, отточенность, доступность, простота и одновременно богатство и разнообразие языкового выражения, присущие ленинскому стилю и продолжающие лучшие традиции XIX — начала XX в., своеобразная ленинская синонимика, могучая экспрессия ленинского слова — все это отразилось на стиле государственных деловых документов революционной эпохи.

Многие документы 20-х годов представляют собой образцы литературно обработанной, нормированной официальной речи, и, следовательно, эта область литературно-письменного языка оказалась наиболее устойчивой в период «языковой смуты», так или иначе затронувшей все виды функционально и социально дифференцированной речи.

Для анализа делового стиля 20-х годов приведем образцы наиболее характерных для революционной поры жанров деловой речи:

1. Декреты Советской власти, связанные с внутренней и международной тематикой [16].

25 октября (7 ноября) [1917]. Обращение Петроградского военно-революционного комитета «К гражданам России!» о победе Октябрьской революции.

Проект В. И. Ленина

К ⟨всему населению⟩ гражданам России *

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета, Военно-революционного комитета, ⟨стоявшего и⟩ стоящего во главе ⟨народной борьбы против правительства народной измены⟩ петроградского пролетариата и гарнизона.

⟨В[оенно]-р[еволюционный] комитет созывает сегодня, 25 окт[ября], в 12 час. дня Петроградский Совет, «пред»принимая таким обра[зом] немедленные меры для создания Советского правительства.

Дело, за которое боролся народ; немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль за производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция! ⟨Да здравствует социализм!⟩ рабочих, солдат и крестьян!

Обращение Петроградского военно-революционного комитета

К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства—это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Дошедший до нас автограф этого воззвания с ленинской правкой показывает, что все изменения в тексте направлены на максимальное уточнение смысла документа. И в окончательной редакции воззвание предельно лаконично.

Отточенность, ясность каждой фразы, емкость и немногословная выразительность текста придают документу торжественное, патетичное звучание, отвечающее величию происшедшего события.

11 (24) ноября [1917]. Декрет ВЦИК и СНК об уничтожении сословий и гражданских чинов.

Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов

Ст. 1. Все существовавшие доныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики.

Ст. 3. Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям.

Ст. 4. Имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих городских самоуправлений.

Ст. 5. Все сословные учреждения, дела, производства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений.

Ст. 6. Все соответствующие статьи доныне действовавших законов отменяются.

Ст. 7. Настоящий декрет вступает в силу со дня его опубликования и немедленно приводится в исполнение местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Настоящий декрет утвержден Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов в заседании 10 ноября 1917 г.

25 июня [1918]. Предписание Мурманскому краевому Совету организовать оборону Мурманского края от вторжения английских оккупантов.

Английский десант не может рассматриваться иначе как акт, враждебный против Республики. Его прямая цель — пойти на соединение с чехословаками и в случае удачи—с японцами, чтобы низвергнуть Рабоче-Крестьянскую власть и установить диктатуру буржуазии. Нами предписано выдвинуть для обороны Мурманской дороги от вторжения насильников необходимые войска. На Мурманский краевсовдеп, возлагается обязанность принять все меры к тому, чтобы вторгающиеся на советскую территорию

---

[15] В. Д. Бонч-Бруевич. Как работал Владимир Ильич. «Читатель и писатель», 1928, № 2.

[16] См.: Декреты Советской власти. М., т. I, 1957; т. II, 1959.— Тексты декретов приводятся полностью или в извлечениях.

* В ⟨ ⟩ взяты слова и предложения, которые были изъяты из текста при окончательной редакции обращения.

наемники капитала встретили решительный отпор. Всякое содействие, прямое или косвенное, вторгшимся насильникам должно рассматриваться как государственная измена и караться по законам военного времени. Обо всех принятых мерах, равно как и обо всем ходе событий точно и правильно доносить.

16 (29) ноября [1917]. Постановление об отмене установленных правительством Керенского повышенных цен на сахар.

Первая редакция постановления

Правительством Керенского цены на сахар были установлены с ноября месяца до 1р. 50 к. за фунт. Совет Народных Комиссаров в интересах трудовых масс постановил отпускать сахар по октябрьским ценам впредь до особого распоряжения.

Вторая редакция постановления

Совет Народных Комиссаров 16 ноября в интересах трудовых масс постановил отменить установленные правительством Керенского с 1 ноября цены на сахар и оставить старые, по октябрьской расценке.

Постановление об отмене установленных правительством Керенского повышенных цен на сахар дошло до нас в двух редакциях. И здесь, при небольшой правке, сделанной В. И. Лениным, достигнута максимальная краткость и точность выражения. Постановление в первой редакции состоит из двух предложений, включает в себя 34 слова. Окончательная редакция постановления состоит из одного предложения, предельно емкого и отточенного — всего из 26 слов, которые абсолютно не нуждаются в комментариях.

10 июня [1918]. Отношение Народному комиссариату по просвещению о постановлении 31 мая отпустить 350 тыс. руб. Академии наук для производства неотложных работ.

В Комиссариат просвещения

Доводим до вашего сведения, что Совет Народных Комиссаров в заседании от 31 мая постановил:

Аванс в 350 000 руб. в счет сметы первого полугодия 1918 года для производства неотложных работ Академии наук отпустить, поручить Комиссариату народного просвещения точно проверять рациональность расходования данного аванса и представлять Совету Народных Комиссаров ежемесячные отчеты об этих расходованиях.

Каковы общие, характерные особенности языка и стиля этого вида документов для рассматриваемой эпохи?

Прежде всего очевидная, по сравнению с аналогичными документами предшествующих периодов, простота изложения, намеренное устранение специфически канцелярских клише, громоздких синтаксических оборотов, архаической лексики, т. е. всего того, чем по традиции изобиловала раньше документация всех жанров.

В связи с этим стилистическая окраска демонстрируемых текстов в целом приближается к нейтральному фону общелитературной речи, на котором в свою очередь могут по мере необходимости выстраиваться экспрессивные средства других стилистических разновидностей. Так, в частности, патетичность и публицистический накал первого декрета Советской власти («К гражданам России») создается, с одной стороны, лаконизмом и динамичностью бессоюзного соединения однотипных синтаксических структур и, с другой стороны, синтаксической ритмичностью, «построенностью», основанной на лексическом повторе как на специальном речевом приеме, всегда имеющем экспрессивно-эстетическое задание.

В данном случае нужный выразительный эффект был достигнут именно благодаря отказу от тяжеловесных канонов официального делопроизводства дореволюционной поры. Традиционными средствами деловой речи он не мог бы быть осуществлен.

Таким образом, особенности стиля этого документа (как и других, приведенных выше) есть результат определенной языковой политики, которая впоследствии становится базой для формирования новой языковой традиции в той или иной конкретной области речевого употребления.

Простота и экономность речевых средств в приведенных декретах разного типа (отношение, предписание, обращение), нейтрализующие их стилистическую окраску, обеспечиваются:

1) почти полным отсутствием (всего 6 слов) архаической лексики, всегда несущей в себе известный заряд «высокопарности». Из этих слов (*низложить, низвергнуть, вторжение, упразднить, возложить, доныне*) одно «снижается» следующим ниже нейтральным синонимом (*упразднить — уничтожить*), введенным даже в заглавие документа («Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов»), выполнив, однако, в первом предложении документа свое назначение: торжественное освещение события. Все остальные слова удачно демонстрируют достаточность минимального использования устарелой лексики для названной цели;

2) синтаксическими структурами, не осложненными большим количеством вводных предложений и нанизыванием соподчиненных частей, обычных для официально-делового стиля;

3) умеренным употреблением специфически канцелярских и юридических шаблонов (*впредь до особого распоряжения, довести до сведения, вступить в силу, привести в исполнение* и др.), иногда воспринимающихся как устарелые уже и в делопроизводстве дореволюционной эпохи (*нами предписано*), а также вообще любых отчетливо «книжных», «высоких» оборотов (*равно как* и т. д.).

В соединении с естественным и тематически оправданным употреблением новых слов (например, сложносокращенных: *краевсовдеп, совнарком*) и новых специальных значений для некоторых слов (*отпустить сахар, аванс*) указанные черты формируют особую стилистику документов первых лет Советской власти, более нейтральную, обиходную, «жизненную», а потому снимаю-

щую резкое различие между канцелярско-деловой и общелитературной речью.

2. Сходную картину дает наблюдение над текстами группы международных документов таких же жанров, куда следует отнести и один из первых декретов Советской власти — «Декрет о мире» (26 октября 1917 г.), так как он имел в то время международное значение. Помимо него рассмотрены обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (1917 г.) и «Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Германией» (1922 г.)[17].

Вот некоторые иллюстрации:

26 октября (8 ноября) [1917 года]. Декрет Второго Всероссийского съезда Советов о мире.

Декрет о мире

Рабочее и Крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,— таким миром Правительство считает немедленный мир без аннексий (то есть без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги вплоть до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

20 ноября (3 декабря) [1917 года]

Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока

Товарищи! Братья!

Великие события происходят в России. Близится конец кровавой войны, начатой из-за дележа чужих стран. Падает господство хищников, поработивших народы мира. Под ударами русской революции трещит все здание кабалы и рабства. Мир произвола и угнетения доживает последние дни. Рождается новый мир, мир трудящихся и освобождающихся. Во главе этой революции стоит Рабочее и Крестьянское правительство России, Совет Народных Комиссаров ....

Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма.

Перед лицом этих великих событий мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока...

Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители.

Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее Правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель. Константинополь должен остаться в руках мусульман.

Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы.

Мы заявляем, что договор о разделе Турции и «отнятии» у нее Армении порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, армянам будет обеспечено право свободно определить свою политическую судьбу.

Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской республикой и Германией

Рапалло. 16 апреля 1922 года

Статья 1

Оба правительства согласны, что разногласия между Германией и Российской Советской Республикой по вопросам, возникшим за время состояния этих государств в войне, регулируются на следующих основаниях:

а) Германское государство и РСФСР взаимно отказываются от возмещения их военных расходов, равно как и от возмещения военных убытков, иначе говоря тех убытков, которые причинены им и их гражданам в районах военных действий, вследствие военных мероприятий, включая и предпринятые на территории противной стороны реквизиции. Равным образом обе стороны отказываются от возмещения невоенных убытков, причиненных гражданам одной стороны посредством так называемых исключительных военных законов и насильственных мероприятий государственных органов другой стороны...

Статья 3

Дипломатические и консульские отношения между Германией и РСФСР немедленно возобновляются...

Статья 5

Оба правительства будут в доброжелательном духе взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран. В случае принципиального урегулирования этого вопроса на международном базисе, они вступят между собою в предварительный обмен мнений. Германское правительство объявляет о своей готовности оказать возможную поддержку сообщенным ей в последнее время проектируемым частными фирмами соглашениям и облегчить проведение их в жизнь...

Для этих текстов также характерно отсутствие специфического официально-делового колорита. Стилистическая нейтральность присуща им, может быть, даже в большей степени, чем документам других жанров деловой речи. Однако следует заметить, что эта черта является константной приметой языка документов международного значения (в частности, языка международных договоров) как дореволюционного, так и всего послереволюционного времени. Таким образом, их стиль отличается бо́льшей стабильностью, что легко объясняется длительной и устойчивой традицией этого рода документации.

Стилистическое своеобразие международных документов первых лет Советской власти заключается в особенно ярком и динамиче-

[17] См.: «Международные отношения и внешняя политика СССР. 1871—1957 (сборник документов)». М., 1957.—Тексты дипломатических документов приводятся в извлечениях.

ском столкновении деловой и публицистической стихии, иногда при преобладании последней. Так, например, обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» характеризуется композиционно-образной целостностью, которая проявляется в анафорических построениях, синтаксическом параллелизме, в приемах антитез, упорядоченного перечисления, в инверсиях. Стилистически маркированной в документе официального характера оказывается и сама лаконичность фразы (*Великие события происходят в России*; *Близится конец кровавой войны*..). Этим особенностям синтаксиса соответствует частое использование тропов и насыщенность текста революционно-публицистической фразеологией (*удары революции*, *падает господство*, *мир произвола и насилия*, *рушится царство* и т. д.). В то же время фразеология деловая, как и другие приметы делового стиля, почти сведена на нет. Показательно, например, исключительно экономное употребление устарелой лексики отглагольных имен на *-ение* (всего три слова).

3. Привлечение в деловую речь несвойственной ей, по самому ее существу, приподнято-торжественной, как бы поэтической стилистической тональности, которой отмечены почти все рассмотренные документы революционной эпохи, сказалось даже на таком жанре, как военный устав. Так, например, текст «Устава внутренней службы Рабоче-Крестьянской Красной Армии» (1918 г.) также включает в себя метафорическое словоупотребление (*суровая рука революционного закона*, *братство народов*, *по первому зову Рабочего и Крестьянского правительства*), образную фразеологию (*как зеницу ока* беречь и охранять народное имущество), высокую книжную лексику (*воин*), инвертированный порядок слов (не щадить ни своих сил, ни самой *жизни своей*) и т. д.

На этом фоне традиционные деловые элементы (*беспрекословное выполнение*, *таковой*, *вне*, *соответствующий*, *с разрешения*, *отлучка из расположения своей части*) до некоторой степени нейтрализуются и вместе с новыми деловыми словосочетаниями (*обязуется перед лицом трудящихся классов...строго и неукоснительно соблюдать революционную дисциплину*), а также со сравнительной синтаксической простотой создают достаточно ясный и доступный широким демократическим слоям населения характер изложения.

Таким образом, разные деловые жанры революционных и первых послереволюционных лет свидетельствуют о частичном разрушении канонов официально-бюрократического стиля царской канцелярии и о возникновении нового стиля деловых документов, написанных «не канцелярским, а революционным языком» [18]. Этот стиль соответствовал особенностям нового функционально-тематического круга, в котором использовалась деловая речь, отвечал потребностям нового государственного строя.

На основании анализа перечисленных документов можно говорить о том, что деловому стилю не всегда далеки, а, наоборот, в определенной исторической ситуации близки агитационно-пропагандистские образно-экспрессивные задачи. И в этом случае использование тех языковых средств, которые создают литературно-художественную выразительность речи, становится нормой для делового стиля.

Если для конца XIX в. характерно лишь взаимодействие и взаимовлияние делового и публицистического стилей [19], то послереволюционная эпоха демонстрирует полное слияние, синтез делового и публицистического стилей. Такие документы, как декреты Советской власти («К гражданам России!» «Декрет о мире», «Декларация прав народов России», «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» и мн. др.) — это и деловой документ, и публицистика в самом высоком смысле этого слова.

Лежащая в основе взаимодействия делового и публицистического стилей функциональная смежность (и тот и другой, в отличие от разговорной или научной речи, прежде всего обслуживают остро современные, социально-политические нужды общества) особенно отчетливо сказалась в период революционной ломки, когда организационные и агитационные задачи оказались тесно переплетенными.

4. К середине 20-х годов характер деловой речи меняется. Патетика революционных лет уступает место нейтральному, с точки зрения экспрессии, деловому стилю, имеющему, однако, существенные отличия от казенно-тяжеловесного делопроизводства дореволюционного периода. Новые стилистические черты советского делопроизводства стабилизуются в связи с обновлением тематического круга функционального использования деловой речи (созданием новых органов в системе государственного управления) и, следовательно, с изменением ее жанрового состава. Окончательно уходят в прошлое такие разновидности документов, как прошение, рескрипт; укрепляются новые жанры: заявление, мандат, декрет и т. д. Кроме того, необходимость максимального упрощения делопроизводства, его демократизации стала насущнейшей задачей советского государственного аппарата. Еще в 1918 г. при Госконтроле была организована специальная комиссия для работы по упрощению делопроизводства в советских учреждениях. 30 декабря 1919 г. СНК принял декрет «Об устранении волокиты», подписанный В. И. Лениным. В 1921 г., обращаясь к руководителям Центральных советских учреждений, В. И. Ленин писал: «Машина советской администрации должна работать аккуратно, честно и быстро» [20]. Выполняя указания В. И. Ленина, XII съезд РКП(б) принял решение «радикального изменения всей техники управления, искоренения всего ненужного и лишнего в нем» [21].

[18] В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 15, стр. 67.

[19] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 249.

[20] Сб. «В. И. Ленин о работе советского государственного аппарата». М., 1955, стр. 185.

[21] КПСС в резолюциях и решениях... Изд. 7. М., 1954, ч. I, стр. 720.

9 Заказ № 3690

В 20-е годы в свет выходит много новых руководств по делопроизводству. 9 февраля 1926 г. было издано положение «О государственном институте техники управления», начал выходить журнал «Техника управления», где публиковались специальные статьи о языке деловых документов. Требование ясности, точности стиля, отказа от тяжеловесных конструкций царской канцелярии, сближения делового стиля с разговорной речью составляет их основное содержание.

Требования эти были тем более своевременны, что в сфере делопроизводства неизбежно возникали противоречия, обусловленные тем, что в государственной работе столкнулись старые чиновничьи кадры, которые принесли с собой бюрократические навыки, приверженность к устарелым шаблонам царской канцелярии, и новый управленческий аппарат, состоявший из представителей рабоче-крестьянской среды, еще не овладевшей техникой управления. Естественно, что народные массы, приобщенные к управлению государством, внесли в делопроизводство иную стилистическую стихию, связанную с разговорно-просторечным словоупотреблением. Помимо этого, характер деловой документации зависел и от социально-экономических особенностей эпохи. Так, например, НЭП способствовал возрождению многих старых официально-деловых стилистических средств, связанных с торговой и промышленной терминологией.

Таким образом, новые черты делового стиля советской эпохи вырабатывались в 20-е годы через преодоление разнобоя, неупорядоченности и пестроты разных языково-стилистических тенденций.

Анализ деловых документов 20-х годов позволяет сделать следующие выводы [22].

Лексический состав деловых документов 20-х годов (разной жанровой принадлежности) претерпел значительные изменения.

1. Устарелая лексика официально-делового характера (*дабы сей, таковой, нежели, распубликовать, жительствующий* и т. д.) в ряде жанров деловой речи сведена к минимуму. Так, например, от нее почти совсем освобождены тексты уставов, законов и дипломатических документов, что, безусловно, связано не только с исторической судьбой архаизмов в современном общелитературном употреблении, но и с изменениями тематического круга и общественного назначения тех деловых жанров, которые непосредственно обслуживают наиболее значимые для социальных новшеств области государственной деятельности.

Показательно, что в так называемой низовой документации (частных заявлениях, протоколах собраний, отчетах) устарелая лексика и устарелые шаблоны более частотны [23]. Здесь сказывается автоматическое воспроизведение привычных деловых оборотов, употребляемых по инерции, без специальной необходимости и без продуманного отбора, необходимого при составлении документов общегосударственного масштаба.

2. Новые слова, пополнившие словарный состав современного русского языка в послеоктябрьский период, составляют наиболее существенный и характерный лексический пласт деловых документов 20-х годов. С одной стороны, сюда входят различные группы тех новых лексических единиц, возникновение которых было обусловлено потребностью номинации новых реалий. Их концентрация именно в данной функционально-речевой разновидности вполне естественна, так как новые слова, образованные в связи с потребностью номинации, принадлежат главным образом к общественно-политической и экономической сфере, отражение которой и составляет основное содержание деловых документов.

Это составные названия новых учреждений, новых органов управления, должностей (*Исполнительный комитет, уполномоченный республики, Дом работников просвещения*), новых форм общественной деятельности (*партийно-политико-просветительная работа*), сложносокращенные наименования разного типа (*ВЦИК, НЭП, нарком, райкомвод, РККА, ИКФ* и т. д.), наиболее популярные как раз в 20-е годы [24].

С другой стороны, в деловой стиль проникают и новые лексико-фразеологические единицы, характеризующие семантические и стилистические сдвиги словарного состава послеоктябрьской эпохи. Низовые архивные материалы пестрят выражениями такого типа, как:

Мое пожелание — морской собор переделать на очаг культуры; Дашь все соборы под дома культуры и прочие церкви под склады хлеба! Наименовать его (собор) Клуб смычки; План работ выполнили на все 100%; проработывался вопрос; на предмет работы в гор. Кронштадте;

[22] Рассмотрены следующие документы и материалы: 1) Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР, т. 1. М., 1959; Сборник важнейших декретов, постановлений и распоряжений Правительств СССР и РСФСР за 1924 год. Ташкент, 1925; Систематическое собрание действующих законов Союза Советских Социалистических Республик. Москва, 1926; 2) Я. Г. Пумпер и Н. А. Громов. Деловые бумаги. Л., 1927; Р. Я. Вейцман. Коммерческая корреспонденция. М., 1927; 3) Временный Устав внутренней службы РККА (1925—1927 годы); 4) Международные отношения и внешняя политика СССР, 1871—1957 (сборник документов). М., 1957; 5) Материалы Архива Октябрьской социалистической революции в Ленинграде (20-е годы).

[23] Например: *Шефы совместно с подшефниками Ш. Б. О. посетили сей собор; Одобряет инициативу рабочих о передаче такового под Дом культуры; Посему прошу убедительно помочь мне; Настоящим прошу вашей санкции о предоставлении мне квартиры* (Архив Октябрьской революции).

[24] О неправомерности отрицательного к ним отношения писал Г. О. Винокур: «Сокращения, поскольку они только плодятся наспех, без разбору, по всякому удобному и неудобному случаю, будучи замкнуты в кругу понятий из сферы государственной, коммунистической и экономической жизни,— есть составная часть современного русского языка и выполняет в составе этого языка свою культурную функцию» (Г. О. Винокур. Язык нашей газеты. «Леф», 1924, № 2, стр. 139).

выдвижение рабочих на командные посты в промышленности; с наибольшим эффектом использовать выдвиженцев в советском аппарате; большой спец во всех делах; каждый выдвиженец каждое свое действие должен ставить на классовое ребро; выдвиженцы займут в советском аппарате надлежащее положение рабочих кадров, которые внесут в наш советский аппарат действительно пролетарский порядок.

3. К числу новых явлений относится активное проникновение в низовые деловые документы разговорно-просторечной лексики и фразеологической стихии. Соединяясь с канцелярскими шаблонами делового стиля, эта стихия создает картину стилистической неупорядоченности, вообще свойственной речевой деятельности «неспециалистов» в чуждых им областях, когда в документы общественного характера привносится индивидуальный речевой опыт: *налечь на воинские части в смысле устройства субботников*; *продукт искусства*; *шестимесячное пребывание на юге* и в то же время: *мне житья не дают*; *потребное количество людей* и: *из всех памятников нам понравился очень 28-ой*; ср. также: *пришлось самому впрягаться*; *один из них очень зубастый парень*; *мне пришлось прибрать все к рукам*; *одного биржа прислала старикашку, лет 90, еле ходит*; *ни уха ни рыла не понимает*; *старики проведут гораздо лучше молодых*; *молодым больше можно верить* и др.

4. Наименьшим изменениям в языковом составе деловых документов 20-х годов подверглась специальная терминология, т. е. те ее области, которые являются органической частью языка делопроизводства: юридическая, дипломатическая, торговая лексика. Ее сдвиги в основном ограничены внешними факторами: термин получает новое социальное содержание (*акт гражданского состояния*, *обложение налогом*, *самоопределение*), сохраняя прежнее лексическое значение.

В области морфологии язык деловых документов 20-х годов не дает картины сколько-нибудь существенных изменений, что способствует сохранению стабильности в общей стилистической направленности деловой речи. Достаточно наглядно это проявляется на судьбе отглагольных имен, официально-бюрократический характер которых является их неотъемлемой стилистической принадлежностью. Живая практика делопроизводства советского времени показала необходимость и оправданность употребления отглагольных имен в деловом стиле и невозможность замены их глагольными образованиями.

Многие ученые, особенно А. М. Пешковский, энергично протестовали в то время против проникновения в язык, в том числе и деловой стиль, отглагольных существительных. «Речь, построенная на отглагольных существительных, есть речь всегда вялая, путаная, не расчлененная на синтаксические звенья и соответственно мелодически бедная, бесформенная»[25]; «Организующая роль

[25] А. М. Пешковский. Сборник статей. Л., 1925, стр. 112.

глагольности, столь наглядно вскрытая Потебней, перестает учитываться в языке нехудожественной литературы. И с этим надо бороться. Каково бы то ни было в этом отношении общее направление языковой эволюции, мы для данного момента и для данной разновидности нашего литературного языка должны провозгласить лозунг: «Назад, к глаголу!»[26]

Действительно, анализ деловых текстов не только 20-х годов но и любого другого исторического периода (до и после Октябрьской революции) показывает известную стилистическую дефектность отглагольных имен с точки зрения общелитературных эстетически-экспрессивных норм. Они увеличивают необходимость сложных синтаксических построений (страдательных оборотов, нагромождения однопадежных оборотов, например родительного падежа); удлинения предложения, периода, в частности употребления «семантически пустых» слов (*дело* осуществления, *работа* по вовлечению, в *целях* создания, *путем* отказа и т. д.). Злоупотребление отглагольным именем в ущерб глаголу, даже в пределах деловой речи, всегда вызывало и вызывает справедливую настороженность, основанную прежде всего на стилистическом чутье носителей родного языка.

Однако ряд семантико-стилистических свойств отглагольного имени делает его незаменимым и самодостаточным для делового текста, закрепляет его за официально-деловой речевой стихией [27]. Прежде всего этому помогает способность отглагольного имени называть не само конкретное действие, а общее представление, понятие о нем. При этом утрата грамматических категорий, свойственных глаголу (вида, залога, времени),и создает нужную деловой речи однозначность и одновременно обобщенность смысла. А последняя в свою очередь обеспечивает официальную «значительность» называемого отглагольным именем понятия, возводит его в ранг константных тематических и ситуационных клише делопроизводства.

Ср. бесконечное множество примеров: *Содержимые в сметном порядке государственными учреждениями и профессиональными организациями Дома отдыха облождению промналогом не подлежат* (Циркуляр налог. управл. РСФСР № 538); *В целях развития курортного дела и создания необходимых условий для перехода курортов общегосударственного значения на хозяйственный расчет Совет Народных Комиссаров постановляет...* (Декрет СНК РСФСР, 13 марта 1923 г.); *Лица, принятые на службу, по вступлении в силу сего постановления с нарушением установленных в нем правил подлежат увольнению без предупреждения и компенсации* (Декрет СНК РСФСР 21 дек. 1922 г.); *В силу постановления Всероссийского Центрального Исполнительного комитета...* (Там же);

[26] Там же, стр. 151—152.

[27] См.: Г. О. Винокур. Глагол или имя? «Русская речь», т. III. Л., 1928.

В целях создания планомерности в работе по изменению утвержденных Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом кодексов (Там же); *О порядке взимания местного налога с аукционных продаж* (Циркуляр налог. управл. РСФСР № 678); *В случае непоступления платежа в срок, таковой будет опротестован; если кто-либо из нас допустит просрочку в исполнении договоров или надлежаще не исполнит договор, то он обязуется уплатить неисправному контрагенту неустойку* (Я. Г. Пумпер и Н. А. Громов, Деловые бумаги); *Выношу предложение на переоборудование* [*собора*] *под культурное здание...* (Из Архива Октябрьской революции); *Каждый гражданин Союза Советских Социалистических Республик с момента зачисления в часть становится воином Рабоче-Крестьянской Красной Армии — красноармейцем* (Устав РККА, 1925 г.), и т. д.

Стабильны и другие морфологические приметы языка деловых документов, например традиционное частотное распределение классов слов: обилие причастных и деепричастных образований, минимальное употребление наречий (ввиду отсутствия оценочных категорий), личных местоимений (так как точность делового документа требует прямого и однозначного называния предмета), междометий, модальных слов и т. д.

Синтаксические особенности делового стиля 20-х годов, так же как и морфологические, подтверждают положение о незначительной изменяемости формальной, структурной организации языка деловых документов, что и обеспечивает деловому стилю относительную устойчивость во времени.

Следует заметить, что, несмотря на характерное для языковой политики 20-х годов стремление навести порядок в языке и стиле деловой документации и упростить ее, значительная часть языковых явлений (и примером этому служит синтаксис) трудно поддавалась упорядочению. Это объясняется, с одной стороны, невозможностью в такой короткий срок создать и закрепить новые традиции в стиле, имеющем длительное историческое прошлое, а с другой стороны, своеобразием самого стиля, соединяющего в себе восприимчивость к социальным инновациям с неподвижностью тематических и ситуационных шаблонов.

Синтаксические явления деловых документов первого десятилетия Советской власти включают в себя весь основной набор специфических примет делового стиля в том виде, как они сформировались в дооктябрьский период. Документы разных жанров состоят главным образом из осложненных двусоставных именных предложений, связанных между собой по типу подчинения или сочинения. Ср.: *Принимая во внимание, что Московская городская художественная галерея имени П. М. и С. М. Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительные функции, и что интересы рабочего класса требуют, чтобы Третьяковская галерея вошла в сеть общегосударственных музеев, направляемых в своей деятельности Народным Комиссариатом Просвещения, Совет Народных Комиссаров постановляет...* (Постановление СНК РСФСР 3 июня 1918 г.).

Длина и сложность внутреннего состава предложения увеличиваются за счет частоты отглагольных имен и оборотов, которых последние требуют. В частности, употребление отглагольных имен создает «периодичность» синтаксического построения:

Допустить выселение в административном порядке из домов, угрожающих обвалом, в случае срочной необходимости слома или восстановления данного дома, каковое обстоятельство должно быть удостоверено особой комиссией в составе: представителей управления губернского или уездного инженера по принадлежности, местного коммунального отдела и административного отдела или уездного управления милиции по принадлежности (Декрет ВЦИК и СНК РСФСР 9 авг. 1926 г.); *Эти убытки русского народа и государства дают гораздо более бесспорное право на возмещение, чем претензии бывших владельцев имуществ в России и русских займов, принадлежащих к нациям, победившим в мировой войне и получившим с побежденных колоссальные контрибуции, тогда как их претензии предъявляются к стране, разоренной войной, иностранной интервенцией и отчаянно борющейся за собственное существование в тех государственных формах, которые она считает для себя единственно возможными* (Меморандум делегации РСФСР на Генуэзской конференции).

При этом частотно перечислительное употребление однородных членов:

Все винокуренные и спиртоочистительные заводы и предприятия со всеми их строениями, оборудованием, живым и мертвым инвентарем и вообще со всеми их имуществами и капиталами, в чем бы таковые ни состояли и где бы ни находились, объявляются собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Постановление ВСНХ 26 окт. 1928 г.).

Характерно также почти безусловное преобладание прямого порядка слов, отсутствие прямой речи и наличие некоторых специфических конструкций старого делового стиля, которые впоследствии употребляются все меньше и меньше. Например, конструкций с родительным падежом при союзных словах «согласно», «сообразно», «в дополнение» и др.

Ср.: *В дополнение общих положений Гражданского кодекса о купле-продаже* (ст. ст. 180—205) *розничная продажа предметов домашнего обихода должна быть совершаема... с соблюдением правил...* (Декрет ВЦИК и СНК РСФСР 10 окт. 1923 г.); *Последние, основываясь на примечании 2-м к ст. III Кодекса законов о браке, семье и опеке, согласно которой дела...*; *Согласно отношения от 9-го сентября за № 3722 при сем препровождаются сведения о револьверах* (Из Архива Октябрьской революции); *Во исполнение и согласно*

обещания Правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики...(Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Афганистаном, 1921 г.).

Уже по этим последним примерам можно судить о том, какую благодарную почву для жизнестойкости устарелых языковых средств представляет собой официально-деловой стиль. Стилистическая устойчивость, в частности, служит прочной поддержкой и лексико-фразеологическим штампам, структурно оформленным. Такие, очень употребительные в 20-е годы и позднее, вплоть до нашего времени, шаблоны, как: *настоящим доводится до Вашего сведения, позволяем себе выразить уверенность, настоящим изъявляем свое согласие, ссылаясь на Ваше указанное выше письмо, в настоящее время временно проживаю у т. Васильева, последняя является тещей, а посему прошу, препровождая при сем, сообщить на основании, с целью, в случае, доводить до вашего сведения* и т. д.,— остаются постоянным и существенным компонентом делового стиля.

Итак, разрушение дореволюционной государственной машины и возникновение в связи с этим новых деловых жанров вели к частичным изменениям делового стиля, направленным на демократизацию этой ранее очень замкнутой и специфической языковой сферы. Демократизация деловой речи, т. е. приобщение к ней широких слоев населения, принявших участие в управлении государством, оказала влияние на развитие других речевых стилей, в частности стиля разговорного, который впитал в себя многочисленные шаблоны казенно-бюрократического характера. Мнение о том, что главной причиной «порчи» всех других областей языковой деятельности является временная экспансия деловой речи[28], не было в те годы лишено некоторых оснований. Но в то же время нельзя не считаться с определенной исторической закономерностью этого процесса, который постепенно ослаблялся, по мере стабилизации и упорядочения самой деловой речи. Конец 20-х годов отмечен серьезными усилиями в этой области. В особом постановлении СНК СССР (протокол № 278, п. 14, 9 окт. 1928 г.) говорилось следующее:

«Работу законодательных органов затрудняет недостаточно тщательная проработка соответствующими ведомствами и учреждениями вносимых в законодательные органы предложений...

[28] «Язык газеты и язык ведомств взаимно влияют друг на друга; первенство в этом деле принадлежит языку скверных протоколов, отвратительно изложенных резолюций, который отрицательно воздействовал на язык газеты. А раз так, то мы обязаны лечить сразу одновременно и язык газеты и язык ведомств и госорганов. Когда законы малопонятны массам, когда коллективные договоры изложены совершенно не по-русски, когда резолюции сплошь и рядом написаны так, что имеют смысл противоположный нужному,— то мы обязаны сказать: важнейшую часть борьбы с бюрократизмом составляет война за уничтожение бюрократического языка» (М. Гус, Ю. Загорянский. Язык газеты. М., 1927, стр. 20).

Предложения недостаточно точно, ясно и конкретно формулируются, страдают недостаточной юридической продуманностью, форма изложения не только не популярна, но нередко затрудняет понимание проекта для лиц, имеющих большой опыт в законодательной работе.

Поэтому СНК СССР постановляет:

1. Предложить ведомствам не допускать расплывчатых, недостаточно конкретных и недостаточно точных формулировок, не вносить предложений, которые являются повторением или перефразировкой действующих уже узаконений, добиться изложения проектов в ясной и популярной форме.

2. Предоставить Управлению делами СНК ССР и СТО право не принимать к рассмотрению СНК и СТО проектов, не удовлетворяющих требованиям настоящего постановления».

Критику делового стиля, высказанную в 20-е годы учеными-лингвистами и общественностью, а также постановление СНК от 9 октября 1928 г. можно отнести только к той части деловой речи, которая непосредственно обслуживает деловые отношения широких демократических масс на местах (резолюции, коллективные договоры, проекты, протоколы, заявления и т. д.), а не к документам общегосударственного масштаба. Это, кстати, отмечается и в постановлении, и в критических статьях. Как показывают материалы архивов, в низовом делопроизводстве, действительно, было «смутное время». Смешение разговорной и просторечной лексики с архаизмами, неоправданное использование тяжеловесных конструкций старой канцелярии и вместе с тем стремление следовать новым образцам делового стиля 20-х годов — таково положение в низовой деловой речи.

Декреты Советской власти 20-х годов, Устав РККА, дипломатические документы написаны в лучших традициях русского литературного языка, для их стиля характерно стремление к ясности, простоте и демократичности. Эти документы, вышедшие под редакцией В. И. Ленина и его соратников, являются образцами делового стиля и по сей день.

Низовая деловая речь старалась следовать лучшим образцам литературного делового стиля, правда, не всегда удачно. Это обстоятельство объяснялось общим сложным состоянием литературно-нормированной речи в 20-х годах, слабой осознанностью нормативных понятий теми, кто участвовал в создании деловой документации. Это было время языковой учебы в области деловой речи, время поисков форм и стандартов.

В стиле документов общегосударственного масштаба не было «смутного времени». Именно в этой области деловой речи в 20-е годы были созданы образцы и заложены основы делового стиля Советской власти. Стиль документов общегосударственного масштаба 20-х годов мало чем отличается в основных чертах от делового стиля наших дней.

Преобладание отглагольных существительных, деепричастий и причастий над глаголом, пассивные конструкции, большая частотность родительного падежа, наличие сложных периодов

в синтаксисе,стандарты и штампы—все эти черты делового стиля 20-х годов выдержали испытание временем, это, по-видимому, неотъемлемые черты делового стиля, внутренне присущие ему, вызванные его функциональной природой.

Если для языка газеты штампованность, механичность — неотъемлемое качество; если «штампованность оправдывается социально-культурными условиями, окружающими газетную речь»[29], то в еще большей степени это характеризует деловую речь, ибо тематический круг деловой речи определен, ограничен, ситуации применения делового стиля повторяемы, однотипны — однородные факты оформляются документами определенного вида, однородными по наименованию, форме и содержанию.

«Язык официальный резко отличается от общеупотребительной речи и обладает ярко выраженной социальной окраской, он владеет совокупностью речевых фактов, служащих для того, чтобы в точных и безличных формулах выражать обстоятельства, которые накладывает на человека жизнь в обществе, начиная с нотариальных актов и полицейских уложений и кончая статьями кодекса и конституции»[30].

IV

Начавшееся в 20-е годы формирование новых особенностей языка и стиля советского делопроизводства получает в 30-е годы более четкий, определенный и завершающий характер. Укрепляется общественное стремление к строгой регламентации языковых и стилистических средств деловой речи, к упрощению оставшегося от прошлых периодов традиционного наследства — сложности, бюрократической запутанности — во-первых, стилистической неоднородности — во-вторых.

Все большее количество специально языковедческих и критических работ посвящается необходимости установления более ясного, доступного всем слоям населения языка деловых документов, имеющих массовое распространение. В 1931 г. в «Известиях» была опубликована статья А. В. Луначарского «О языке законов», в которой подчеркивалось, что «введение более ясного и доступного языка в законодательстве безусловно будет иметь огромное значение». В журнале «Журналист» печатались критические разборы языка и стиля отдельных деловых документов [31], сопоставляемых с ленинскими «Декретами Советской власти» как лучшим образцом делового стиля.

Надо сразу же, однако, заметить, что реальное осуществление языкового и стилистического усовершенствования деловой документации пошло вразрез с общественными устремлениями и оказалось односторонним. Анализ группы деловых текстов 30-х годов показывает [32], что основные изменения делового стиля шли в направлении выработки более жестких, по сравнению с 20-ми годами, стандартов и шаблонов, т. е. устранения стилистического разнобоя. Причем стандартизация деловой речи ни в коей мере не способствовала ее «облегчению» и демократизации. Наоборот, в известной степени возродились прежние замкнутые рамки делового штампа, откуда делопроизводственная практика 30-х годов решительно изгоняла отступления и в пользу сниженной «разговорности», и в пользу высокой патетичности. Здесь безусловно сказалась общая тенденция к повышению роли бюрократического аппарата, а также к бюрократизации ряда важнейших областей общественно-политической деятельности государства, чем была отмечена начинающаяся в те годы эпоха так называемого культа личности.

В связи с этим особенно характерной чертой 30-х годов, по сравнению с предшествующим периодом, явилось расширение сферы использования строго регламентированных языковых стандартов официально-делового стиля. Это было время глубокого их проникновения в низовую документацию, в которой вместо прежнего стилистического разнобоя можно наблюдать последовательное подражание высоким деловым образцам, что, естественно, сопровождалось чрезмерным, не всегда тематически и ситуационно оправданным употреблением канцеляризмов. Вот несколько примеров:

Оргсектор ЛУНХУ ходатайствует о предоставлении жилплощади командированной нами на работу НХУ тов. Голубевой, статистика, и просит принять все зависящие от Вас меры к созданию благоприятных условий (Из заявления, 1932 г.); *Настоящим прошу Вашего содействия походатайствовать перед ЦПКК о предоставлении мне комнаты на предмет проживания в гор. Кронштадте* (Из заявления начальнику Кронштадт. ж/д., 1933 г.); *1933 г. мая 31 дня мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе чл. деп. гр. Лен. совета т. Александрова, сего числа произвели осмотр кварт. тов. Смирнова. Обнаружили нижеследующее...* (Из Архива Октябрьской революции).

В частности, это выразилось в вернувшемся обилии отглагольных имен на *-ение*, одинаково свойственном низовым документам разных жанров.

---

[29] См.: Г. О. Винокур. Культура языка. Язык газеты. М., 1930.

[30] См.: Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 274, 276.

[31] См., например: М. Гус. О вреде бюрократического языка. «Журналист», 1929, № 4.

[32] Рассмотрены следующие документы и материалы: 1) Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР, т. 2. М., 1959; 2) Международные отношения и внешняя политика СССР, 1871—1957 (сборник документов). М., 1957; 3) Устав внутренней службы РККА (УВС-37). Воениздат, 1937; 4) П. Л. Гурьянов. Делопроизводство в связи с коммерческой и банковской корреспонденцией. Л.— М., 1930; 5) Материалы Архива Октябрьской революции социалистического строительства в Ленинграде (30-е годы).

Ср.: *Проведение в жизнь полностью постановления о порядке, регулирующем уличное движение, с наложением на нарушителей штрафов на месте в пределах предоставленных милиции прав* (Из протокола Ленсовета); *В отмеченных нами проектах скульпторами хорошо выдержано движение самой фигуры т. Кирова, а также построение частей* (Из книги отзывов о проектах памятника С. М. Кирову); *Прошу помпреда разрешить мне занятие комнаты* (Из заявления, 1933 г.)

Конечно, утверждение канцелярских шаблонов как главного средства выражения в низовом делопроизводстве имеет и другие «встречные» причины, так как последнее непосредственным образом отражает состояние разговорной речи широких демократических слоев населения.

Проникновение канцеляризмов в разговорную речь — одно из звеньев общего процесса нейтрализации в ней книжных элементов [33]. Активизация этого процесса в 30-е годы поддерживалась в свою очередь укреплением нейтральных, неокрашенных стилистических средств (в качестве основных) во всех функционально-речевых разновидностях. Элементы деловой речи, характерной чертой которых является отсутствие эмоциональной экспрессии, как нельзя лучше способствовали победе нейтрального стиля: из-за повсеместной употребительности они частично утратили специфически канцелярский колорит и легко сблизились с нейтрально-литературной речевой стихией.

Таким образом, в низовых документах 30-х годов официально-деловые клише широко функционируют в двоякой роли: как следствие общей стандартизации деловой речи, т. е. как обязательная примета данной функциональной разновидности, и как следствие стилистически нивелированного употребления элементов этой функциональной разновидности в других функциональных разновидностях речи.

Соответственно падает во всех исследованных документах употребительность сниженных (литературно-разговорных, обиходных и просторечных) и высоких (архаических, специально образных) языковых средств. Почти совсем свободны от них наиболее стабильные в языковом отношении деловые жанры: международно-дипломатические документы, военные уставы; редки они и в законах и в постановлениях. Ср. следующие предложения и отрывки из документов этого рода, выдержанные в нейтрально-деловом стиле и с лексической и с синтаксической стороны:

...СНК постановляет:

1. *Обязать все издательства, находящиеся на территории РСФСР... проставлять: а) продажную цену...*

2. *Предложить Главному управлению по делам литературы и издательств (Главлиту) обязать подведомственные ему местные органы не давать разрешительные визы на выпуск перечисленных в статье 1 произведений.*

3. *Обязать Государственную центральную книжную палату РСФСР...*

4. *Предложить Государственной центральной книжной палате РСФСР...*

(О порядке выпуска произведений печати. Постановление СНК РСФСР 10 авг. 1931 г.).

Сделки, совершенные с нарушением ст. 1 настоящего постановления, недействительны, должностные лица государственных органов, кооперативных и общественных организаций, заключившие такие сделки, привлекаются к уголовной ответственности (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 10 мая 1935 г.);

Об исполнении полученного приказания военнослужащий докладывает начальнику, отдавшему последнее; По возвращении уволенные являются к дежурному по подразделению; Дежурный осматривает состояние и пригонку обмундирования уволняемого; Вновь прибывающие в часть лошади (ремонтные, поступающие из других частей и после длительного отсутствия) выдерживаются в изолированных конюшнях (карантин); они используются на работе, но в условиях, исключающих соприкосновение их с конским составом части (Устав РККА, 1937 г.).

...другая Договаривающаяся Сторона должна будет воздерживаться в течение конфликта от прямой или косвенной помощи или поддержки нападающему или нападающим... (Договор о взаимной помощи между СССР и Францией, Париж, 2 мая 1935 г).

В соответствии с этим будет признано нападающей стороной в международном конфликте,— с учетом соглашений, действующих между вовлеченными в конфликт сторонами,— государство, совершившее первым одно из следующих действий... (Конвенция об определении агрессии. Лондон. 3 июля 1933 г.).

Считая, что означенное обращение, исходящее от подавляющего большинства членов Лиги, представляет действительную волю Лиги к миру и признание его необходимости сотрудничества с СССР, Советское правительство, ставящее организацию и укрепление мира основной задачей своей внешней политики и никогда не оставававшееся глухим к предложениям международного сотрудничества в интересах мира, готово внять полученному обращению и стать членом Лиги, заняв в ней подобающее ему место (Ответ Советского правительства на приглашение групп держав вступить в Лигу наций, 15 сент. 1934 г.).

В низовых деловых документах и высокая архаическая, и сниженная разговорно-просторечная лексика встречаются в единичных

[33] См. статью Т. Г. Винокур о разговорной речи в настоящем сборнике.

случаях. Причем первая — главным образом в составе тех официальных шаблонов, которые даются как образцы в руководствах по делопроизводству. Ср. примеры из руководства П. Л. Гурьянова: *Мандат дан сей т. Кондратьеву*; *Препровождая при сем два нижеследующих векселя*; *Просим протестовать таковые в неплатеже*.

За очень редкими исключениями отсутствует также в делопроизводстве 30-х годов специальная образно-выразительная синтаксическая организация предложений и периодов, характерная для тех документов предшествующих лет, которые соединяли в себе официально-деловую и публицистическую струю. Синтаксис делового стиля, являющийся, как показывает материал разных десятилетий, наиболее консервативной его областью, в 30-е годы закрепляет свои специфические функциональные свойства за ограниченным и все более строго регламентированным набором структурных возможностей: только прямой порядок слов, только повествовательный характер предложений, категорическое преобладание над всеми другими структурными типами предложения именных двусоставных предложений (сложных, с причастными и деепричастными оборотами, с вводными частями), обилие построений с однородными членами (при перечислениях), обилие сложных периодов, обилие конструкций с «нанизыванием» родительного падежа. Все эти синтаксические особенности деловой речи остаются в дальнейшем ее постоянной функционально-стилистической приметой и претерпевают лишь частичные изменения в сторону бóльшей или меньшей их употребительности, бóльшей или меньшей вариативности — в зависимости от социально-исторически обусловленного жанрового характера документа.

Если в области лексики отклонения от нейтрального делового стандарта могут идти в двух направлениях (к сниженному просторечию и к возвышенной архаике), то в области синтаксиса — только в одном. Разговорное построение фразы отсутствует даже в низовых документах, где и при наличии сниженной лексики обязательно выдерживается официально-канцелярский синтаксический строй (см. приведенные выше примеры). Именно это обстоятельство в 20-е годы создавало характерную для низовой документации стилистическую неоднородность. Лексическая же нейтрализация 30-х годов поддерживалась канонизированным деловым синтаксисом, что, безусловно, облегчило процесс стандартизации всех видов и жанров деловой речи.

Отдельные особенности делового стиля, характерные именно для данного периода, связаны с результатом определенной «языковой политики», отразившемся не только на употребительности тех или иных средств языка в разных речевых сферах, но и на их роли в языковой системе. Так, например, в пределах делового стиля нагляднее всего обозначилась судьба сложносокращенных слов, явившихся в предшествующий период одним из наиболее популярных средств новой номинации понятий, принадлежащих административной сфере. В 30-е годы количество их резко сократилось во всех жанрах деловых документов. Употребляются главным образом только общеизвестные аббревиатуры — *ЦИК*, *СНК*, *ВЦИК*, *РСФСР*, *СССР*, *АССР*, *СЗ*, *ЦК*, *СП*, *НКВД*, *РККА* и т. п.

Часто вместо аббревиатур даются развернутые наименования учреждений. Например, в текстах законов:

В целях улучшения работы политико-просветительных учреждений на селе, Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляет (Постановление СНК РСФСР 9 дек. 1939 г., № 695); *Народный комиссариат торговли РСФСР подчиняется в своей деятельности Совету Народных Комиссаров РСФСР и Народному комиссариату торговли Союза ССР* (Постановление СНК РСФСР 9 мая 1938 г.).

Для деловой речи 30-х годов более характерны сокращения не инициального, а слогового и смешанного типа. Например, в текстах уставов: *комдив*, *комбриг*, *комкор*, *командарм*, *политрук*, *воентехник*, *военинженер*, *дивинженер*, *арминженер*, *военветврач*, *армветврач*, *бригвоенюрист* и т. д.; в архивных материалах: *управление горкомхоза*, *оргсектор*, *артбоеснаб*, *хозсектор*, *ветехник*, *жилплощадь*, *учнадзиратель*.

Часто также употребление графических сокращений (особенно в низовых документах): *гор. Кронштадт*, *губ. комитет*, *тов.*, *ж. д.*, *пом. начальника*, *пом. ком. крепости*. В 20-е годы подобные названия (в архивных материалах) давались преимущественно как сложносокращенные. В 30-е же годы произошел процесс как бы обратного превращения сложносокращенного слова в графическое сокращение.

Безусловно, в кратковременной жизни многих аббревиатур сыграло роль то, что еще с самого начала 20-х годов научное и общественное мнение складывалось не в их пользу. Л. В. Щерба считал, что необщеупотребительные сокращения недопустимы в литературном языке. Предложения немедленно открыть фронт борьбы с сокращениями, борьбы за язык [34] основывались на том, что большинство аббревиатур трудно входили в сознание масс.

Но в 20-е годы такая их оценка мало отражалась на живой практике деловой речи, так как создание новых аббревиатур, действительно, было необходимо в связи с возникновением многочисленных новых учреждений, центральных и местных, а следовательно, новых номенклатур самых разных типов.

А к 30-м годам «аббревиатурные излишества» стали более очевидными, и та самая деловая речь, которая вызвала их к жизни, начала постепенно лишать права гражданства целые группы и разряды сложносокращенных наименований, оставляя только общепринятый минимум. В этом отношении характерен приказ

[34] Ю. Яснопольский. Борьба за язык. «Известия», 1923 г., № 290.

Народного комиссара связи, изданный в 1938 г.: «С 1 сентября с. г. (т. е. 1938 г.) сокращения, не употребляемые в разговорной речи, к печати не принимать».

Для самой деловой речи существенным здесь оказывается все та же тенденция к упорядочению и стандартизации языковых средств, отражающаяся в 30-е годы и в частных и в общих явлениях. Отчетливое выражение она получила также в тех областях специальной терминологии (юридической, торговой, политической), которая составляет значительную часть лексического пласта делового стиля. В ее упорядочении сказались не только социально обусловленные исторические закономерности данных замкнутых терминологических систем, но и особенности их функционирования в официально-деловой речи. Этому отчасти способствовали рекомендующиеся специальными руководствами [35] стандартные приемы ввода терминов в речевую канву делового документа. Ср., например, юридические формулы из законодательных текстов: *в целях содействия, в отмену постановления, ввести в действие, во исполнение, возложить ответственность, преступление, предусмотренное... частью ст... Уголовного кодекса, в развитие постановления, обеспечение мероприятий* и т. д.

Таким образом, для деловой речи советской эпохи 30-е годы — это период утверждения ее стабильных форм и жанрово-функциональной специализации.

V

В период Великой Отечественной войны, когда все государственное устройство, промышленность и хозяйство страны было перестроено на военный лад, возникли новые органы управления. Вся полнота власти сосредоточилась в Государственном Комитете Обороны, который, функционируя совместно с Верховным Советом СССР и Советом Народных Комиссаров СССР, издавал законы и распоряжения. Был создан ряд новых наркоматов и других органов управлений — Наркомат танковой промышленности, Комитет по делам архитектуры, Управление по эвакуации населения при СНК СССР, Советское информационное бюро.

Естественно, что эти изменения нашли свое отражение в делопроизводстве и в особенностях делового стиля.

Использованные для анализа деловой речи периода Великой Отечественной войны документы [36] дают следующую картину.

[35] Такие руководства издавались в середине 30-х годов разными ведомствами: Народным комиссариатом финансов, Народным комиссариатом путей сообщения и др. См. также постановление ЦИК СССР от 14 декабря 1935 г. «О положении дел с разбором жалоб трудящихся».

[36] 1) Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938—1956 годы). ГИЮЛ. М., 1956; 2) Важнейшие законы и постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны. М., Воениздат, 1946; 3) Сборник Указов, постановлений, распоряжений и приказов военного времени 1941—1942 гг. Лениздат, 1942;

Лексический состав деловых документов разных жанров, по сравнению с предшествующим периодом, пополнился целым рядом новых единиц. Это касается главным образом военной лексики, занявшей ведущее положение не только в уставах и других документах, прямо касающихся военной и армейской тематики, но соответственно и в законах, и в дипломатических документах, и в низовой деловой речи и т. д.

Военная лексика обновляется, во-первых, за счет неологизмов и, во-вторых, за счет возрождения или переосмысления старых слов и терминов. И то и другое прежде всего связано с необходимостью называния рожденных войной понятий, что большей частью реализовалось в составных наименованиях.

Новые названия органов власти, органов управления Красной Армии:

Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандующего, Центральный Штаб Партизанского движения, Органы полевого управления Фронтом и Армией, Военный Трибунал.

Новые названия военных должностей и воинских званий: *Верховный Главнокомандующий, маршал бронетанковых войск, Главный маршал бронетанковых войск, маршал авиации, Главный маршал авиации, маршал артиллерии, Главный маршал артиллерии* и т. д.

Указом 21 мая 1942 г. были введены звания гвардейских частей, гвардейских соединений, гвардейских корпусов и, в соответствии с этим, звания: гвардии красноармейца, гвардии лейтенанта, гвардии полковника, гвардии политрука и т. д., а также, в соответствии с этим,— гвардейское Красное Знамя, гвардейское звание. С 1943 г. было введено деление военнослужащих всех родов войск на рядовой, сержантский, офицерский состав и генералов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 г. были введены знаки различия для личного состава Красной Армии — погоны.

Таким образом, вновь вошли в активное официальное употребление слова *маршал, солдат, офицер, генерал, гвардейский, гвардия, погоны* и др.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. был упразднен институт военных комиссаров, созданный в гражданскую войну. Вместо этого была введена должность заместителя командира по политической части, в связи с установлением

4) Бюллетени Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся за 1941 г., № 26—44; 5) Международные отношения и внешняя политика СССР, 1871—1957 (сборник документов). М., 1957; 6) Полевой устав РККА. Алма-Ата, 1942; 7) Боевой устав пехоты РККА. М., 1942; 8) Строевой устав пехоты Красной Армии. М., 1943; 9) Материалы Архива Октябрьской революции и социалистического строительства в Ленинграде (1941—1945 годы); 10) Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. 1—2. Л., 1944—1947.

полного единоначалия командиров. Возникло новое словосочетание — *заместитель командира по политической части* или сокращенное — *замполит*. Во время войны, в 1943 г., по типу военных званий были введены персональные звания для личного состава железнодорожного транспорта. Так: *генерал-директор путей сообщения, вице-генерал-директор путей сообщения, директор-полковник движения, инженер-майор тяги* и т. д.

Указом от 28 мая 1943 г., в дополнение указа от 9 мая 1941 г., были введены новые ранги для дипломатических работников Народного комиссариата иностранных дел, посольств и миссий СССР за границей: чрезвычайный и полномочный посланник 1 и 2 класса, советники 1 и 2 класса, первый секретарь 1 и 2 класса, второй секретарь 1 и 2 класса, третий секретарь, атташе.

Кроме названия органов управления и должностей, составные наименования охватывают и более широкий тематический круг новой военной лексики: *оборонительные работы, оборонные работы, оборонительное строительство, оборонные, оборонительные рубежи, укрытие, народное ополчение, военная подготовка, спец. задание оборонного значения, оборонные заводы, команда ПВО, МПВО* и т. д. По типу чисто «военных» сочетаний образуются названия «гражданских» понятий: *трудовая повинность, дорожный штаб, мобилизованные в порядке трудповинности* и т. д.

Помимо составных названий в процессе «военной номинации» опять возросла роль аббревиатур (возникают новые и возрождаются старые), необходимых при оперативных коммуникациях военного времени [37].

В текстах законов:

а) буквенные аббревиатуры: *ГОКО* — Государственный Комитет Обороны, *ГорКО* — Городской Комитет Обороны, *ЛО* — Ленинградский Округ, *ЛВО* — Ленинградский Военный Округ, *ПВО, МПВО, КПП, ВТ* и т. д.;

б) новые аббревиатуры слогового типа: *Ленфронт, эвакодокумент, эвакокомиссия, авиабомба* и т. д.

В архивных материалах:

а) буквенные аббревиатуры: *ЛФ* (Ленинградский фронт) *ИТР, МПВО, ВСУ* (Военно-строительное управление), *ПВО*;

б) аббревиатуры слогового типа: *окрвоенстрой, Ленфронт, главвоенстрой, трудповинность, культшефская работа, трудармейцы, трудработа, мобпункты, всеобуч, спецзадание, укрепрайоны, снегоборьба, спецзаказы, самозащита, артобстрел* и т. д.

В текстах военных уставов:

УР — укрепленные районы, *ПК* — группы поддержки конницы, *УЗ* — участок заражения, *ТП* — танковая поддержка, *ТПП* — танковая поддержка пехоты, *ПТО* — противотанковая оборона, *ВНОС* — система воздушного наблюдения, оповещения и связи, *ОРД* — отдельные разведывательные дозоры, *АПТГ* — артиллерийские противотанковые группы и т. д.

Более стабильный и консервативный язык дипломатических документов оказался не затронутым ростом аббревиации. Из новых сокращений можно назвать лишь одно: *ООН*.

Если сравнить характер употребительности аббревиатур в документах военного времени и в документах 20-х годов, то надо отметить, что первые — более общеупотребительны и общепонятны для своего времени, так как их отбор стал более строгим вследствие той стандартизации деловой речи, которая произошла в 30-е годы. Однако кратковременность их активизации повторилась. В послевоенный период многие сложносокращенные слова ушли из делового стиля, исполнив свою роль, так же как и аббревиатуры 20-х годов.

Пополнение лексического состава деловой речи новыми единицами, принадлежащими к военному тематическому кругу, вызвано, как видим, внешними, внеязыковыми причинами и само по себе не стимулирует никаких собственно стилистических изменений данной функциональной разновидности. Но в соединении с другими особенностями некоторых отдельных документов военного времени иногда можно говорить о специальной стилистической заданности и аббревиатур, и полных наименований.

Так, сложносокращенные названия очень часто употреблялись в военных документах для необходимой в то время лаконичности и точности выражения: *уменьшение количества трудармейцев* (Докладная записка); *обязать Смоленский облисполком и обком ВКП(б) восстановить в 1923 году 17 МТС, 2 МТМ капитального ремонта...* (Постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны.)

И наоборот: для торжественного, особенно весомого звучания документа, вместо принятой обычно даже в 30-е годы аббревиатуры, употреблялось развернутое наименование учреждения (чаще всего в оглавлении документа или в начале его):

В текстах законов: *Постановление Совета Народный Комиссаров Союза ССР от 20 апреля 1946 г. № 54; Утверждено решением Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 19 мая 1942 г. № 64, п. 4.*

В архивных материалах: *Выписка из протокола заседания Исполнительного Комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся 25 февраля 1943 г.*

В особо торжественных случаях также част был отказ от принятого графического сокращения и давалось полное слово: *Ко всем трудящимся города Ленина; Акт о кровавых преступлениях... в городе Шлиссельбурге.*

Бо́льшую стилистическую значимость имеет частичный возврат в язык деловых документов военного времени элементов образно-

[37] П. Я. Черных считает, что «телеграфный и телефонный код, военный шифр является их (аббревиатур) основным источником» (см.: П. Я. Черных. Русский язык в дни войны. «Сибирские огни», 1946, кн. 4, стр. 47).

сти, патетической приподнятости как лексических, так и грамматических. Почти во всех жанрах деловой речи этих лет можно найти документы, которые звучат публицистично, стиль которых включает в себя все средства литературно-художественной выразительности. Ср. в текстах законов:

Вероломно напав на Советский Союз, немецко-фашистские захватчики и их сообщники совершают на временно захваченной ими советской территории чудовищные преступления — пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увоз в иноземное рабство сотен тысяч советских граждан.

...Для полного учета злодейских преступлений немцев и их пособников и причиненного ими ущерба..., для объединения и согласования уже проводимой советскими государственными органами работы по учету этих преступлений..; для определения ущерба, причиненного немецкими оккупантами...

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет... (Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников...).

В тексте уставов:

Положение
о Красном Знамени воинских частей
Красной Армии

1. *Красное Знамя есть символ воинской чести, доблести и славы, оно является напоминанием каждому из бойцов и командиров воинской части об их священном долге преданно служить Советской Родине, защищать ее мужественно и умело, отстаивать от врага каждую пядь родной земли, не щадя своей крови и самой жизни* (Указ Президиума Верховного Совета от 21 дек. 1942 г.)

Патетикой были проникнуты военные приказы периода Великой Отечественной войны. Возродились такие жанры деловой речи, как обращения и декларации, представляющие в стилистическом отношении синтез делового и публицистического начала. Ср., например:

1) Текст Обращения Ленинградской партийной организации, Военного Совета фронта и Исполкома городского Совета депутатов трудящихся к гражданам Ленинграда, 21 августа 1941 г.:

Ко всем трудящимся города Ленина.
Товарищи, ленинградцы, дорогие друзья!

Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск. Враг пытается проникнуть в Ленинград. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирными жителями, поработить свободных сынов нашей Родины. Но не бывать этому!

Ленинград — колыбель пролетарской революции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны, никогда не был и не будет в руках врагов...

Встанем как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы! Выполним наш священный долг советских патриотов!

Будем стойки до конца! Не жалея жизни, будем биться с врагом, разобьем и уничтожим его! Смерть кровавым немецким фашистским разбойникам! Победа будет за нами!

2) Из текста декларации правительства СССР на Межсоюзной конференции в Лондоне, 24 сентября 1941 г.:

В этой войне, навязанной гитлеровским фашизмом демократическим странам, решаются судьбы Европы и всего человечества на многие десятилетия. Нельзя допустить, чтобы судьбам мирных и свободолюбивых народов угрожало иго нацизма, чтобы шайка вооруженных до зубов гитлеровских разбойников, возомнивших и объявивших себя высшей расой, безнаказанно громила города и села, опустошала земли, истребляла многие тысячи и сотни тысяч мирных людей во имя осуществления бредовой идеи господства гитлеровской банды над всем миром.

Обилие тропов (*священный долг, родной и любимый город, невинные жертвы, свободные сыны нашей Родины, кровавые немецкие разбойники, мирные и свободолюбивые народы, бредовая идея господства, Ленинград — колыбель пролетарской революции*) и публицистической и риторической фразеологии (*залить кровью невинных жертв, встанем как один на защиту своего города, символ воинской чести, отстаивать от врага каждую пядь родной земли, решаются судьбы, иго нацизма, шайка вооруженных до зубов, бредовая идея господства* и т. д.), соединяется с синтаксическими фигурами, например с приемом упорядоченного перечисления: *разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы; разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирными жителями; встанем на защиту своего народа, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы.*

3) *Красное Знамя — есть символ воинской чести, доблести и славы; оно является напоминанием... об их* [воинов] *священном долге преданно служить Советской Родине, защищать ее мужественно и умело, отстаивать от врага каждую пядь родной земли* (Положение о Красном Знамени).

4)*...нельзя допустить, чтобы... шайка вооруженных до зубов гитлеровских разбойников... безнаказанно громила города и села,*

опустошала земли, истребляла многие тысячи и сотни тысяч мирных людей (Международная декларация).

Для текстов подобных документов характерно также употребление обращений в форме лозунгов и призывов:

Товарищи, ленинградцы, дорогие друзья! Встанем как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы! Будем стойки до конца! Смерть кровавым немецким разбойникам! Победа будет за нами!

Вместе с тем общей чертой стиля документов военного времени является строгость и точность выражения. Публицистический характер некоторых из них способствовал лишь незначительным отклонениям от усвоенных деловой речью в 30-е годы стандартов: частичный возврат к использованию высокой книжной лексики и к элементам специально построенных в экспрессивных целях синтаксических структур. Также незначительны и другие структурные изменения; но их характер говорит о том, что в военные годы стиль деловых документов по сравнению с предшествующим периодом в известной степени стал проще, экономнее и свободнее. Например, наряду с именными двусоставными предложениями, для деловой речи начала 40-х годов в высшей степени характерны односоставные, инфинитивные повелительные предложения.

В текстах законов:

Обязать Наркомзем СССР за счет общей сметы отпустить на восстановление МТМ и ремонтного завода 5 млн. рублей (Постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны); *Разрешить Краснодарскому крайисполкому реализовать в 1943 году продукцию ввоздильного завода Наркомместпрома РСФСР внутри края для нужд восстановления сельского хозяйства* (Там же).

Наряду с постоянным для делового стиля обилием отглагольных имен — наличие глагольных конструкций там, где по бюрократическим стандартам 30-х годов более употребительны были бы именные. Ср.:

Мы признали необходимым рекомендовать маршалу Тито и д-ру Шабашичу немедленно ввести в действие заключенное между ними Соглашение и образовать Временное Объединенное Правительство на основе этого Соглашения (Конференция руководителей трех Союзных Держав в Крыму, 4—12 февраля 1945 г.); *Главы трех правительств условились в следующем: 1. Германия обязана возместить в натуре ущерб, причиненный ею в ходе войны союзным нациям* (Протокол о переговорах между главами трех Правительств на Крымской конференции).

Выполняя указания командиров корпусов и дивизий, пехотные артиллерийские и танковые командиры обязаны:

— взаимно знать расположение боевых порядков...

— на местности согласовать свои действия по цели,

— знать задачи авиации и увязать с ней свои действия,

— организовать непрерывную взаимную поддержку (Полевой устав РККА);

Обязать НКО: а) сформировать в период с 1 октября по 1 декабря 1943 года: «Краснодарское Суворовское военное училище» в г. Майкопе (Постановления Советского государства за время Великой Отечественной войны).

Установить с 30 ноября в Службе Пути и дистанциях круглосуточное дежурство на весь период снегоборьбы;

В связи с большим недостатком в городе Ленинграде земли под коллективные и индивидуальные огороды трудящихся, Исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся решает:

1. *Во изменение решения Ленгорисполкома от 1 марта 1943 г., протокол № 85, пункт 43, § 3, изъять от Зоопарка в парке Челюскинцев Выборгского района 50 га покосов в распоряжение Горзеленотдела.*

2. Обязать Горзеленотдел (т. Ларионова) *при распределении сенокосов выделить 50 га Зоопарку* (Из Архива Октябрьской революции).

(Ср. возможные: *рекомендация, образование; дать обязательство возместить; необходимо согласование, знание...* и т. д.).

Частое употребление инфинитива вместо отглагольного существительного и односоставных инфинитивных повелительных предложений привело к тому, что в деловой речи 40-х годов реже используются сложные синтаксические периоды, чем в предыдущие десятилетия. Вероятно, здесь сказалось и влияние жанра военного приказа на другие жанры деловой речи этого времени.

Бóльшая свобода и бóльшее жанровое своеобразие в отборе языковых средств при составлении деловых документов в 40-е годы — естественный этап дальнейшего развития официально-делового функционального стиля на фоне исторического развития всего литературного языка советской эпохи. Процесс стабилизации деловой речи, происходивший в 30-е годы и закрывший путь разговорно-просторечной стихии в язык официальных документов, связан со стабилизацией общелитературных норм. Для словарного состава в 40-е годы характерно полное отсутствие сниженной лексики даже в низовых документах, что обусловлено как общим повышением культурного уровня населения, так и повышением культуры делопроизводства. Созванное в 1941 г. Первое Межотраслевое совещание постановило «ввести в программу средних школ по русскому языку изучение правил составления служебных документов». В 1943 г. был опубликован проект Главного архивного управления по созданию единых норм в области делопроизводства.

Таким образом, к послевоенному периоду все более четко определяется место, назначение и особенности официально-деловой речевой разновидности в системе других функциональных стилей современного литературного языка.

VI

Основные особенности делового стиля советской эпохи, формировавшиеся на протяжении четырех десятилетий, остаются в настоящее время стабильными. Как и в прошлые периоды, более текучим оказывается лексический состав деловых документов, в той своей части, которая отражает вызванную внешними причинами потребность новой номинации вновь создающихся органов государственного управления и понятий ряда специальных отраслей народного хозяйства.

Для современного этапа (50 — 60-е годы) наибольшее значение в этом смысле имели, во-первых, такие изменения, как преобразование Совета Народных Комиссаров в Совет Министров (1946 г.), народных комиссариатов — в министерства, разукрупнение и укрупнение министерств [38], во-вторых, внедрение в жизнь начал общественного самоуправления, передача функций государственных органов общественным организациям и, в-третьих, закономерное исчезновение военной тематики и замена ее тематикой, связанной с различными областями мирного послевоенного строительства.

В то же время, несмотря на консерватизм главных языковых элементов делового стиля, современная эпоха вложила в него некоторые свойственные ей стилистические тенденции развития литературного языка в целом, отразила характерные для нее общественные языковые вкусы.

Так, в настоящее время активно проявляется стремление к бóльшей простоте, свободе, снижению (в пределах литературных норм), смягчению и разнообразию средств выражения. Оно так или иначе затрагивает все области речевой деятельности и является своеобразной негативной реакцией на бывшее господство регламентированной, нивелированной, построенной главным образом на нейтральном стилевом слое речи.

[38] Ср. новые названия учреждений и должностей в связи с возрождением слов «министр» и «министерство»: Совет Министров СССР, АССР и т. д., Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР, Государственный комитет Совета Министров СССР по делам строительства; новые названия государственных должностей: Председатель Совета Министров СССР, министры СССР, заместитель Председателя Совета Министров и т. д., а также новые персональные звания: для работников Министерства связи — генеральный государственный директор связи, государственный директор связи, государственный директор связи I ранга, старший инспектор связи, инспектор связи I ранга и т. д.; для работников таможенных учреждений — генеральный советник таможенной службы, советник таможенной службы I ранга, контролер таможенной службы I ранга, контролер таможенной службы II ранга и т. д.

В деловой речи это общеязыковое устремление поддерживается и внутренними потребностями современного делопроизводства. Для него сейчас характерны: рационализация в ведении документов, сокращение излишней отчетности, излишней переписки, борьба с бюрократизмом.

Облегчение и сокращение труда, затрачиваемого на документирование, удешевление и сокращение канцелярского аппарата достигается сейчас использованием документационной техники, счетных машин, читающих устройств и т. д.

Борьба с бюрократизмом дает ощутимые результаты в области сужения сфер применения деловой речи, уменьшения количества ее жанровых разновидностей (главным образом внутри обиходной деловой речи).

Следовательно, благоприятные условия для облегчения и упрощения делового стиля — налицо. Но советская общественность стоит перед сложным вопросом: какими путями следует осуществлять облегчение и упрощение делового стиля? Правомерно ли разрушать его канонические свойства, уничтожать деловые стандарты и шаблоны? Правомерно ли, наоборот, содействовать категорическому укреплению этих стандартов, сводя к минимуму их количество и к элементарной простоте их внутреннюю структуру?

Для сегодняшнего языкового сознания характерна не только трезвая оценка отрицательных свойств сугубо бюрократических, канцелярских излишеств [39], но и неприятие делового стиля в целом. Функциональная природа последнего не позволяет, однако, затрагивать, при любых усовершенствованиях, самую его сущность — стандарт и шаблон, единообразие в отборе речевых средств. Следовательно, не уничтожение, а облегчение, упрощение и смягчение этих стандартов наиболее соответствует требованиям времени. Теория и практика современного делопроизводства развивается именно по этому пути.

В течение 50—60-х годов было опубликовано большое количество руководств по составлению деловых бумаг, общих и специальных, внутриведомственных [40]. Они устанавливают типовые образцы по составлению деловых бумаг с точки зрения отбора деловой лексики, фразеологии и синтаксиса. Окончательный отказ от лексических архаизмов, от архаических оборотов в синтаксисе, еще встречавшихся в руководствах прежних десятилетий, отказ от ста-

[39] Ср. критику «канцелярского» языка в книгах и статьях; К. Чуковский. Живой как жизнь. М., 1962, стр. 110—153; П. Нилин. Опасность не там. «Новый мир», 1958, № 4; Л. Кассиль. Слова-калеки и слова-дистрофики. «Новый мир», 1958, № 4; А. Морозов. Записки о языке. «Звезда», 1954, № 11; В. Бианки. Мысли вслух. «Звезда», 1958, № 7; В. Чураков. О родном нашем языке. «Известия», 23 окт. 1960 г.

[40] См.: Н. П. Лауфер. Корреспонденция и делопроизводство. М., 1957; С. Молчанов. Деловые бумаги. Майкоп, 1960; Б. Е. Огородников. Корреспонденция промышленных предприятий. М., 1962.

рых тяжеловесных канцелярских штампов — характерная черта этих руководств.

Рекомендуемые в них устойчивые обороты и фразы просты и лаконичны: *просим выслать, ответить* и т. д., *обязываю вас провести* [*положение дел*], *при проверке установлено, с целью* [*выяснения* и т. п.], [*справка*] *выдана, дана для представления, действительна по предъявлению паспорта, документа* и т. п., *предоставить* [*право*], *возложить на; установить, что, поручить кому-, отметить что, образовать что-либо, разрешить что-либо, в целях обеспечения* [*улучшения, предоставления*], *по согласованию, в связи* [*с образованием*], *в соответствии* [*с постановлением*], *в изъятие из, в дополнение к, на основании, во исполнение, мы, нижеподписавшиеся; настоящей* [*доверенностью*] и т. п., *доверенность* [*действительна* и т. п.], *в соответствии* [*с положением* и т. п.], *подтверждаем, что* [*акт*] *составлен, дела сдал, дела принял,* [*справка*] *выдана* [*для представления*], *сообщаем, что, прошу сообщить, выписка верна, дата выдачи и т. д.*

Такова же рекомендуемая лексика и фразеология: *журнал учета входящих документов, журнал учета исходящих документов, первичный учет, периодическая отчетность, учет исполнения бюджета, дата получения, входящий номер, решения и распоряжения вышестоящих органов, сведения, справки, информации, гербовая печать, разносная книга, перечень дел, жалобы и заявления трудящихся, копия ответа, книги протоколов, проекты решений и распоряжений, контроль за исполнением постановлений, решений и распоряжений.*

Легко заметить: 1) что это в основном общелитературная лексика, но строго и четко отобранная; 2) что деловые шаблоны, рекомендуемые к употреблению, сведены к минимуму и просты по составу. И то и другое, естественно, способствует упрощению стилистической системы современной деловой речи (особенно низовой, обиходной).

Одновременно некоторые явления общественной речевой практики свидетельствуют не только об упрощении, но и об известном «раскрепощении» делового стиля. В стандартный набор сухих формулировок некоторых обиходно-деловых жанров (объявления, рекламы, названия различных общественно-бытовых предприятий) вторгается разговорно-нейтральная стихия.

Ср.: *У нас не курят, Берегите цветы* (вместо прежних *Курить воспрещается, По газонам не ходить*), *Посетите наше кафе, Покупайте вещи в нашем магазине, Вышивки* (вместо прежнего *Строчевышитые изделия*) и др. Смягчаются формулировки требований, обращений, приглашений: Ср.: «*Уважаемый товарищ! 24 декабря 1965 г. в 18 часов состоится общее собрание избирателей с отчетом депутата Октябрьского Райсовета депутатов трудящихся. Просьба принять участие в собрании*» (Пригласительный билет); *Большая благодарность редакции газеты «Ленправда» за то, что на своих страницах подняла вопрос о том, что Ленинград может и должен быть образцом чистоты и порядка... Очень хотели посадить деревья и цветы. Просьба помочь нам в этом деле* (Из Архива Октябрьской революции).

Отказ от обязательной ранее строгой изолированности канцелярского шаблона выражается и в некоторых частных явлениях. Так, например, в деловых документах последних лет конструкция «согласно чего...» уступает конструкции с дательным падежом. Ср.: *Проверкой установлено: котельная оборудована, согласно указаниям технической инспекции; Согласно Вашему заявлению, Санэпидстанция произвела обследование двора* (Из Архива Октябрьской революции).

Конструкция с относительным местоимением «который» употребительна наряду с более характерными для деловой речи причастными оборотами. Ср.: *При каждом детском доме создается попечительский совет, который является органом общественности* (Постановление Совета Министров РСФСР 17 февр. 1954 г., № 180).

Примеры показывают, что для нашего времени это «раскрепощение» делового стиля не представляет собой возврата к стилистической неупорядоченности языка низовых документов 20-х годов, к использованию внелитературных речевых пластов. Соединение деловых шаблонов с элементами других стилистических систем реализуется в пределах общелитературной нормативной речи и способствует функциональному выравниванию тех и других, образуя ту нейтрально-книжную стилистическую окраску, к которой движется официально-деловая речь.

Вот ряд иллюстраций из документов последних лет [41], свидетельствующих об упрощении и нейтрализации многих специфических примет делового стиля.

Из текстов законов:

Считать, что пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создает угрозу новой войны и является ввиду этого тягчайшим преступлением против человечества...

Лиц, виновных в пропаганде войны, предавать суду и судить как

[41] Проанализированы следующие документы 50—60-х годов: 1) Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР, т. 4—6 (1948—1957 гг.). М., 1958—1959; 2) Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938—1956 гг.). М., 1956; 3) Проект директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг.; 4) Гражданский кодекс СССР. М., 1964; 5) Международные отношения и внешняя политика СССР, 1871—1957 (сборник документов). М., 1957; 6) Устав гарнизонной и караульной служб вооруженных сил Союза ССР. М., 1952; 7) Устав внутренней службы вооруженных сил Союза ССР. М., 1965; 8) Материалы Архива Октябрьской революции и социалистического строительства в Ленинграде (50-е годы); Материалы Государственного архива в г. Выборге (50-е годы); 10) Н. П. Лауфер. Корреспонденция и делопроизводство. М., 1957; 11) Б. Е. Огородников. Корреспонденция промышленных предприятий. М., 1962; 12) А. Ф. Ломизов. Воспитание культуры устной и письменной речи. М., 1957; 13) С. Молчанов. Деловые бумаги. Майкоп, 1960.

тяжких уголовных преступников (Закон о защите мира от 12 марта 1951 г.).

Предоставить Мосгорисполкому право: 1. Устанавливать предприятиям городского и районного подчинения дополнительные задания по производству промышленной продукции...

3. Разрешить передачу для промышленной переработки в товары широкого потребления до 10% промышленных и продовольственных товаров (Постановление Совета Министров РСФСР 3 июля 1955 г., № 887).

Из дипломатических документов:

...констатируя, что Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в Москве 6 апреля 1948 года между СССР и Финляндией, отвечает жизненным интересам обеих стран и содействует успешному разрешению вышеуказанных задач, решили подписать настоящий Протокол (Протокол между Союзом Советских Социалистических республик и Финляндской республикой... 19 сентября 1955 г.).

Советское правительство предлагает:

...2. Осуществить в течение указанного выше срока запрещение атомного и водородного оружия. 3. Сократить в течение 1957 года на одну треть вооруженные силы США, СССР, Англии и Франции, размещенные на территории Германии... 5. Ликвидировать в течение двух лет иностранные военные, военно-морские и военно-воздушные базы на территории других государств (Заявление Советского правительства по вопросу о разоружении 17 ноября 1956 г.).

Из воинских уставов:

Он — заместитель командира батальона — отвечает за организацию и состояние боевой подготовки и поддержание внутреннего порядка и дисциплины в батальоне (Устав внутр. службы вооруж. сил СССР).

Командир батальона обязан:

— руководить боевой и политической подготовкой и воспитанием всего личного состава батальона;

— проверять знания солдат, сержантов и офицеров батальона;

— поддерживать внутренний порядок и соблюдение дисциплины в батальоне и т. д. (Там же).

Из обиходной деловой речи:

В дальнейшем при направлении гастролеров следует строго придерживаться профиля концертной организации; Живущие во флигеле несколько раз просили и еще раз просят Вас о следующем: 1. Категорически обяжите строительство восстановить вход во флигель с канала... 2. Осветить лестницу и двор немедленно. 5. Отремонтировать лестницу и стены флигеля. 8. Стекла на лестнице вставить, а рамы исправить (Из Архива Октябрьской революции).

* * *

В особенностях развития делового стиля советской эпохи сказалась, таким образом, специфика его функционально-стилистической природы.

С одной стороны, исторически сложившиеся главные его черты явились исключительно устойчивыми. Стандартные синтаксические обороты и лексико-фразеологические шаблоны официального характера есть результат внутриязыкового отбора, создания и использования тех структурно-синонимических возможностей языка, которые наилучшим образом отвечают данной речевой функции. И именно эти черты, возникшие вследствие внутренних закономерностей языкового развития, определяли лицо стиля, отграничивали его от других стилей и сохранили свою тематическую и жанровую прикрепленность на протяжении разных эпох. Их постоянство дает нам право говорить о консервативности делового стиля в целом, поддерживающейся также относительной стабильностью его тематико-ситуационных рамок.

С другой стороны, языковой репертуар делового стиля, и в первую очередь его лексический состав, не мог не изменяться под влиянием внешних причин. Общеизвестное положение о более непосредственной реакции лексики, по сравнению с другими уровнями языка, на социально-исторические сдвиги в обществе в деловом стиле получает самое наглядное выражение, так как официально-деловая коммуникативная сфера включает в себя наиболее подвижную часть словарного состава: общественно-политическую лексику и специальную терминологию. Но внешняя причина — потребность в номинации новых административных понятий, обусловливая использование деловой речью новых лексических групп, не меняет ее общей стилистической характерности. Следовательно, с этой точки зрения можно констатировать сопротивляемость делового стиля общественно-обусловленным изменениям.

В то же время иногда под влиянием конкретных исторических событий стилистические свойства деловой речи могут варьироваться. Сопоставление деловых документов разных десятилетий послеоктябрьского периода достаточно убедительно это показывает.

Первопричиной здесь оказываются сдвиги в жанровом составе деловой речи, отвечающие требованиям времени (возникновение новых жанров, исчезновение или видоизменение старых).

Так, активизация некоторых жанров общегосударственного масштаба (декретов, деклараций) в периоды особенно значительных социальных преобразований или потрясений, какими были Октябрьская революция, гражданская и Отечественная войны, сопровождалась формированием как бы синтетического вида деловой речи, соединяющей в себе официально-административную и художественно-публицистическую струю и имеющей торжественный, патетический характер.

Неодинаковы, в смысле стабильности стилистических признаков, и сами жанры, входящие в состав деловой речи. Такие из них, как дипломатические международные документы и военные уставы, меньше подвержены внешним влияниям, что связано с их функционально-тематической спецификой. Более чутки к социально-историческим изменениям в жизни страны законодательства и постановления внутригосударственного назначения, а также все жанры и виды низовой документации. Однако и они, при частичных сдвигах, сохраняют на протяжении всех последних десятилетий свои основные стилистические свойства.

Тем не менее деловой стиль советской эпохи в целом имеет существенные отличия от делового стиля дореволюционной поры. И выразились эти отличия главным образом в упрощении и демократизации сложных и тяжеловесных канонов старой официально-бюрократической традиции.

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Г. Винокур. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса) 3

Т. Г. Винокур. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи 12

О. Б. Сиротинина. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики 101

О. А. Лаптева. Внутристилевая эволюция современной русской научной прозы 126

К. А. Логинова. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху 186

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

Развитие функциональных стилей современного русского языка

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Гаврилова*
Технический редактор *В. В. Волкова*

Сдано в набор 3/X 1967 г. Подписано к печати 2/III 1968 г.
Формат 60×90¹/₁₆ Бумага типографская № 2. Печ. л. 14,5 п. л.
Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 8000 экз. Т-05191. Тип. зак. 3690.

Цена 92 коп.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
3	8 св.	после октябрьской литературы	послеоктябрьской литературой
9	28 св.	для того	до того
52	13 св.	«Развитие функциональных стилей современного русского языка».	